

A woman is shown from the waist up, wearing an elaborate teal and gold historical gown with puffed sleeves and lace details. She is holding a large, ornate fan in her left hand. The background is a textured, light-colored surface.

БЕЛАЯ
ПРИНЦЕССА

Беллини
ГРЕГОРИ

Война Алой и Белой роз

Филиппа Грегори
Белая принцесса

«ЭКСМО»

2013

Грегори Ф.

Белая принцесса / Ф. Грегори — «Эксмо», 2013 — (Война Алой и Белой роз)

ISBN 978-5-699-68952-1

Ее мать – Белая королева, супруг – первый король из династии Тюдоров, сын – будущий король Англии и Ирландии. Два из этих трех титулов Елизавета Йоркская приняла против своей воли. Ей пришлось стать женой человека, который отобрал у ее любимого не только корону, но и жизнь. Она любила каждого из своих детей, но никогда не забывала, какой ценой они ей достались. Брак с Генрихом Тюдором не принес Елизавете того счастья, о котором она мечтала, зато обручение Алой и Белой роз положило конец их мучительной войне. Но достаточно ли всего этого, чтобы мир воцарился и в сердце Елизаветы? Об этом Белая принцесса расскажет сама.

ISBN 978-5-699-68952-1

© Грегори Ф., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Замок Шериф-Хаттон, Йоркшир. Осень, 1485 год	5
На Большой Северной. Дороге.[7] Осень, 1485 год	10
Вестминстерский дворец, Лондон. Осень, 1485 год	13
30 октября 1485 года	32
Вестминстерский дворец, Лондон. Ноябрь, 1485 год	35
Вестминстерский дворец, Лондон. Декабрь, 1485 год	43
Вестминстерский дворец, Лондон. Рождество, 1485 год	52
Дворец Колдхарбор, Лондон. Празднование Рождества, 1485 год	55
Вестминстерский дворец, Лондон. 18 января 1486 года	59
Вестминстерский дворец, Лондон. Февраль, 1486 год	66
Вестминстерский дворец, Лондон. Март, 1486 год	73
Вестминстерский дворец, Лондон. Апрель, 1486 год	76
Вестминстерский дворец, Лондон. Май, 1486 год	81
Дворец Шин, Ричмонд. Лето, 1486 год	85
Монастырь Святого Суизина, Винчестер. Сентябрь, 1486 год	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Филиппа Грегори Белая принцесса

Замок Шериф-Хаттон, Йоркшир. Осень, 1485 год

Как бы я хотела перестать видеть сны! Боже, как бы мне этого хотелось!

Я так устала; единственное, чего мне хочется, это хорошенько выспаться. Я бы, наверное, проспала целый день, с рассвета до наступления сумерек, которые с каждым днем все раньше окутывают землю, сменяясь ночным мраком. Весь день я только и думаю, как бы мне уснуть покрепче. Но приходит ночь, и я изо всех сил гоню от себя сон и стараюсь бодрствовать до утра.

Я иду в его тихие покои, окна которых закрыты ставнями, и смотрю на медленно догорающую свечу, которая постепенно начинает оплывать и гаснет в точно означенное время, хотя он-то никогда больше света не увидит. Каждый день в полдень слуги поджигают с помощью тонкой свечки очередную большую свечу; и на ней время медленно, час за часом, догорает дотла; впрочем, время теперь для него ничего не значит. Чувство времени совершенно утрачено им, погруженным в вечную тьму, в вечное безвременье, а вот на меня время давит так тяжело. Весь день я жду, когда медленно накатит серый вечер и колокол похоронным звоном известит, что пора идти к повечерию, и я пойду в часовню и помолюсь за спасение его души, хотя он никогда уж больше не услышит ни моего шепота, ни тихого монотонного голоса священника.

А потом мне можно лечь в постель. И я ложусь, но уснуть не решаюсь – слишком мучительны, невыносимы те сны, что тут же приходят ко мне. Мне снова снится он. Снова и снова он является мне во сне.

Весь день я стараюсь улыбаться; от этой улыбки лицо у меня застыло, как маска, – я улыбаюсь, улыбаюсь, улыбаюсь, показывая зубки, сияя глазами, и при этом чувствую, что кожа на лице натянута и вот-вот порвется, как истончившийся старый пергамент. Я стараюсь говорить звонким приятным голосом, я произношу какие-то ничего не значащие слова, а порой, когда требуется, даже пою. Но по ночам, упав головой на подушку, я словно тону в глубоких водах, словно проваливаюсь в бездонную пропасть, и подхватившие меня воды обретают полную власть надо мною, они увлекают меня за собой, я плыву по ним, точно русалка. И на мгновение меня охватывает глубочайшее облегчение: мне кажется, что мое горе способно раствориться в этих водах, и они унесут его прочь, как уносит любое горе река Лета, течение которой способно дать забвение, способно увлечь в пещеру снов. Увы, вот тут-то и возникают эти кошмарные видения.

Мне снится не его смерть; это был бы худший из кошмаров – видеть, как он сражается и погибает. Нет, мне никогда не снится та последняя битва¹; я не вижу, как он в последний раз ринулся в атаку, целясь в самое сердце гвардии Генриха Тюдора. Не вижу, как он мечом прорубал себе путь среди врагов. Не вижу, как в сражение вступила кавалерия Томаса Стэнли, как Ричарда вышибли из седла, как он исчез под копытами вражеских коней, как ему отказала правая рука, как он, упав на землю под безжалостным натиском кавалерии, кричал: «Предательство! Предательство! Предательство!» И я не вижу, как Уильям Стэнли поднял с земли его корону и надел ее на голову другого человека.

¹ Во время исторической битвы при Босуорте, 21–22 августа 1485 г., братья Стэнли, Томас и Уильям, бывшие сподвижниками Ричарда III, предали его. Томас Стэнли, муж Маргарет Бофор и отчим Генриха Тюдора, воздерживался от вступления в бой, пока ему не стало ясно, что Ричард проигрывает; и тогда он обратил свое войско против вчерашнего союзника. Ричард сражался до последнего, но в ходе кавалерийской атаки Стэнли он потерял коня и был убит. Именно Стэнли снял с его шлема маленькую боевую корону и подал ее Генриху. (Здесь и далее прим. пер.)

Ничто из этого мне не снится, и я благодарю Господа хотя бы за эту милость. Я и без того в течение дня думаю только об этом, и от этих мыслей мне никуда не уйти. Страшные кровавые воспоминания преследуют меня весь день, заполняя мой ум и мою душу, однако же поступь моя по-прежнему легка, я веселым голосом веду беседы о том, какая неестественная для этого времени года стоит жара, и земля пересохла, и хорошего урожая в этом году не видать. А вот ночью мне становится совсем плохо, ибо мои ночные мысли и видения куда более яркие и болезненные; порой мне снится, что Ричард жив, что он обнимает меня, будит меня поцелуем, и мы гуляем в саду, и говорим о нашем будущем... Мне снится, что я беременна от него, и на моем округлившемся животе лежит его теплая рука, и он улыбается, счастливый, а я обещаю ему, что у нас непременно родится сын, наследник Йорков, который так ему нужен, который так необходим и всей Англии, и нам обоим. «Мы назовем его Артуром, – говорит он. – Мы назовем его Артуром во имя Артура из Камелота², во имя Англии».

И боль, которую я испытываю, проснувшись и поняв, что все это мне снова лишь приснилось, становится день ото дня все мучительней. И я молю Господа, чтобы Он избавил меня от этих снов, дал мне силы перестать мечтать о несбыточном.

* * *

Моя дорогая и любимая доченька Элизабет!

Всей душою своей я с тобой, я молюсь за тебя, дорогое мое дитя, но именно теперь, впервые в твоей жизни, тебе придется сыграть ту важнейшую роль, ради которой ты и появилась на свет: роль королевы.

Наш новый король, Генрих Тюдор, повелевает тебе прибыть ко мне в Лондон, в Вестминстерский дворец, и привезти с собой твоих сестер и твоих кузенов³. Учти: он так и не отказался от помолвки с тобой! И я жду, что у этой помолвки будет продолжение.

Я понимаю, дорогая, что отнюдь не на это ты возлагала главные свои надежды, но Ричард, увы, мертв, и этот этап твоей жизни закончен. Генрих стал победителем, и теперь наша главная задача – сделать тебя его женой и королевой Англии.

И еще в одном тебе придется меня послушаться: ты должна непременно улыбаться и выглядеть веселой, как это и подобает невесте, приехавшей к своему жениху. Принцессе не пристало делиться своими переживаниями со всем светом. А ты рождена принцессой. И к тому же ты – наследница целой череды отважных и смелых женщин. Так что выше нос, моя дорогая, и улыбайся! Я очень жду тебя. И, конечно же, я тоже буду улыбаться.

Твоя любящая мать,

Елизавета R.⁴, вдовствующая королева Англии.

Письмо это я прочла очень внимательно, ибо моя мать никогда ничего не говорит прямо, и буквально каждое ее слово отягощено несколькими слоями смысловых различий. Я легко могла себе представить, как страстно ей хочется, воспользовавшись очередной и столь удачной возможностью, добраться до английского трона. Это была поистине неукротимая женщина; мне доводилось видеть, как ее заставляли пасть очень низко, но никогда – даже в годы вдовства, когда страшное горе почти сводило ее с ума, – я не видела ее униженной и смиренной.

² Артур – легендарный король бриттов, герой кельтских сказаний и центральный образ рыцарских романов Круглого стола; предполагаемым прототипом короля Артура был вождь силуров, живший в VI в. Камелот – место, где находился двор короля Артура, предположительно близ Эксетера.

³ Имеются в виду Маргарет и Эдвард, кузены Елизаветы Йоркской; это дети ее дяди, герцога Джорджа Кларенса, родного брата Эдуарда IV, и Изабеллы Невилл, дочери графа Уорика, «делателя королей».

⁴ Regina (лат.) – королева.

Я сразу же поняла, почему она требует, чтобы я непременно выглядела счастливой и постаралась забыть, что мой возлюбленный погиб и погребен невесть где⁵, а я теперь должна ковать будущее благополучие своей семьи и против воли вступить в брак с врагом, с тем, кто погубил моего любимого. Генрих Тюдор явился в Англию, всю жизнь проведя в ожидании и стремясь к этой цели, и выиграл решающее сражение при Босуорте, победил законного правителя Англии и моего любовника Ричарда, и теперь и я, и вся Англия стали как бы частью его военных трофеев. Если бы при Босуорте победил Ричард – а ведь никому и в голову прийти не могло, что победителем окажется не он! – я бы стала его любящей женой и королевой Англии. Но он пал под ударами предательских мечей; и предали его те, кто, собравшись под его знамена, присягали ему на верность, клялись биться за него до последнего; а мне теперь предстояло выйти замуж за Генриха и забыть те чудесные шестнадцать месяцев, в течение которых я была любовницей Ричарда и фактически королевой. Ричард был зеницей моего ока, я всем сердцем любила его, но он погиб, и мне действительно лучше постараться забыть о том, что в моей жизни были эти полтора года счастья.

Я читала письмо от матери, стоя в арке ворот огромного замка Шериф-Хаттон; дочитав, я повернулась и пошла внутрь; в большом зале было тепло и чуть пахло древесным дымом – там был затоплен центральный камин. Я скатала материно письмо в шарик и бросила в камин, прямо на пылающие поленья, проследив, чтобы оно сгорело дотла. Итак, все упоминания о моей любви к Ричарду и о его обещаниях, данных мне, должны быть уничтожены, как и это письмо. Мне следует тщательно хранить эту и другие тайны, особенно одну. Я с детства была весьма открытой и разговорчивой – ведь я, принцесса, выросла при дворе своего отца, где всегда царила свобода, куда стекались ученые, художники и артисты, где можно было думать о чем угодно, что угодно говорить и писать; но, разумеется, впоследствии, особенно после смерти отца, мне пришлось обрести все умения настоящих шпионов, и в первую очередь – умение хранить тайну.

Глаза мои невольно наполнились слезами, да и камин сильно дымил, но я понимала, что не имеет смысла плакать, а потому вытерла слезы и пошла искать детей. Просторное помещение в верхнем этаже западной башни служило им одновременно и классной, и игровой комнатой. Этим утром моя шестнадцатилетняя сестра Сесили занималась с младшими пением, и я, поднимаясь по каменной лестнице, слышала их голоса и звуки маленького барабана, на котором отбивали ритм. Когда я распахнула дверь, они на мгновение умолкли, а потом стали требовать, чтобы я непременно послушала то рондо, которое они только что сочинили. Анна, которой было десять, с раннего детства занималась пением с самыми лучшими учителями, а наша двенадцатилетняя кузина Маргарет, обладая чудесным слухом, легко подхватывала любую мелодию; у ее десятилетнего брата Эдварда был чистейший дискант, нежный, как флейта. Я с удовольствием послушала, как они поют, и даже похлопала в ладоши.

– А теперь я должна сообщить вам некие новости, – сказала я.

Мой кузен Эдвард Уорик, унаследовавший свой титул от деда, графа Уорика, «делателя королей», поднял над грифельной доской свою тяжелую голову⁶ и с безнадежным видом спросил:

– Это не меня касается? Не Тедди?

– Нет, как раз и тебя, и твоей сестры Маргарет, и Сесили, и Анны. Эти новости касаются всех вас. Как вам известно, Генрих Тюдор выиграл сражение при Босуорте и теперь станет новым королем Англии.

⁵ Чтобы пресечь всякие слухи по поводу возможного спасения короля Ричарда, погибшего на ратном поле, его тело, лишенное не только королевских регалий, но и одежды, было перевезено в город Лестер и выставлено на всеобщее обозрение. Лишь после этого там же, в Лестере, был совершен обряд погребения, однако место отмечено не было.

⁶ Считается, что сын Джорджа Кларенса с детства страдал легкой формой слабоумия и имел непропорционально большую голову.

Таковы королевские дети: все они сразу помрачнели, но были слишком хорошо воспитаны, так что не проронили ни словечка сожалений по поводу гибели их дяди Ричарда. Они лишь молча и терпеливо ждали, что я скажу дальше.

– Наш новый король Генрих обещал быть добрым правителем для своих верных подданных, – сказала я, презирая себя за то, что, как попугай, повторяю те слова, которые произнес сэр Роберт Уиллоубай, передавая мне материно письмо. – Он зовет всех нас, детей Дома Йорков, приехать к нему в Лондон.

– Ведь это же он станет королем, не так ли? – спокойно заметила Сесили.

– Конечно, он! Кто же еще? – Услышав ее вопрос, я, правда, слегка запнулась, но потом решила не морочить себе голову и попросту отложить пока более подробный ответ на него. – Разумеется, именно он и станет королем. В конце концов, ведь это же он завоевал английскую корону! А нам он собирается вернуть наше славное имя и признать нас принцессами Йоркскими.

Сесили обиженно надулась. За несколько месяцев до того, как король Ричард сел на коня и отправился на поле битвы близ Босуорта, он приказал ей выйти замуж за Ральфа Скроупа, человека совершенно не знатного, почти ничтожество. Он сделал это из опасений, что Генрих Тюдор вполне может выбрать Сесили в качестве своей второй невесты, если ему вдруг придет в голову от меня отказаться. Сесили – принцесса Йоркская, как и я, а потому брак с любой из нас давал определенные права на трон. Я лишилась расположения света, когда сплетники стали утверждать, что я любовница Ричарда, но затем свет до некоторой степени отвернулся и от Сесили, когда Ричард сознательно ее унизил, приговорив к браку с человеком, заведомо находившимся на куда более низкой ступени. Теперь моя сестра заявила, что по-настоящему Ральф Скроуп мужем ей так и не стал, а потому она и не воспринимает этот брак как состоявшийся, и наша мать непременно постарается этот брак аннулировать. Однако пока что все считали ее леди Скроуп, женой одного из потерпевших поражение йоркистов, и даже если мы получим обратно свои королевские титулы и снова станем принцессами, ей придется вспомнить и это новое имя, и то унижение, которое принес ей брак со Скроупом, хотя теперь никто и понятия не имел, где ее бывший супруг находится.

– А знаешь, Элизабет, это ведь мне следовало бы теперь стать королем, – сказал вдруг десятилетний Эдвард, дернув меня за рукав. – Ведь дядя Ричард назвал своим наследником именно меня, не так ли?

Я повернулась к нему.

– Нет, Тедди, – ласково пояснила я. – Королем ты стать никак не можешь. Это верно, ты сын Дома Йорков и дядя Ричард действительно однажды назвал тебя своим наследником; но теперь, когда он погиб, следующим королем станет Генрих Тюдор. – Я заметила, как дрогнул мой голос, когда я сказала «он погиб», и, переведя дыхание, начала снова: – Дядя Ричард умер, Эдвард. И ты это прекрасно знаешь, не так ли? Ты понимаешь, что нашего короля Ричарда больше нет? И теперь тебе никогда уже не быть его наследником?

Он посмотрел на меня так беспомощно, что мне показалось, будто он совсем ничего не понял; потом его большие ореховые глаза наполнились слезами, он отвернулся и, склонившись над грифельной доской, стал вновь старательно выписывать буквы греческого алфавита. Я некоторое время смотрела на его русую голову, думая о том, что это его немое, точно у животного, проявление горя в точности схоже с моим. Вот только мне приказано все время быть веселой, разговорчивой и каждому улыбаться, что я и делаю.

– Он никак не может это уразуметь, – еле слышно сказала Сесили, стараясь, чтобы ее не услышала Мэгги, сестра Эдварда. – Мы ему все это уже сто раз говорили, сто раз объясняли. Но он слишком упрям и ничему не желает верить.

Я быстро глянула на Мэгги, которая спокойно сидела рядом с братом, помогая ему правильно писать буквы, и подумала: а ведь и я, должно быть, столь же глупа и упряма, как

Эдвард, поскольку тоже никак не могу поверить в реальность случившегося. Казалось, только что Ричард повел в наступление свое непобедимое войско, и уже в следующее мгновение нам принесли весть о том, что он потерпел поражение. А трое из самых близких его друзей, те, кому он больше всего доверял, его предали; они выжидали, сидя в седле, когда он бросился в безнадежную атаку, полетел навстречу собственной смерти; они спокойно наблюдали за этой смертельной схваткой, словно это обыкновенный турнир, на небе светит солнце, они – просто зрители, а он – рыцарь, надеющийся на победу; словно это всего лишь игра, которая может закончиться так и этак, а главный приз, несомненно, стоит подобных усилий.

Я покачала головой. Если я буду думать о том, как Ричард скакал один навстречу своим врагам, спрятав мою перчатку за нагрудной пластиной доспехов, ближе к сердцу, я непременно опять расплачусь, а моя мать велела мне улыбаться.

– Итак, мы едем в Лондон! – весело сказала я, словно была этому очень рада. – В королевский дворец! Мы снова будем жить все вместе в Вестминстере – вместе с нашей матушкой и нашими маленькими сестренками Кэтрин и Бриджет.

Дети герцога Кларенса, теперь оставшиеся сиротами, при этих словах снова посмотрели на меня; в глазах у них плескалась тревога.

– Но где будем жить мы с Тедди? – спросила Мэгги.

– Скорее всего, тоже вместе с нами, – бодро заявила я. – Я, во всяком случае, очень на это надеюсь.

– Ура! – обрадовалась Анна, а Мэгги принялась тихонько втолковывать Эдварду, что мы поедем в Лондон и он сможет проделать весь путь верхом на своем пони, как настоящий маленький рыцарь. Сесили, взяв меня за локоть, оттащила в сторонку и, не отпуская моей руки, принялась выпрашивать:

– А как же ты? Новый король все-таки собирается на тебе жениться? Неужели он сквозь пальцы посмотрит на то, что ты тут вытворяла с Ричардом? Неужели он готов забыть всю эту историю?

– Не знаю! – сердито сказала я и отняла у нее руку. – И потом, насколько известно, никто ничего с королем Ричардом «не вытворял». И уж ты-то, моя дорогая сестрица, в первую очередь не должна была бы заметить ничего предосудительного и уж тем более о чем-то таком болтать! Что же касается Генриха, то я не знаю, собирается он на мне жениться или нет, но именно это нам всем в первую очередь и нужно выяснить. Ответить на этот вопрос может только один человек: он сам. Или, возможно, двое: он и эта отвратительная старая карга, его мать, которая уверена, что может решить за него все на свете.

На Большой Северной Дороге.⁷ Осень, 1485 год

Когда стоит мягкая приятная погода, столь часто свойственная сентябрю, путешествие на юг всегда доставляет особое удовольствие, так что я сказала нашему эскорту, что нам нет нужды никуда торопиться. Дни стояли солнечные, было почти жарко, так что мы делали совсем небольшие переходы, тем более что младшие дети ехали верхом на пони и просто не могли более трех часов подряд проводить в седле. Я тоже отправилась в путь верхом, причем в мужском седле; этого гнедого гунтера подарил мне Ричард, надеясь, что я всегда смогу ехать с ним рядом, и сейчас я была рада находиться в пути, в движении, рада, что мы наконец уехали из замка Шериф-Хаттон, принадлежавшего Ричарду, который мы с ним вместе когда-то мечтали превратить во дворец, способный соперничать с Гринвичем. Я была рада, что рассталась с чудесными садами, где мы с Ричардом когда-то гуляли; и с тем просторным залом, где мы с ним танцевали под аккомпанемент самых лучших музыкантов; и с той часовней, где он, взяв меня за руку, клятвенно пообещал, что мы поженимся, как только он вернется с поля брани. С каждым днем я все больше удалялась от этих памятных мест, но, увы, надежды на то, что я сумею расстаться и с воспоминаниями об этих местах, у меня не было. Я думала, что дорожная усталость одержит победу над моими мучительными сновидениями, однако они и наяву преследовали меня, и порой мне казалось, что я почти слышу, как они, точно призраки, легким галопом неустанно следуют за мной.

Мой кузен Эдвард был в восторге от этой поездки; он наслаждался свободой, которую дарила ему Большая Северная Дорога, с удовольствием общался с людьми, которые то и дело попадались нам на пути; ведь многим хотелось посмотреть, что осталось от королевского семейства Йорков. Каждый раз, как наш маленький отряд останавливался, чтобы передохнуть, сразу же, откуда ни возмись, возникала толпа людей, которые благословляли нас, снимая шапки и кланяясь Эдварду, единственному оставшемуся в живых наследнику Дома Йорков, хотя Дом этот ныне и потерпел сокрушительное поражение. Многие уже слышали, что вскоре английский трон займет новый король – никому не известный уроженец Уэльса, чужак, незванным прибывший то ли из Бретани, то ли из Франции, то ли еще откуда-то из-за *narrow seas*⁸. Маленькому Тедди страшно нравилось делать вид, что он и есть будущий законный король, который направляется в Лондон для коронации. Он кланялся и махал рукой, снимал с головы шапочку и улыбался, когда люди, толкаясь, устремлялись из своих домов и лавок на центральную улицу какого-нибудь очередного маленького селения, через которое мы проезжали. Хоть я каждый день и твердила Эдварду, что мы едем на коронацию нового короля Генриха, он тут же забывал об этом, стоило кому-нибудь крикнуть: «За Уорика!»

Мэгги, его сестра, пришла ко мне вечером накануне нашего въезда в Лондон и спросила: – Принцесса Елизавета, могу я поговорить с вами?

Я улыбнулась ей. Бедная маленькая Мэгги! Ее мать умерла в родах⁹, и девочке пришлось стать для новорожденного Тедди и матерью, и отцом, и хозяйкой в доме, хотя она сама еще не перестала носить короткие платьица. Ее отца, герцога Джорджа Кларенса, казнили в Тауэре по приказу моего отца и с одобрения моей матери, но Мэгги никогда не проявляла никаких признаков затаенной ненависти к нам. Хотя всегда носила на шее медальон с прядью волос

⁷ Большая Северная Дорога, в настоящее время магистраль A1, – дорога Лондон – Эдинбург

⁸ *Narrow seas* (англ.) – пролив Ла-Манш и Ирландское море (буквально: «узкие моря»).

⁹ В 1476 году Изабелла, жена герцога Кларенса, родила своего четвертого ребенка, который вскоре умер, и она, не сумев оправиться после тяжелых родов, тоже умерла; первенец ее также умер вскоре после рождения, так что в живых остались двое – Маргарет и Эдвард.

своей матери, а на запястье браслет с серебряным амулетом в виде бочонка – в память об отце¹⁰. Всегда очень опасно находиться в непосредственной близости от трона; и Мэгги даже в свои двенадцать лет прекрасно это понимала. Дом Йорков вечно пожирал собственных детенышей, точно чересчур нервная кошка.

– В чем дело, Мэгги?

Ее лоб прорезали морщины – свидетельство тревоги.

– Мне страшно за Тедди.

Я молча ждала, зная, как она предана брату.

– Я не уверена, будет ли он в безопасности, – прибавила она.

– Почему? Что тебя так тревожит?

– Ведь Тедди – единственный мальчик в роду Йорков, точнее, единственный их наследник, – сказала Мэгги. – Разумеется, есть и другие Йорки, например, дети нашей тети Элизабет, герцогини Саффолк¹¹; но Тедди – единственный оставшийся в живых наследник Йорков по мужской линии, ведь и ваш отец, король Эдуард, и мой отец, герцог Кларенс, и наш дядя, король Ричард, – все они теперь мертвы.

Я почувствовала, как при этих словах в душе моей затаенной болью отозвалась некая знакомая нота, словно я стала лютней, струны которой были натянуты болезненно туго.

– Да, – эхом повторила я, – да, все они теперь мертвы.

– И у троих сыновей Йорка не осталось в живых ни одного сына, кроме Эдварда. Он – единственный мальчик среди наследников нашего Дома.

Она неуверенно глянула на меня. Никто так и не знал толком, что именно случилось с моими братьями Эдуардом и Ричардом, которых в последний раз видели играющими на зеленой лужайке перед лондонским Тауэром или машущими рукой из окошка в Садовой башне. Наверняка никто ничего сказать не мог, но все считали, что мальчики убиты. А то, что было известно мне, я хранила в строжайшей тайне, хотя знала я, к сожалению, не так уж много.

– Прости меня, – неловко извинилась Мэгги, – я не хотела тебя огорчить...

– Ничего страшного, – бодро сказала я, хотя любой разговор о моих бесследно исчезнувших братьях причинял мне острую боль. – Неужели ты боишься, что Генрих Тюдор и твоего брата упрячет в Тауэр, как это сделал с моими братьями король Ричард? Неужели тебе кажется, что и наш Эдвард может никогда не выйти оттуда?

Мэгги нервно комкала подол своего платья и молчала.

– Я не уверена, что его вообще следовало везти в Лондон! – вдруг вырвалось у нее. – Возможно, мне следовало нанять корабль и уплыть на нем с Тедди к нашей тете Маргарет во Фландрию? Но я даже не знаю, как это делается. Да и денег, чтобы нанять судно, у меня нет. И я не представляю, кого я могла бы попросить мне помочь. Как ты думаешь, Элизабет, может быть, нам действительно следовало поступить именно так? Ведь если бы я увезла Тедди отсюда, тетя Маргарет наверняка стала бы о нем заботиться хотя бы во имя любви к Дому Йорков. Скажи, как нам лучше поступить? И не могла бы ты узнать, как можно нанять судно?

– Думаю, король Генрих не причинит Тедди вреда, – сказала я. – Во всяком случае, прямо сейчас он явно ничего против Тедди предпринимать не станет. Возможно, позже, когда почувствует, что уже утвердился в роли короля и трон под ним не шатается, а люди перестали следить за каждым его шагом и предсказывать, как он поступит дальше. В ближайшие несколько месяцев Генрих повсюду будет искать себе друзей. Сражение он выиграл, и теперь ему нужно завоевать королевство. Ведь недостаточно убить предыдущего правителя, нужно еще заручиться поддержкой народа и быть коронованным. Так что сейчас Генрих вряд ли рискнет оскорблять

¹⁰ Неоднократно уличенный в предательстве своим братом, королем Эдуардом IV, Джордж Кларенс был казнен в Тауэре в 1478 году; когда король спросил, какой смертью он предпочитает умереть, он попросил утопить его в бочке мальвазии.

¹¹ Сестра короля Эдуарда IV.

Дом Йорков и его приверженцев. Ему, бедняге, придется, возможно, даже жениться на мне, чтобы всем потрафить!

Мэгги улыбнулась и воскликнула:

– Ах, ты была бы такой очаровательной королевой, Элизабет! Ты такая красивая – настоящая королева! И я тогда была бы уверена, что Эдварду ничего не грозит. Ведь ты взяла бы его под свою опеку, верно? Ты стала бы о нем заботиться? Уж тебе-то отлично известно, что мой брат ни для кого не представляет опасности. И мы оба, разумеется, принесли бы присягу верности семейству Тюдоров. И всегда были бы верны тебе.

– Если я действительно когда-нибудь стану королевой, то непременно обеспечу безопасность Тедди, – пообещала ей я, думая о том, сколько жизней зависит от того, сумею ли я заставить Генриха уважать меня, свою будущую супругу. – А пока вы оба, по-моему, можете спокойно ехать вместе с нами в Лондон; уж в доме-то моей матери никому из нас никакая опасность не страшна. К тому же она подскажет, как нам быть дальше. У нее наверняка уже имеется свой план действий.

Мэгги колебалась. Ее мать и моя всегда относились друг к другу с некоторой враждебностью; а после смерти матери Мэгги девочку воспитывала Анна, жена короля Ричарда, которая ненавидела мою мать как смертельного врага.

– А твоя мать действительно станет о нас заботиться? – тихо спросила Мэгги. – Она действительно будет добра к Тедди? Нам всегда твердили, что она – враг нашей семьи.

– Ну, ни с тобой, ни с Эдвардом моя мать совершенно точно не ссорилась, – ободряющим тоном сказала я. – Вы ее племянница и племянник. И все мы из Дома Йорков. Конечно же, моя мать станет оберегать и защищать вас так же, как и нас, своих родных детей.

Мне удалось обнадежить Мэгги; я чувствовала, что она мне поверила, и я не стала напоминать ей, что моя мать больше жизни любила своих сыновей, Эдуарда и Ричарда, но сберечь их так и не сумела. И сегодня никто из нас не знал, куда исчезли мои младшие братья.

Вестминстерский дворец, Лондон. Осень, 1485 год

Наш приезд в Лондон не был отмечен радостной процессией; а если кто из ремесленников или рыночных торговков и замечал нас, детей короля Эдуарда Йорка, на узких улочках столицы и приветствовал радостными криками, стража тут же смыкалась вокруг нас, стараясь никого к нам не подпустить, пока мы не оказались во дворе Вестминстера и за нами не затворили тяжелые деревянные ворота. Было совершенно очевидно: новый король Генрих не потерпит никаких соперников, тем более тех, что пользуются особой любовью жителей огромного Лондона, который он называл своим. Моя мать уже ждала нас, стоя на ступенях крыльца; у нее за спиной виднелись огромные распахнутые двери; рядом с ней стояли мои маленькие сестренки, шестилетняя Кэтрин и четырехлетняя Бриджет, которых мать крепко держала за руки. Я поспешно и не слишком ловко соскочила с лошади и тут же оказалась в материнских объятиях; я с наслаждением вдыхала знакомый аромат розовой воды, исходивший от ее чудесных волос, а она ласково похлопывала меня по спине, как маленькую, и я вдруг, неожиданно для самой себя, разрыдалась, горько оплакивая гибель своего возлюбленного и крушение надежд на то будущее, которое собиралась строить с ним вместе.

– Тихо, тихо, успокойся, – мягко, но решительно потребовала моя мать. Затем она велела мне пройти внутрь и подождать ее, а сама стала здороваться с моими сестрами, с Мэгги и с Эдвардом. Вскоре они тоже шумной гурьбой ввалились в вестибюль; Бриджет пристроилась у матери на бедре, Кэтрин вцепилась в ее руку, а Сесили и Анна приплясывали вокруг. Мать смеялась и выглядела в эти минуты удивительно молодой и счастливой; во всяком случае, никак не на свои сорок восемь лет. Она была в изящном темно-синем платье с голубым кожаным поясом, красиво подчеркивавшим ее тонкую талию, а светлые волосы подобрала под синюю бархатную шапочку. Сопровождаемая возбужденными криками детей, она отвела нас в свои личные покои, уселась, усадила Бриджет к себе на колени и потребовала:

– Ну, теперь рассказывайте мне все! Неужели ты, Анна, действительно весь путь проделала верхом? Значит, ты делаешь большие успехи в верховой езде? Это прекрасно! А как ты, Эдвард, мой дорогой мальчик? Ты не устал? У тебя был хороший пони?

И тут все заговорили разом; Бриджет и Кэтрин, подпрыгивая, тоже пытались вставить словечко. Помалкивали только мы с Сесили, выжидая, когда несколько затихнет этот шум. Наконец мать, благодарно улыбнувшись нам обеим, предложила младшим детям засахаренные сливы и легкий эль, и они, удобно устроившись перед камином, принялись наслаждаться угощением, а она, поворачиваясь к нам, спросила:

– Ну, а вы-то как, мои старшенькие? Ты, Сесили, по-моему, еще подросла. Ей-богу, ты будешь такой же высокой, как я! А ты, Элизабет, дорогая моя, что-то чересчур бледная и худая. Хорошо ли ты спишь? Ты ведь сейчас не постишься, нет?

– Элизабет говорит, что совсем не уверена, захочет ли теперь Генрих на ней жениться! – моментально выпалила Сесили. – Но если он на ней не женится, что тогда будет со всеми нами? Что будет со мной?

– Конечно же, он на ней женится, – спокойно сказала моя мать. – То есть почти наверняка. Его мать уже говорила со мной. Они оба прекрасно понимают, что у нас слишком много друзей в парламенте и во всей стране, и вряд ли ему стоит оскорблять Дом Йорков расторжением помолвки. Да нет, он просто вынужден будет жениться на Элизабет. Обещание было дано почти год назад, и сейчас он в выборе отнюдь не свободен. Собственно, заключение этого брака с самого начала входило в его планы; это было частью его соглашения с теми, кто его поддерживал во время вторжения в Англию.

– Но разве он не сердит на Элизабет из-за короля Ричарда? – гнула свое упрямая Сесили. – Из-за тех отношений, что между ними существовали? Из-за того, как она себя вела?

Мать повернула к ней свое безмятежно-спокойное лицо и внимательно посмотрела в глаза моей сестре, буквально исходившей недоброжелательностью.

– Мне ничего не известно ни о каких особых отношениях между Элизабет и покойным узурпатором Ричардом, – сказала она, и я заранее знала, что именно так она и скажет. – Да и тебе об этом известно не больше, не так ли? А уж король Генрих и вовсе знать о таких вещах не обязан.

Сесили уже открыла рот, явно собираясь спорить, но сразу же снова его закрыла: одного холодного взгляда матери было достаточно, чтобы она умолкла.

– Королю Генриху пока что вообще крайне мало известно о том королевстве, которым он теперь владеет, – как ни в чем не бывало продолжала моя мать, – ведь он почти всю жизнь провел за морем. Но мы, конечно же, постараемся ему помочь и расскажем все, что ему знать необходимо.

– Но Элизабет и Ричард...

– А это как раз одна из тех вещей, которые ему знать совершенно не нужно.

– Ах так! Ну ладно! – сердито заявила Сесили. – Только это касается всех нас, а не одной Элизабет. Хотя она и ведет себя так, словно все остальные попросту не считаются. И наши кузены Уорики вечно спрашивают, не будет ли им грозить опасность – особенно Мэгги, которая страшно боится за своего драгоценного Эдварда. И кстати, как все-таки будет со мной? Кем мне считать себя? Замужней дамой или девицей на выданье?

Мать нахмурилась, услышав этот поток требований. Сесили так быстро вышла замуж – как раз перед тем роковым сражением, – что ее жених, не успев с ней даже в постель лечь, сразу отправился воевать. И вот теперь он где-то пропал, а Ричард, который, собственно, и устроил этот брак, мертв, так что все планы Сесили пошли прахом. Теперь и впрямь никто толком не знал, кем ее считать: то ли снова девушкой, то ли вдовой, то ли брошенной женой.

– Леди Маргарет возьмет Мэгги и Эдварда под свою опеку, – сказала моя мать. – И относительно тебя, Сесили, у нее также имеются кое-какие планы. Она в высшей степени доброжелательно отзывалась и о тебе, и о твоих сестрах.

– А что, теперь у нас королевским двором командует леди Маргарет? – тихо спросила я.

– Какие у нее насчет меня планы? – перебила меня Сесили, тут же потребовав разъяснений.

– Я расскажу тебе об этом позже, когда сама все окончательно выясню, – ответила ей мать и повернулась ко мне. – Во всяком случае, отныне леди Маргарет полагается прислуживать, преклонив колено, а ее следует называть «ваша милость», и кланяться ей нужно столь же почтительно, как самому королю.

Я презрительно поморщилась.

– Что ж, мы с ней расстались отнюдь не лучшими друзьями.

– Ничего, когда ты выйдешь замуж и станешь королевой, ей самой придется склоняться перед тобой в реверансе, – просто ответила мать. – И совершенно неважно, как она сейчас требует ее называть. И не имеет никакого значения, нравишься ты ей или нет. Ты в любом случае выходишь замуж за ее сына. – С этими словами мать повернулась к младшим детям и предложила: – Ну, идемте, я покажу вам ваши комнаты, хорошо?

– Разве мы будем жить не в наших обычных покоях? – не подумав, спросила я.

Мать улыбнулась, хотя эта улыбка и вышла несколько натянутой.

– Разумеется, нет. Мы больше не имеем права на королевские покои. Там теперь расположилась леди Маргарет Стэнли. И родня ее мужа, все эти многочисленные Стэнли, также разместились в самых лучших покоях. Нам тоже выделены неплохие комнаты, но, так сказать, второго разряда. Тебя, например, поместили в прежнюю спальню леди Маргарет. Похоже, мы с ней теперь попросту поменялись местами.

– Леди Маргарет Стэнли заняла покои королевы? – переспросила я. – А ей не пришло в голову, что их в скором времени должна занять я?

– Пока что ты их занять все равно не можешь, – сказала мать. – Во всяком случае, до тех пор, пока не станешь женой Генриха и не будешь коронована. В настоящее время именно она является первой дамой королевского двора и очень заботится, чтобы всем это было ясно. Очевидно, она сама и приказала всем называть ее «миледи королева-мать».

– «Миледи королева-мать»? – повторила я. – Что за дурацкий титул?

– Да уж, – с усмешкой подтвердила моя мать. – Неплохо для моей бывшей фрейлины, которая к тому же весь прошлый год была отлучена от мужа и провела под домашним арестом по обвинению в предательстве! Нет, и впрямь неплохо, ты не находишь?

* * *

Итак, мы перебрались в «неплохие комнаты второго разряда» и стали ждать распоряжений короля Генриха относительно нашего пребывания в Вестминстере. Но он нас к себе не приглашал. Он держал свой двор в Сити, во дворце епископа Лондонского близ собора Святого Павла, и туда теперь устремлялись все, кто был способен притвориться сторонником Ланкастеров или же давним тайным приверженцем Тюдоров, и каждый из этих «приверженцев», испросив у короля аудиенции, требовал вознаграждения за свою верность. Мы же продолжали смиренно ждать приглашения и возможности быть представленными королю и его придворным, но король нам такого приглашения упорно не присылал.

Мать заказала для меня новые платья и высоченные головные уборы, делавшие меня еще выше ростом, а также новые туфельки, которые, выглядывая из-под подола платья, также должны были меня украшать. Я светловолосая, в мать, с такими же, как у нее, серыми глазами. А моя мать всегда славилась своей красотой; мало того, она была дочерью самой красивой пары в нашем королевстве; и теперь она со спокойным удовлетворением утверждала, что я тоже унаследовала эту фамильную красоту.

Все это время мать выглядела абсолютно безмятежной, однако мы хорошо знали, сколько сплетен ходит вокруг, и Сесили, наслушавшись всяких разговоров, твердила, что, может, мы и живем опять в королевском дворце, но здесь так же тихо и одиноко, как в убежище под аббатством. Я с ней не спорила, хотя, по-моему, она ошибалась. И довольно сильно. Она-то почти не помнила того убежища в аббатстве, а вот я помнила его очень хорошо; и для меня не было на свете ничего, ничего хуже той темноты и тишины, какая окружала нас там; ничего хуже того мучительного понимания, что выйти наружу нам нельзя, зато войти в твое убежище может кто угодно. Наше последнее пребывание в святом убежище растянулось на девять месяцев, и эти месяцы показались мне девятью годами; я думала, что так и зачахну там, лишенная солнечного света, а потом и умру. Но Сесили ничего этого толком не помнила и все продолжала повторять, что она, женщина замужняя, вообще не должна находиться с нами во дворце, а должна отправиться к своему супругу и воссоединиться с ним.

– А ты знаешь, где он? – спросила я. – Может, он давно уже во Францию сбежал.

– Ну и что? Зато я вышла замуж, как полагается, – с вызовом заявила она, – а не спала с чужим мужем! Я не какая-то блудница в пурпуре. И среди погибших мой муж, по крайней мере, не числится.

– Как же, все знают мистера Ральфа Скроупа из Апсола! – ядовитым тоном заметила я. – Твой муж – мистер Никто из Ниоткуда! Если ты сумеешь его отыскать – если он, конечно, остался в живых, – можешь преспокойно продолжать жить с ним, мне это совершенно безразлично. Разумеется, если ему разрешат взять тебя к себе. Вряд ли он сможет быть твоим мужем без королевского приказа.

Сесили презрительно вздернула плечи и отвернулась от меня.

– Ничего, обо мне сама миледи королева-мать позаботится! – заявила она, пытаясь защититься. – Все-таки я ее крестница, а она здесь самая главная, она сейчас всем при дворе распоряжается. И уж меня-то она, надеюсь, вспомнит.

Погода для этого времени года стояла какая-то совершенно необычная – слишком солнечная, слишком яркая; днем было по-настоящему жарко, а ночью чересчур влажно и душно, так что никто толком не мог спать. Никто, кроме меня, хотя меня по-прежнему преследовали мои проклятые видения. Весь день я была сонливой и каждый вечер, едва коснувшись подушки, буквально проваливалась в сон. И во сне ко мне являлся веселый Ричард и со смехом рассказывал, что сражение завершилось именно так, как он и предвидел, а значит, скоро мы с ним поженимся. Он брал меня за руки и целовал, а я все возражала, все говорила, что вот сейчас кто-нибудь войдет и скажет, что победил Генрих, а он в ответ называл меня дурочкой и своей маленькой дорогой глупышкой. И я просыпалась, веря, что все это правда, но почти сразу приходило дурное осознание того, что это был всего лишь сон; я озиралась, видела вокруг стены «лучших комнат второго разряда» и Сесили, спавшую со мной в одной постели, и понимала: мой любимый, мертвый и холодный, лежит в неизвестной могиле, а его бывшие подданные, буквально вся страна, истекают потом на невиданной жаре.

Моя горничная – она родом из купеческой семьи, проживающей в Сити, – рассказывала мне, что в центральных кварталах столицы, где в домах жуткая скученность и теснота, свирепствует странная и страшная болезнь, и двое учеников ее отца уже заболели этой болезнью и умерли.

– Это чума? – спросила я, сразу же невольно шарахнувшись от нее. От чумы нет исцеления, и я боялась, что она невольно принесла эту заразу с собой; мне уже казалось, что горячий ветер чумы вот-вот повеет на меня и моих родных.

– Это хуже, чем чума! – воскликнула горничная. – С таким недугом у нас раньше ни один врач не встречался. Уилл, один из тех учеников моего отца, вдруг как-то за завтраком признался, что его все время знобит, а тело у него так ноет, словно он целую ночь мечом орудовал. Мой отец велел ему пойти к себе и прилечь; он послушался, лег в постель да вдруг как начнет потеть! В одно мгновение рубашка на нем насквозь промокла. Пот с него прямо-таки ручьями лился. Когда моя мать принесла ему котелок с элем, чтобы он мог утолить жажду, он пожаловался, что у него все тело горит и внутри у него тоже такой страшный жар, который ничем не охладить. Он сказал, что лучше ему, наверно, немного поспать, и действительно заснул, да так и не проснулся. А ведь он совсем молодой был, всего восемнадцать! Умер, не проболев и одного дня!

– А как выглядела его кожа? – спросила я. – Были у него нарывы?

– Никаких нарывов, никакой сыпи, – заверила меня горничная. – Я же говорю – никакая это не чума! Это какая-то новая болезнь, люди ее «погонкой» называют. Все считают, что эта напасть обрушилась на нас с прибытием в Англию короля Генриха. Все так и говорят: мол, его правление началось со смерти, а значит, долго ему не продлиться. Это он с собой смерть принес! И теперь мы все умрем из-за его ненасытной жажды власти. Говорят, он явился в Лондон весь в поту и теперь жизни не пожалеет, чтобы сохранить за собой английский трон. Говорят, это он болезнь Тюдоров с собой принес. А еще говорят, будто наш нынешний король проклят. Смотрите, сейчас ведь осень, а жара стоит, как в середине лета! На такой жаре все мы до смерти потом изойдем.

– Ладно, ты теперь можешь домой идти, – несколько нервно велела я ей. – И вот что, Дженни: оставайся дома, пока не будешь полностью уверена, что и сама ты здорова, и все твои домашние тоже. Моя мать вряд ли захочет, чтобы ты нам прислуживала, пока у тебя в доме кто-то серьезно болен. Ты меня поняла? Не возвращайся во дворец, пока все твоё семейство полностью от этой болезни не избавится. Отправляйся домой прямо сейчас и ни в коем случае не останавливайся и ни с кем не разговаривай, особенно с моими сестрами и кузенами.

– Но я же совершенно здорова! – запротестовала девушка. – И это очень быстрая болезнь. Если бы я заразилась, так наверняка уже успела бы умереть, я бы даже вам об этом недуге рассказать не успела бы. А раз я спокойно дошла от своего дома до дворца, значит, я вполне здорова.

– Ладно, все равно домой ступай, – повторила я. – Я пошлю за тобой, когда будет можно. – И, расставшись с нею, я тут же отправилась искать свою мать.

* * *

Но во дворце ее не оказалось. Не было ее ни в затемненных и пустых покоях с закрытыми ставнями, ни на прохладных тенистых дорожках парка. Я нашла ее в дальнем конце луга, раскинувшегося на берегу реки, рядом с деревянным причалом; она сидела на переносном деревянном стульчике и наслаждалась речным ветерком, что-то шептавшим над водой. В ответ ему слышался шелест волн, лизавших деревянные сваи и настил пристани.

– Здравствуй, моя девочка, – сказала она, когда я подошла ближе и опустилась перед ней на колени, чтобы она меня благословила. Затем я уселась на дощатый настил и свесила ноги вниз, глядя на собственное отражение в воде. Мне казалось, что я – водная богиня и живу в этой реке, ожидая, когда кто-нибудь освободит меня от заклятия, заставляющего меня вечно оставаться там, в глубине; мне не хотелось думать, что я просто засидевшаяся в девках принцесса, которую никто не хочет брать замуж.

– Ты слышала о новой болезни, что охватила уже весь Сити? – спросила я у матери.

– Да, конечно, – сказала она. – И король решил, что сейчас никак нельзя проводить коронацию, ибо любое скопление народа – это слишком большой риск, ведь среди толпы всегда могут оказаться больные люди. Генриху придется еще несколько недель побыть всего лишь завоевателем этой страны, а не ее коронованным правителем. Надо надеяться, эта странная эпидемия скоро закончится. Мать Генриха, леди Маргарет, возносит Господу какие-то особые молитвы; она просто вне себя из-за необходимости отложить коронацию. Ведь она была совершенно уверена, что сам Господь вознес ее сына на такую высоту. Зачем же он теперь насылает на него новые испытания в виде этой чумы?

Я удивленно вскинула на нее глаза и невольно прикрыла глаза рукой и прищурилась – так ярко пылал закат, так ослепительно сверкало золотистыми красками небо, суля и на завтра такой же неестественно жаркий денек.

– Мама, признайся: это твоих рук дело?

Она рассмеялась.

– Ты никак обвиняешь меня в колдовстве? Неужели ты думаешь, что это я прокляла население Лондона, наслав на него чумной ветер? Нет, милая, подобное не в моих силах. К тому же если б я и обладала таким могуществом, то никогда бы им не воспользовалась. Эта болезнь явилась сюда вместе с войском Генриха, ведь свою армию он собрал из самых отвратительных отбросов общества, из самых мерзких подонков, каких только можно было отыскать в христианском мире. Когда он вместе с этой армией вторгся на территорию нашей несчастной страны, его наемники из самых мрачных и грязных тюрем Франции принесли с собой и этот страшный недуг. Так что никакая это не магия. Эта болезнь сперва дала о себе знать в Уэльсе, где они высадились, а затем перекинулась на лондонцев – она следует по пятам за этим войском наемников и отнюдь не благодаря магии, а благодаря той грязи, которую они за собой оставляют, и тем несчастным женщинам, которых они насилюют по дороге. Армия Генриха по большей части состоит из уголовников, много лет проведенных в тюрьме, они-то и распространяют в нашей стране эту заразу, хотя многим этот неведомый недуг кажется неким знаком свыше, направленным против нового короля.

– А что, если это и то, и другое? – спросила я. – И болезнь, и знак свыше?

– Да, это, несомненно, так и есть, – кивнула мать. – Говорят, что король, чье правление началось с вызванного тяжкими усилиями пота, будет и впредь вынужден из всех сил трудиться, чтобы удержать завоеванный трон. Болезнь, принесенная Генрихом, убивает его друзей и сторонников, как если бы она была неким тайным оружием, направленным против него и тех, кто его поддерживает. Сейчас, в дни своего триумфа, он уже потерял больше союзников, чем терял на поле брани. Это было бы смешно, когда бы не было так... горько.

– И что это означает для нас? – спросила я.

Она посмотрела куда-то вдаль, вверх по течению реки, словно вода могла принести ей оттуда некий ответ прямо к причалу, с которого свисали мои болтающиеся в воздухе ноги.

– Я пока еще не совсем это поняла, – задумчиво промолвила она, – так что дать тебе точный ответ не могу. Но если Генриху суждено и самому подхватить эту болезнь и умереть, то люди наверняка сочтут это судом Божиим над узурпатором, а потом станут искать наследника Йорков, дабы посадить его на трон.

– А есть ли у нас такой наследник? – спросила я, и тихий голос мой был едва слышен среди плеска воды. – Есть ли у нас настоящий наследник Йорков?

– Конечно: Эдвард Уорик.

Я помолчала, колеблясь, потом все же решилась осторожно спросить:

– Разве у нас нет другого наследника? Более близкого по родству?

Мать, по-прежнему не глядя на меня, незаметно кивнула.

– Неужели мой младший брат Ричард все-таки жив? – задохнулась я.

И снова она лишь молча кивнула, словно даже ветру не решалась доверить ни одного словечка.

– Значит, тебе все-таки удалось его спасти, мама? Он в безопасности? Ты в этом уверена? Он жив? Он в Англии?

Она покачала головой. Потом все же сказала:

– Я давно не имею о нем никаких вестей. Так что ничего не могу сказать наверняка. И уж, конечно, ничего не могу рассказать тебе. Но мы должны по-прежнему молиться за двух сыновей Йорка, за принца Эдуарда и за принца Ричарда, ибо они по-прежнему считаются бесследно пропавшими, и никто пока что не смог нам объяснить, что же с ними случилось в действительности. – Она улыбнулась мне. – И лучше мне не говорить тебе о том, какие надежды еще живы в моей душе, – мягко сказала она. – Кто знает, что принесет нам будущее? Если Генрих Тюдор вдруг умрет...

– А не можешь ли ты пожелать, чтобы он умер? – шепотом спросила я. – Не можешь ли ты сделать так, чтобы и он умер от той болезни, которую принес с собой?

Мать отвернулась, словно прислушиваясь к тому, что говорит ей река.

– Если это он убил моего сына, то он уже и так проклят мною, – ровным тоном промолвила она. – Ты же вместе со мной проклинала убийцу, помнишь? Помнишь, как мы попросили богиню Мелюзину¹², нашу мать-прародительницу, отомстить за нас. Ты помнишь, что мы тогда сказали?

– Точных слов не помню. Помню только ту ночь.

В ту ночь нас с матерью терзали горе и страх; мы уже долгое время прятались в святом убежище, как в тюрьме, и той ночью мой дядя Ричард пришел и сказал матери, что оба ее сына, Эдуард и Ричард, мои любимые братья, исчезли из своих покоев в Тауэре. И той же ночью мы с матерью написали на листке бумаги страшное проклятие, свернули из этого листка кораблик,

¹² Кельтскую богиню вод Мелюзину в средневековой европейской мифологии иногда называют феей. В Европе большой популярностью пользовался авантюрный рыцарский роман «Мелюзина», написанный клириком Жаном из Арраса в конце XIV века. В нем повествуется о попытке богини Мелюзины создать семью с простым смертным и отказаться от волшебства, но в итоге Мелюзина все же была вынуждена покинуть и мужа, и детей и появлялась лишь тогда, когда с кем-нибудь из ее рода случалась беда, так что ее стали считать не только покровительницей семейства, но и предвестницей несчастья.

подожгли его и пустили плыть по реке, а потом смотрели, как он уплывал от нас, догорая на воде.

– Нет, я в точности не помню, что мы тогда говорили, – снова сказала я.

Но она-то помнила! Она помнила каждое слово этого проклятия, самого страшного из всех, какие ей доводилось применять в жизни. Она и сейчас помнила наизусть все то, что тогда написала на листке.

– Мы написали: «Узнай также, о Мелюзина, что ни один суд не сумеет вынести справедливый приговор тому, кто причинил нашей семье столько зла. И мы просим тебя, великая наша праматерь, помоги нам! Мы опускаем в темные глубины твоих вод это письмо с нашим проклятием: кто бы ни был тот, кто отнял у нас сына и наследника, пусть он будет наказан тем, что лишится своего сына и наследника, который у него есть или же еще только должен родиться»¹³.

Мать отвернулась от реки и уставилась прямо на меня; темные зрачки ее серых глаз как-то неестественно расширились.

– Ну что, вспомнила? Ведь все происходило на берегу этой самой реки!

Я кивнула, и мать продолжила:

– А еще там было сказано так: «Нашего мальчика забрали у нас, прежде чем он успел вырасти и стать королем – хотя для этого он и был рожден. Отними же сына у того, кто убил нашего мальчика! Пусть и его сын не станет взрослым, пусть и он не успеет вступить в права наследства, а если он уже вырос, отними сына и у него, лиши убийцу его внука, и тогда мы поймем: наше проклятие действует, и возмездие настигло того, кто забрал у нас сына и брата».

Меня охватила дрожь; я словно погрузилась в некий магический транс, сотканный моей матерью и окутавший все вокруг; ее тихие слова падали на поверхность реки, точно капли дождя.

– Мы прокляли его сына и внука, – прошептала я.

– Убийца этого заслуживает, – резко заявила моя мать. – И когда его сын и внук умрут, когда у него не останется никого, кроме дочерей, тогда мы будем точно знать, что именно он и есть убийца нашего мальчика, сына богини Мелюзины, и месть наша будет исполнена.

– Боже мой, мама, какой ужасный поступок мы совершили! – сказала я несколько неуверенным тоном. – Какое страшное проклятие падет на чьих-то невинных наследников! Страшно – желать смерти двум невинным мальчикам.

– Да, – спокойно согласилась моя мать. – Это страшно. Но мы поступили так только потому, что кто-то другой сделал то же самое с нами. И этот «кто-то» познает всю мою боль, когда умрет его сын, а потом и его внук, когда из наследников у него останется лишь одна дочь.

Люди всегда шептались, что моя мать занимается колдовством, а ее мать даже как-то предстала перед судом и была сочтена виновной в использовании черной магии. Я понимала: только она сама знает, сколь сильна ее вера в магию, только ей одной известно, на что она способна. В детстве я собственными глазами видела, как она призывала бурю и проливные дожди, после которых вода в реке поднялась настолько, что буквально смыла с земли армию герцога Букингема и примкнувших к нему мятежников. Тогда мне казалось, что матери, чтобы вызвать дождь или бурю, достаточно всего лишь свистнуть. Кроме того, она сама мне рассказывала, как однажды холодной ночью сделала так, что выдохнутый ею воздух, слетевший с губ в виде маленького облачка, превратился в огромные валы густого тумана, скрывшие от врага армию моего отца и окутавшие его воинов, точно саваном; а затем они подобно молнии из грозовой тучи вынырнули из этого тумана и ринулись с вершины холма на противника, захватив его врасплох и наголову его разгромив. Мало того, моему отцу помогал еще и штормовой ветер, дувший навстречу вражескому войску¹⁴.

¹³ Подробнее об этом в романе Ф. Грегори «Белая королева».

¹⁴ Имеется в виду сражение при Барнете, 1471 г. Более подробно эта сцена описана в романе «Белая королева».

Многие верили, что моя мать обладает сверхъестественным могуществом, поскольку ее мать, Жакетта Риверс, принадлежала королевской семье Бургундии¹⁵, среди предков которой, по преданию, была сама водная богиня, волшебница Мелюзина. Я и сама не раз убеждалась, что женщины из нашей семьи совершенно определенно слышат пение Мелюзины, когда умирает кто-то из ее «детей». Мне тоже доводилось слышать ее пение, и я этих звуков никогда не забуду. Ее голос звучал как некий холодный и нежный зов несколько ночей подряд, и после этого мой брат никогда уж больше не выбегал поиграть на зеленой лужайке перед Тауэром, и из окна башни навсегда исчезло его бледное личико, и вскоре мы оплакали его, как оплакивают покойника.

На самом деле, по-моему, даже сама моя мать толком не знала пределов своего могущества и того, сколь часто ей может просто способствовать удача, даже если утверждала, что случившееся «волшебство» – наверняка дело ее рук. Она, безусловно, пользовалась своей невероятной удачливостью и называла это магией. Хотя в детстве я действительно считала ее волшебным существом, феей или колдуньей, которая способна в случае необходимости призвать на помощь хоть все реки Англии; но теперь, когда я думаю о том, какой крах в итоге потерпела наша семья – когда после смерти отца мы пали буквально на самое дно, а моя мать лишилась сына и наследника, – я прихожу к такому выводу: если моя мать и впрямь пытается порой колдовать, надеясь на помощь магических сил, то это у нее не слишком хорошо получается.

Так что меня совсем не удивляло, когда Генрих продолжал оставаться здоровым и явно не думал умирать, хотя от той болезни, которую он принес в Англию, в течение всего лишь одного месяца умерли сперва лорд-мэр Лондона, затем его наспех избранный преемник, а затем еще шесть олдерменов. Говорили, что в Сити покойник почти в каждом доме; телеги с трупами каждую ночь громыхали по улицам города, в точности как во времена бушевавшей в Европе «черной смерти»¹⁶, только на этот раз «чума», похоже, пришла еще более страшная.

Но с наступлением осенних холодов страшная болезнь, прозванная в народе «потогонкой», пошла на спад; однако Дженни, моя горничная, так и не вернулась ко мне; я, послав за нею, узнала, что она умерла, как и все ее родные, причем буквально в течение нескольких часов – в промежутке между хвалитнами и повечерием. Никому раньше не приходилось сталкиваться с недугом, способным так быстро привести человека к смерти, и люди шептались, что все это вина нового короля, чье правление началось с нескончаемой процессии похоронных дрог. Лишь в конце октября Генрих решил, что обстановка стала достаточно безопасной и теперь можно собрать в Вестминстерском аббатстве лордов и джентри для проведения коронации.

* * *

Два герольда, несущих знамя с гербом Бофоров, и дюжина гвардейцев, на плащах которых красовался герб Стэнли, постучались в главные ворота дворца, дабы сообщить, что леди Маргарет Стэнли намерена завтра почтить меня своим визитом. Моя мать, услышав эту новость, милостиво кивнула и сказала очень тихо – подчеркивая наше высокое происхождение, в связи с которым нам никогда не следовало повышать голос, – что мы будем очень рады видеть ее милость.

¹⁵ Отец Жакетты Риверс, Пьер де Сен-Поль, был коннетаблем герцогства Бургундия, а после смерти мадемуазель де Люксембург, двоюродной бабушки Жакетты, стал ее наследником и получил титул графа Люксембургского. Подробнее об этом в романе Ф. Грегори «Хозяйка Дома Риверсов».

¹⁶ Эпидемия чумы, «черной смерти», разразилась в Европе в 1347–1353 гг.; погибло около 24 млн человек.

Как только за посланцами леди Маргарет закрылась дверь, мы тут же принялись лихорадочно обсуждать, какое платье мне надеть.

– Темно-зеленое, – сказала моя мать. – Лучше всего темно-зеленое.

Собственно, это был единственно безопасный цвет. Темно-синий – это цвет королевского траура, и мне ни в коем случае нельзя было показываться в синем, чтобы леди Маргарет не подумала, что я оплакиваю своего любовника, прежнего законного короля Англии. Темно-красный – это цвет мученичества; однако платья такого цвета – и это в высшей степени противоестественно – отчего-то очень любят носить шляхи, ибо этот цвет идеально оттеняет белизну кожи. Разумеется, ни той, ни другой ассоциации ни в коем случае не должно было возникнуть у строгой леди Маргарет при виде будущей невестки. Она не должна была заподозрить, что брак с ее сыном – истинное мучение для меня; ей также следовало забыть все те сплетни о моей любовной связи с королем Ричардом, которые наверняка достигали ее ушей. Темно-желтый был бы вполне уместен – но кто, скажите на милость, способен достаточно хорошо выглядеть в желтом? Пурпурный я не люблю, и потом, это, по-моему, слишком царственный цвет для скромной девушки, которая еще только надеется выйти замуж за короля. В общем, темно-зеленый – и никаких гвоздей! А поскольку зеленый – это еще и цвет Тюдоров, он будет хорош во всех отношениях.

– Но у меня нет темно-зеленого платья! – воскликнула я. – И у нас не хватит времени, чтобы его раздобыть.

– Ну а мне что надеть? – тут же возмутилась Сесили. – Мне что, выйти в старом платье? Или вообще не выходить? Может, одна Элизабет ей навстречу выйдет, а мы все попрячемся? Или вы хотите, чтобы я на весь день в постель улеглась?

– В твоем присутствии, разумеется, никакой необходимости не будет, – довольно резко ответила ей мать. – Но леди Маргарет – твоя крестная, так что ты наденешь голубое платье, а Элизабет наденет твое зеленое, и ты очень постарайся – ты очень постарайся, Сесили! – во время визита миледи быть крайне любезной со своей сестрой. Никому не доставляют удовольствия девицы со склочным характером, да и я не потерплю ничего подобного.

Сесили слова матери явно привели в бешенство, однако она смолчала, покорно направилась к своему сундуку, достала оттуда новое зеленое платье, встряхнула его и подала мне.

– Надень и зайди ко мне, – велела мне мать. – Подол придется немного отпустить.

* * *

Одетая в зеленое платье, заново подшитое и отделанное по подолу тонкой золотистой каймой, я ждала в материной гостиной появления леди Маргарет. Она прибыла на королевском барке, который теперь находился в полном ее распоряжении; барабанщик лихо отбивал ритм гребцам; знамена Тюдоров ярко трепетали на ветру, водруженные на корме и на носу. Затем на дорожках послышался хруст гравия под ногами ее свиты, а через минуту они уже протопали под окном и загрохотали подкованными металлом сапогами по каменным плитам двора. Перед леди Маргарет распахнули высокие двойные двери, и она с достоинством проследовала через вестибюль в гостиную.

Моя мать и мы с сестрами встали и поклонились ей, как равные. Трудно было решить, какой глубины реверанс тут подошел бы лучше всего. Мы сделали реверанс, так сказать, средней глубины, и леди Маргарет тоже присела не слишком глубоко, кивнув нам головой в знак приветствия. Хотя моя мать теперь звалась всего лишь леди Грей¹⁷, она была коронована как

¹⁷ Первый муж королевы Елизаветы, сэр Джон Грей, командовал кавалерией Генриха Ланкастера и погиб при Сент-Олбансе в 1461 г. Елизавета вторично вышла замуж за короля Эдуарда IV в 1464 г. Но после его смерти в 1483 г. в угоду новому королю, Ричарду III, парламент признал брак Елизаветы с Эдуардом IV недействительным, и с 1484 г. она, согласно

королева Англии, и в те времена леди Маргарет была ее фрейлиной. И хотя теперь леди Маргарет пользовалась королевским барком, но сын ее пока что коронован не был. И хотя теперь она называла себя «миледи королева-мать», настоящая корона Англии пока что голову Генриха не украшала. Ему удалось присвоить себе лишь ту маленькую коронку, почти браслет, которую Ричард обычно надевал поверх своего боевого шлема, а процедура коронации ему еще только предстояла.

Я быстро зажмурилась, вспомнив о маленькой золотой короне, которую Ричард носил на шлеме, и передо мной возникли его улыбающиеся карие глаза, весело смотревшие на меня сквозь щель забрала...

– Я желала бы побеседовать с мистрис¹⁸ Элизабет наедине, – сказала леди Маргарет, обращаясь к моей матери и не потрудившись прежде произнести хоть одно словечко приветствия.

– Ее милость принцесса Элизабет Йоркская проводит вас в мои личные покои, – как ни в чем не бывало сказала моя мать.

Я шла впереди миледи и прямо-таки чувствовала, как она сверлит взглядом мою спину. Я вдруг стала остро ощущать собственное тело, и мне уже казалось, что при ходьбе я слишком раскачиваю бедрами или потряхиваю головой. Открыв дверь, я вошла в личные апартаменты моей матери и повернулась лицом к леди Маргарет, которая без приглашения уже усаживалась в огромное кресло.

– Вы тоже можете сесть, – милостиво разрешила она, и я, устроившись на стуле напротив нее, стала ждать, что она скажет еще. Чувствуя, как пересохло горло, я нервно сглотнула, надеясь, что она этого не заметит.

Она продолжала молча разглядывать меня с ног до головы, словно я была просительницей, добивавшейся должности в ее доме, затем медленно улыбнулась и сказала:

– Вам повезло с внешностью. Ваша мать всегда была красавицей, а вы очень на нее похожи: светловолосая, гибкая, кожа как лепесток розы и эти чудесные волосы, отливающие одновременно и золотом, и бронзой. У вас, несомненно, будут красивые дети. Полагаю, вы все еще гордитесь своей внешностью? И по-прежнему тщеславны?

Я ничего ей не ответила, и она, откашлявшись, вдруг вспомнила о причине своего визита.

– Я прибыла, чтобы по-дружески побеседовать с вами наедине, – сказала она. – Мы ведь расстались, когда наши отношения оставляли желать много лучшего, не так ли?

Мы тогда разругались, точно две разъяренные торговки рыбой, но я-то была уверена, что мой возлюбленный, Ричард, убьет ее сына и сделает меня королевой Англии. Но оказалось, что это ее сын вышел из того сражения победителем и убил моего любовника, и теперь моя судьба была полностью в ее белых, щедро украшенных кольцами руках.

– Мне очень жаль, что мы так расстались, – сказала я с незамысловатой неискренностью.

– Мне тоже, – сказала она, и это меня удивило. – Ведь мне предстоит стать вашей свекровью, Элизабет. Мой сын женится на вас, несмотря ни на что.

Внезапно при словах «несмотря ни на что» меня охватил гнев, хоть я и сознавала, что это не имеет абсолютно никакого смысла. Надо было смириться, ведь мы потерпели поражение, и мои надежды на счастье, на возможность стать королевой Англии, любимой своим народом, были растоптаны мощными копытами кавалерии Томаса Стэнли, мужа леди Маргарет.

Я склонила голову и тихо промолвила:

– Благодарю вас.

– Я стану тебе хорошей матерью, дитя мое, – с почти искренней нежностью продолжала леди Маргарет. – И ты, узнав меня поближе, поймешь, что во мне немало любви, что я готова

закону, вновь стала считаться всего лишь вдовой сэра Джона Грея. Подробнее об этом в романе Ф. Грегори «Белая королева».

¹⁸ Леди Маргарет сознательно употребила это слово, которое обычно означает «замужняя женщина, хозяйка дома», но одно из его значений – еще и «любовница».

ею поделиться; кроме того, у меня есть еще один истинный талант: я умею хранить верность. Я твердо намерена исполнить волю Господа, ибо уверена, что сам Господь выбрал тебя на роль моей снохи, жены моего сына, и... – тут ее голос затих, превратившись в восторженный шепот при одной лишь мысли о том, какую роль я могу сыграть в предсказанном свыше возникновении королевской династии Тюдоров, – ...матери моего внука.

Я снова склонила голову в знак признательности, а когда подняла глаза, то увидела, что ее лицо прямо-таки сияет вдохновением.

– Еще девочкой, в общем-то, совсем ребенком¹⁹, я была призвана Им, дабы произвести на свет моего Генри, – прошептала она, словно молясь. – Я думала, что умру в родах, я была уверена, что эти невыносимые мучения убьют меня. Но потом поняла: если я выживу, то моему мальчику и мне суждено великое будущее, величайшее из всех возможных. Мой сын станет королем Англии, и я возведу его на трон...

Было что-то очень трогательное в ее непосредственном восхищении собственной ролью, якобы предначертанной ей свыше; это святое восхищение показалось мне родственным тому пылу, с каким относятся к своему призванию монахини.

– Я знала, – продолжала она, – знала, что ему предстоит стать королем. И когда я встрети-лась с тобой, то сразу поняла: именно ты предназначена для того, чтобы родить ему сына. – Она вперила в меня напряженный взгляд. – Вот почему я была так строга с тобой, вот почему так рассердилась, увидев, что ты отклоняешься от предначертанного тебе пути. Мне было невы-носимо больно, когда ты, упав столь низко, отреклась от своей высокой судьбы и своего истин-ного призвания.

– Вы полагаете, что у меня есть призвание? – прошептала я, потрясенная невероятной убедительностью ее речей.

– Ты призвана стать матерью следующего короля Англии, – провозгласила она. – Короля Алой и Белой розы, и эта роза будет наконец лишена шипов. У тебя родится сын, и мы назовем его Артур Английский. – Она взяла меня за руки. – Такова твоя судьба, дочь моя, и я помогу тебе ее исполнить.

– Артур? – с изумлением повторила я. Именно Артуром мы с Ричардом хотели назвать сына, которого я должна была ему родить.

– Да, я мечтаю назвать его Артуром, – сказала леди Маргарет.

И мы с Ричардом тоже мечтали об этом. И когда миледи взяла меня за руки, я не отняла их у нее, я позволила ей это, а она с искренним волнением сказала:

– Господь свел нас вместе, Господь привел тебя ко мне, и ты родишь мне внука. Ты при-несешь в Англию мир, ты сама станешь воплощением этого мира; ты положишь конец этой бесконечной «войне кузенов»²⁰, Элизабет; ты станешь миротворицей, и сам Господь назовет тебя благословенной!

И я, потрясенная ее способностью к предвидению, позволила ей и дальше сжимать мои руки, чувствуя, что невольно соглашаюсь с нею.

* * *

Я так и не рассказала матери об этом разговоре с миледи. Мать только удивленно подни-мала бровь, наталкиваясь на мою скрытность, но расспрашивать меня не пыталась.

¹⁹ Бофор родила сына, когда ей было всего тринадцать лет. Подробнее об этом в романе Ф. Грегори «Алая королева».

²⁰ В Англии Война Алой и Белой розы носит название «война кузенов», поскольку все сражавшиеся друг с другом пред-ставители Йорков и Ланкастеров были родственниками, потомками короля Эдуарда III. Генрих VI и Эдуард IV были его пра-правнуками.

– Во всяком случае, миледи ведь не сказала ничего, свидетельствующего о том, что она изменила свое отношение к вашей помолвке? – спросила она.

– Напротив, она заверила меня, что свадьба непременно состоится. Причем в ближайшее время. И обещала стать моим другом.

И мать, скрывая улыбку, заметила:

– Как это мило, что миледи оказывает тебе такую поддержку.

Теперь мы уже с некоторой уверенностью ждали, что в скором времени нас пригласят на коронацию и предложат отправиться в королевскую гардеробную, чтобы мы могли подобрать себе соответствующие туалеты. Сесили особенно отчаянно туда стремилась; ей хотелось заполучить новые платья и во всем великолепии показаться при дворе. Ведь теперь все мы, пять принцесс Йоркских – после отмены Генрихом парламентского акта, согласно которому мы были названы бастардами, а брак наших родителей определен как «отвратительный пример двоеженства», – снова обрели полное право носить мех горноста и корону. И коронация Генриха должна была впервые после долгого перерыва и смерти Ричарда дать нам возможность вновь предстать перед светом в нашем истинном, горделивом облике.

Я была уверена, что все мы должны непременно присутствовать на коронации, однако никаких приглашений мы так и не получали. Мне казалось, что Генриху захочется, чтобы его будущая жена видела, как на голову ему возлагают корону, как он берет в руки скипетр. Даже если он и не горит желанием как следует рассмотреть свою невесту, думала я, ему, наверное, будет приятно продемонстрировать свою победу над ближайшими родственниками поверженного им короля. Нет, он наверняка захочет, чтобы я видела момент его наивысшей славы!

Я чувствовала себя скорее кем-то вроде спящей царевны из волшебной сказки, чем женщиной, обещанной в жены новому королю Англии. Я, возможно, и жила в королевском дворце, мало того, в лучших покоях этого дворца (пусть и «второго разряда»); со мной, возможно, и обращались в высшей степени учтиво (пусть и не преклоняя колена, как это полагается делать перед членами королевской семьи). Но жила я тихо и скромно, не имея ни своего двора, ни обычной толпы друзей, просителей и льстецов, не встречаясь с королем: принцесса без короны, невеста без жениха, помолвленная, но не знающая дня своей свадьбы.

Господь свидетель, некогда всем было хорошо известно, что я – невеста Генриха. Будучи всего лишь претендентом на трон и пребывая в ссылке, он поклялся в соборе Ренна, что является королем Англии и я – его невеста. Но тогда он еще только готовил свою армию к вторжению и отчаянно нуждался в поддержке – и Йорков, и всех йоркистов. Теперь же, выиграв битву за трон и отослав прочь свою армию наемников, он, возможно, хотел бы освободиться от своего обещания – как освобождаются от оружия, в конкретный момент бывшего необходимым, но теперь совсем ненужного.

Моя мать позаботилась о том, чтобы всем нам сшили новые платья; и теперь мы, пять принцесс Йоркских, были изысканно одеты, вот только пойти нам было некуда. Никто нас никогда не навещал, к нам обращались не «ваша милость», как полагается обращаться к принцессам, а просто «госпожа», как если бы мы были бастардами, плодом незаконного брака короля-двоеженца, а наша мать была не вдовствующей королевой, а вдовой какого-то провинциального сквайра. Собственно, участь всех нас была ничуть не лучше, чем участь Сесили, брак которой теперь считался аннулированным, так что у нее не стало ни мужа, ни каких-либо конкретных женихов. Она перестала быть леди Скруп, но больше ничьей женой так и не стала. В настоящий момент все мы считались девушками без имени, без семьи, без определенности. А у таких девушек нет будущего.

Я, правда, предполагала, что меня восстановят в правах принцессы и вернут мое состояние, как только я выйду замуж и пройду обряд коронации – все это, думала я, произойдет, возможно, во время одной и той же пышной церемонии, когда я буду идти рука об руку с

Генрихом, моим мужем. Однако затянувшееся молчание свидетельствовало о том, что Генрих отнюдь не рвется поскорее вступить со мной в брак.

Насчет посещения нами королевского гардероба также никаких распоряжений не поступало; никто нас туда не приглашал и не предлагал выбрать себе наряды для коронационной процессии. Не появлялся у нас и королевский церемониймейстер с предложением обучить нас какому-нибудь особенному танцу для выступления во время праздничного обеда. Казалось, все швеи и камеристки Лондона день и ночь трудятся над платьями и головными уборами – но, увы, все это предназначалось не для нас. Никого не посылали к нам и из служб королевского камергера, чтобы сообщить нам распорядок грядущих торжеств. Нас не пригласили в лондонский Тауэр накануне церемонии, как это следовало бы сделать согласно традиции. Для нас не заказали никаких лошадей, чтобы мы могли доехать из Тауэра до Вестминстерского аббатства; никаких распоряжений не поступило и относительно того, как нам следует вести себя в день коронации. Генрих даже никаких подарков мне не прислал, как это обычно делает жених накануне свадьбы. Не получали мы вестей и от его матери. Вместо суматохи, связанной с бурной подготовкой к важному событию, и груды противоречащих друг другу приказов и пожеланий, исходящих от нового короля, страшно заинтересованного в том, чтобы выглядеть достойно, и от его придворных, во дворце словно воцарилось выжидательное молчание, с каждым днем становившееся все более заметным.

– Нас явно не собираются приглашать на коронацию, – ровным тоном заметила я, когда мы с матерью остались одни. Она зашла ко мне в спальню, которую я делила с Сесили, чтобы пожелать мне спокойной ночи. – По-моему, это совершенно очевидно, тебе не кажется?

Она покачала головой.

– Да, теперь уже вряд ли нас туда пригласят.

– Но как он может так поступать? Как может не пригласить на коронацию собственную невесту?

Мать медленно встала, подошла к окну и, выглянув наружу, долго смотрела в темное ночное небо, где светила серебристая луна; потом она сухо заметила:

– По-моему, им просто не хочется видеть рядом с тронном – причем в самой непосредственной от него близости – такое количество Йорков.

– Но почему?

Она затворила ставни и заперла их на засов, словно отрезая от себя серебристый лунный свет, который окутывал ее каким-то неземным сиянием.

– А вот почему – я наверняка ответить не сумею, – сказала она. – Впрочем, я предполагаю, что на месте матери Генриха и я вряд ли захотела бы, чтобы мой сын, претендент на трон, узурпатор, король только по праву победы в сражении, получил бы корону одновременно с настоящей принцессой, дочерью всеми любимого короля, которая и сама является всеобщей любимицей и красавицей. Даже не принимая в расчет более существенные проблемы, я могу сказать, что подобная ситуация и мне бы пришлось попросту не по вкусу.

– Но при чем здесь моя красота? И что такого особенного во внешности Генриха? – спросила я.

– В том-то и дело, что ничего. Его внешность в высшей степени зауядна. Как, впрочем, и сам он. – Этим словом моя мать припечатала его, точно проклятьем. – Да, он в высшей степени зауяден.

* * *

Постепенно всем нам – даже Сесили, которая до самого последнего дня страстно на что-то надеялась, – стало ясно, что новый король отправится на коронацию в одиночестве, что он не хочет, чтобы рядом с ним перед алтарем оказалась девушка, не только чрезвычайно кра-

сивая и отвлекающая внимание присутствующих от него самого, но и настоящая принцесса, имеющая поистине королевское происхождение²¹. Вряд ли он пожелает также, чтобы мы, бывшая королевская семья, стали свидетелями того, как он коснется короны моего возлюбленного Ричарда, той короны, которую прежде с честью носил и мой отец, король Эдуард IV.

Никаких вестей ни от Генриха, ни от его матери, леди Маргарет Стэнли, мы по-прежнему не получали, и это служило подтверждением правильности наших предположений. Впрочем, и моя мать, и я сама уже подумывали, не написать ли нам леди Маргарет, однако обе мы так и не смогли смириться с унижением, которое нам пришлось бы испытать, если бы мы попросили о возможности присутствовать на коронации или вздумали бы уточнить дату моего с Генрихом бракосочетания.

– Кроме того, если я и буду участвовать в этой коронации, то мне как вдовствующей королеве полагается идти впереди леди Маргарет, – язвительно заметила моя мать. – Возможно, именно поэтому она нас и не приглашает. Всю жизнь во время сколько-нибудь значительных событий она, будучи моей фрейлиной, торчала у меня за спиной, и то, что происходило впереди, было вечно заслонено от нее моим головным убором и вуалью. Она послушно переходила следом за мной из зала в зал и в этом дворце, и в других королевских дворцах, а затем то же самое повторилось, когда она стала фрейлиной Анны Невилл²². Во время коронации Анны она несла ее шлейф. Возможно, леди Маргарет полагает, что теперь ее очередь быть первой дамой английского двора, и хочет, чтобы и ее шлейф тоже кто-то нес.

– Так, может, я это сделаю? – с надеждой спросила Сесили. – Я бы с удовольствием понесла ее шлейф. Да просто с радостью!

– Нет, ты ее шлейф нести не будешь, – отрезала мать.

* * *

Генрих Тюдор оставался во дворце Ламбет²³ вплоть до своей коронации, и если бы ему вдруг вздумалось за завтраком поднять глаза, он увидел бы мое окно в Вестминстерском дворце, находящемся на противоположном берегу; но он явно предпочитал глаз не поднимать. Он совершенно не интересовался своей невестой, которая была ему совершенно незнакома, и до сих пор не прислал мне ни слова. За несколько дней до коронации он, согласно традиции, перебрался в лондонский Тауэр. Там он и должен был какое-то время оставаться и каждый день проходить мимо тех дверей, за которыми в последний раз видели моих братьев, или гулять по той зеленой лужайке, где мои братья упражнялись в стрельбе из лука по мишени. Неужели он может жить там, не испытывая ползущего по спине холода? – думала я. Неужели ему не мерещится бледное личико ребенка, который был заточен здесь и должен был стать полноправным и коронованным правителем Англии? Неужели его мать не замечает легкой тени, преследующей ее, когда идет по лестнице или когда, коленопреклоненная, молится в королевской часовне? Неужели она не слышит, как мальчишеский дискант, точно тихое эхо, повторяет за ней молитвы? Как могут они оба, эти Тюдоры, поднимаясь по крутой винтовой лестнице в

²¹ Наследственные права Генриха VII выглядели не слишком убедительно. Его бабушка, Екатерина Валуа, после смерти первого мужа, Генриха V, вышла замуж за валлийского аристократа Оуэна Тюдора, не имевшего отношения к королевским династиям. Мать Генриха, Маргарет Бофор, была праправнучкой короля Генриха III и правнучкой его сына, Джона Гонта; Генрих Тюдор – ее сын от первого брака с Эдмундом Тюдором, графом Ричмондом; затем она была замужем за лордом Томасом Стэнли. Эта династическая линия казалась не очень важной, однако после исчезновения «принцев в Тауэре», сыновей и законных наследников короля Эдуарда IV, Генрих Тюдор вполне мог поспорить за трон с Ричардом III, что он и сделал, высадившись на английском побережье и выиграв сражение при Босуорте.

²² Дочь Ричарда Невилла, графа Уорика.

²³ В течение 700 лет Ламбетский дворец служил лондонской резиденцией архиепископов Кентерберийских; известен своей богатой библиотекой и собранием портретов архиепископов.

Садовую башню, не прислушаться к голосам двух мальчиков, звучащим за деревянной дверью? А если они все же прислушиваются, то неужели не слышат тихих молитв Эдуарда?

– Он будет искать виновного, – с мрачным видом сказала моя мать. – Будет допрашивать каждого, кто когда-либо охранял принцев. Ему захочется узнать, что с ними случилось, но при этом он будет лелеять надежду, что удастся отыскать такого человека, которого можно подкупить и заставить дать свидетельские показания или убедить признаться в собственной вине – подойдет все, что угодно, лишь бы можно было возложить вину за гибель принцев на Ричарда. Если он сможет доказать, что их убил Ричард, то полностью оправдает свой захват трона, потому что истинные наследники мертвы, и он с полным основанием будет называть Ричарда тираном и цареубийцей. Короче, если Генриху удастся доказать, что послужило причиной гибели принцев, то он, несомненно, окажется в выигрыше.

– Мама, – вырвалось у меня, – да я жизнью своей готова поклясться, что Ричард не причинил моим братьям никакого вреда! Я это точно знаю. Ричард непременно признался бы мне, если бы действительно что-нибудь с ними сделал. Да ты и сама это знаешь. Ты же была в этом уверена в ту ночь, когда он пришел к тебе и спросил, не ты ли их выкрала, помнишь? Он тогда и сам не знал, ни где они, ни что с ними случилось, и предполагал, что они оба, возможно, у тебя. Я могу поклясться, что он так ничего об этом и не узнал. На самом деле его страшно мучило то, что он ничего не знает о судьбе своих племянников, ибо не представлял себе, кого же теперь ему назвать своим наследником. Ему отчаянно хотелось выяснить, что же на самом деле случилось с мальчиками.

Мать сурово посмотрела на меня.

– О, я тебе верю. Скорее всего, Ричард действительно наших мальчиков не убивал. Конечно же, я и тогда это знала. Иначе я никогда бы не отпустила тебя и твоих сестер во дворец, под его покровительство. Я была уверена, что он не способен причинить зло детям своего родного брата. Но я знаю совершенно точно, что это он похитил принца Эдуарда, когда тот направлялся в Лондон; это он убил моего брата Энтони, который пытался защитить мальчика; это он посадил Эдуарда в Тауэр и сделал все, что в его силах, чтобы посадить туда же и маленького Ричарда. Тайно убил мальчиков, конечно, не он, однако именно он поместил их в такое место, где убийце ничего не стоило их найти. Он нарушил волю твоего отца и отнял трон у твоего брата. Он, может, и не убивал моих сыновей, но их обоих следовало оставить при мне, где они были бы в полной безопасности. Однако Ричард Глостер отобрал у меня сперва Эдуарда, а потом хотел отобрать и Ричарда. Он захватил трон, он убил моего брата Энтони и моего сына Ричарда Грея²⁴. Он вел себя как узурпатор и убийца, и я никогда не прощу ему всех этих преступлений. Мне нет нужды обвинять Ричарда в чьих-то еще смертях, за погубленные им жизни он и так отправится в ад, и я этих загубленных жизней ему никогда не прощу.

Я с жалким видом лишь качала головой; мне было больно слушать, как моя мать говорит все это о человеке, которого я любила. Я не могла защищать его – во всяком случае, ни перед своей матерью, которая потеряла двоих сыновей и до сих пор не знает, что с ними случилось.

– Я понимаю, – прошептала я. – Понимаю. Я не отрицаю того, что ему пришлось действовать в поистине ужасные времена, что он совершал поистине ужасные вещи. Но ведь он сам признался во всем своему духовнику и молил Господа простить ему эти страшные грехи. Ты понятия не имеешь, как это его мучило. Но в одном я уверена: он не приказывал умертвить моих братьев.

– В таком случае Генрих ничего и не найдет в Тауэре, сколько бы он там ни искал, – заключила мать. – Если Ричард не убивал мальчиков, Генрих не сможет найти там никаких

²⁴ Энтони Вудвилл и Ричард Грей были воспитателями Эдуарда, принца Уэльского, и когда по дороге в Лондон на них напали вооруженные люди, они пытались защитить мальчика. Ричард был убит, а Энтони казнен в Лондоне. Подробнее об этом в романе Ф. Грегори «Белая королева».

тел, которые мог бы предъявить всем. Возможно, оба принца еще живы и просто спрятаны где-нибудь в недрах Тауэра или в одном из близлежащих домов.

– Но что же тогда сделает Генрих, если найдет моих братьев живыми? – Я даже дыхание затаила при мысли об этом. – Как он поступит, если отыщется человек, который скажет, что знает, в каком надежном и безопасном месте были спрятаны наши мальчики, что они все это время там и находились?

Улыбка моей матери была столь же печальна, как и медленно стекавшая у нее по щеке слеза.

– Ну, тогда ему останется одно: убить их, – просто ответила она. – Если сейчас ему суждено найти моих сыновей живыми, он сразу же их убьет, а вину за это возложит на Ричарда. Если он найдет моих сыновей живыми, ему просто придется их убить, чтобы самому остаться на троне, – точно так же и твой отец убил старого короля Генриха²⁵, чтобы захватить трон. Конечно же, он это сделает. И все мы это понимаем.

– Неужели он действительно так поступит? Неужели он на это способен?

Она пожала плечами.

– Я думаю, он бы заставил себя это сделать. У него не осталось бы выбора. Иначе стало бы понятно, что он напрасно рисковал и собственной жизнью, и собственной армией, а его мать зря потратила жизнь на бессмысленные заговоры и бессмысленные браки. Не сомневаюсь: если Генрих обнаружит, что твой брат Эдуард жив, он в ту же минуту прикажет его убить. Впрочем, он и твоего брата Ричарда будет вынужден приговорить к смерти, если узнает, что тот жив. Ему в таком случае останется лишь продолжать то, что он начал при Босуорте. Я думаю, впрочем, что он найдет способ, чтобы успокоить свою совесть. Он молод и всю свою жизнь прожил под сенью меча – с того самого дня, когда ему, четырнадцатилетнему мальчику, пришлось бежать из Англии, и до той поры, когда он, высадившись на английском побережье, начал сражаться за свои права. Вряд ли кто-то лучше его понимает, что в такой ситуации любой претендент на трон должен быть немедленно уничтожен. Король не может позволить никому из реальных претендентов остаться в живых. Ни один король этого не допустит.

* * *

Двор Генриха, естественно, тоже переехал в Тауэр; все больше и больше людей собиралось теперь под победоносные знамена Тюдора. С улиц города доносилось немало слухов о том, что перед его троном прошла целая вереница награжденных; за несколько дней до коронации Генрих горстями стал раздавать военные трофеи, полученные при Босуорте. Его мать, вернув себе все свои земли и богатство, обрела наконец то величие и значимость, к которым всегда стремилась, но до сих пор не имела возможности ими насладиться. Ее муж, лорд Томас Стэнли, стал графом Дерби и констеблем Англии, получив этот высший придворный чин королевства в качестве награды за свое «великое» мужество, а точнее, за умение сидеть одновременно на двух стульях, за то, что оказался двуличным предателем. Я-то прекрасно знала, как было дело; я собственными ушами слышала, как сэр Томас присягал на верность Ричарду и клялся в безоговорочном ему подчинении; я собственными глазами видела, как он, преклонив колено, клялся королю в любви и даже предлагал в залог своего сына; как он уверял Ричарда, что у него нет более надежных сторонников, чем он, его брат и все семейство Стэнли.

²⁵ Полубезумный король Генрих VI, с 1465 года уже проводивший несколько лет в Тауэре, после проигранных Эдуарду IV сражений при Барнете и Тьюксбери (1471 г.) и гибели своего союзника графа Уорика и единственного сына Эдуарда вновь попал в Тауэр и скончался там в том же, 1471 году. Считается, что Генриха убили братья Йорки по решению молодого короля Эдуарда IV.

Однако тем утром, когда разразилось сражение при Босуорте, и сэр Томас, и сэр Уильям Стэнли, сидя на своих могучих конях впереди мощного войска, слишком долго выжидали, не вступая в бой, как будут развиваться события. Увидев, что перевес на стороне Генриха, а Ричард в одиночку нырнул в самую гущу схватки, точно копье, нацеленное, чтобы поразить соперника, оба брата Стэнли тут же ринулись в атаку, но не для того, чтобы поддержать и защитить Ричарда, а чтобы напасть на него сзади с поднятыми мечами. Тем самым они спасли Генриха, а Ричарда повалили на землю в то самое мгновение, когда он уже готовился пронзить своим клинком сердце Тюдора.

Затем сэр Уильям Стэнли поднял с земли шлем моего Ричарда, сорвал с него маленькую боевую корону, по сути дела просто золотое кольцо, и подал ее Генриху: это был самый мерзкий поступок за весь тот мерзкий, исполненный предательства, день. И вот теперь Генрих в порыве щенячьей благодарности сделал сэра Уильяма королевским камергером, расцеловал его в обе щеки и объявил, что все они – новая королевская семья! Он окружил себя представителями семейства Стэнли и никак не мог остановиться и решить, что уже достаточно отблагодарил их. Благодаря одной лишь военной победе Генрих обрел все сразу – и трон, и семью. С матерью он был поистине неразлучен; леди Маргарет постоянно находилась с ним рядом, а у нее за спиной, отступив на полшага, торчал ее преданный муж, лорд Томас Стэнли; еще на полшага позади – его брат, сэр Уильям. Генрих чувствовал себя обласканным ребенком на коленях у только что обретенных родственников; он понимал, что это они посадили его на трон, и полагал, что рядом с ними наконец-то будет в полной безопасности.

Его дядя Джаспер²⁶, деливший с ним ссылку и хранивший верность делу Тюдоров со дня рождения Генри, тоже был вознагражден за верность и беззаветную преданность своему племяннику. Помимо изрядной доли военных трофеев, он не только получил обратно свой титул графа Пембрука и свои земли, но и стал герцогом Бедфордом; ему также была предоставлена возможность самому выбрать себе должность и создать правительство. Мало того, Генри написал моей тете Кэтрин, вдове еще одного предателя, герцога Букингема, и велел ей готовиться к новому браку – с Джаспером, которому предстояло также получить и все богатство Букингема. У меня было такое ощущение, будто все мы, женщины из рода Риверсов, – тоже часть полученных Генрихом трофеев. Кэтрин с этим письмом в руках тут же приехала навестить мою мать; мы в это время все еще торчали в Вестминстере, в «лучших комнатах второго разряда».

– Он что, не в своем уме? – возмущенно спрашивала Кэтрин. – Неужели мало того, что меня насильно выдали замуж за этого противного мальчишку, за этого юного герцога, который всю жизнь меня ненавидел?²⁷ Неужели теперь я снова должна выйти замуж за врага нашей семьи?

– А вознаграждение ты получила? – сухо спросила мать, поскольку и у нее тоже было письмо, которое она хотела показать своей сестре. – Ибо, как видишь, и у нас тоже новости имеются: мне новый король намерен выплачивать пенсию, Сесили предстоит выйти замуж за сэра Джона Уэллеса, а Элизабет – за Генриха Тюдора.

– Ну и хвала Господу хотя бы за это! – воскликнула моя тетя Кэтрин. – Вы ведь и сами, должно быть, этого хотели?

Моя мать кивнула и прибавила:

– Но он, разумеется, с удовольствием разорвал бы эту помолвку, если б мог. Он уже и невесту себе другую присматривал, пытаюсь выбраться из заваренной его матерью каши.

²⁶ Эдмунд и Джаспер Тюдоры были сыновьями Екатерины Валуа от ее второго мужа Оуэна Тюдора и сводными братьями Генриха VI, которым он всегда покровительствовал. Эдмунд Тюдор был первым мужем Маргарет Бофор и отцом Генриха VII; он погиб еще до рождения сына, и мальчика с первых дней жизни воспитывал Джаспер Тюдор.

²⁷ Генри Стаффорд, герцог Букингем, был обручен с Кэтрин Риверс, младшей сестрой королевы Елизаветы, когда ему не было еще и десяти лет; он всегда считал, что его чрезвычайно унизили этим браком, на котором настояла Елизавета, став женой Эдуарда IV и королевой Англии.

При этих словах я подняла глаза, оторвавшись от шитья, но мать и ее младшая сестра были заняты изучением полученных ими писем и склонились над ними голова к голове.

– И когда состоится свадьба?

– После коронации, разумеется. – Моя мать как-то особо это подчеркнула. – Разумеется, он не хочет, чтобы говорили, будто он решил заключить брак с полноправной королевской наследницей, дабы лучше усидеть на отвоеванном троне. Ему желательно, чтобы всем стало ясно: он получил этот трон благодаря своим собственным заслугам. Зачем ему разговоры о том, что Элизабет уже по своему происхождению достойна королевской короны? А тем более о том, что он-то королевскую корону получил благодаря Элизабет?

– Но мы же все пойдем на коронацию? – спросила тетя Кэтрин. – Они, правда, слишком затянули с ней, однако...

– Мы не приглашены, – прервала ее моя мать.

– Но это же оскорбление! Элизабет должна быть с ним рядом!

Мать только плечами пожала.

– А что, если народ станет приветствовать ее радостными криками? А что, если в толпе закричат: «За Йорков!»? – тихо сказала она. – Ты же знаешь, что так оно и будет, когда они увидят мою дочь. Ты же знаешь, сколько среди лондонцев верных йоркистов. К тому же люди, увидев нас, могут потребовать, чтобы им показали и моего племянника Эдварда Уорика. Что будет тогда? Что, если толпа освищет Тюдоров и станет призывать на правление Йорков? И это во время коронации! Нет, Генрих не станет так рисковать.

– Но там же все равно будут наши родичи, тоже Йорки, – заметила Кэтрин. – Твоя невестка Элизабет переметнулась в другой лагерь вместе со своим супругом, герцогом Саффолком, который в очередной раз сменил свою приверженность. И ее сын, Джон де ла Поль, которого король Ричард называл своим наследником, уже попросил у Генриха прощения. Все они непременно там будут.

Мать кивнула и сказала:

– Так им и полагается быть там. И я уверена, что они будут верой и правдой служить новому королю.

Тетя Кэтрин насмешливо хмыкнула, и мать тоже не сумела сдержать улыбку.

* * *

Я тут же отыскала Сесили и выпалила:

– Тебя выдают замуж! Я слышала, как об этом говорили мама и тетя Кэтрин.

Она побледнела.

– За кого?

Я сразу поняла: моя сестра боится очередного унижения, боится, что теперь ее выдают за какого-нибудь незначительного сторонника Тюдора, оказавшего ему поддержку во время вторжения.

– Все не так уж плохо, – успокоила ее я. – Слава богу, леди Маргарет осталась твоим другом и хочет выдать тебя замуж за своего сводного брата, сэра Джона Уэллеса.

Сесили охнула, с трудом сдерживая рыдания, и повернулась ко мне.

– Ох, Лиззи, я так боялась... так боялась...

Я обняла ее за плечи.

– Я знаю.

– И ведь я ничего не могла сделать! Еще когда был жив наш отец, меня вечно называли «шотландской принцессой», поскольку я должна была выйти замуж за короля Шотландии! Но из этого ничего не вышло; меня швырнули вниз – сделали леди Скруп! А потом я и вовсе имени лишилась! Ох, Лизи, прости! В последнее время я вела себя отвратительно – особенно по отношению к тебе!

– По отношению ко всем, – поправила я.

– Ну да, ко всем! Я знаю!

– Зато теперь ты станешь виконтессой! – сказала я. – И, надеюсь, это скажется на тебе благотворно. Леди Маргарет в первую очередь заботится о членах своей семьи; к тому же Генрих в долгу перед сэром Джоном и очень благодарен ему за поддержку. Они наверняка одарят его и новым титулом, и земельными владениями. Ты будешь богата, ты будешь знатна, ты будешь в родстве с миледи королевой-матерью, ты будешь ей... кем там ты ей будешь? Наполовину невесткой? В общем, женой ее сводного брата и родственницей могущественного семейства Стэнли.

– А что уготовано нашим сестрам? И нашей кузине Маргарет?

– Пока ничего. Зато Томас Грей, наш сводный брат, домой возвращается!

Сесили вздохнула. Наш сводный брат Томас был нам как второй отец; он всегда был прямо-таки невероятно нам предан, всегда защищал нас. Он даже в убежище с нами тогда отправился и тайком выбрался оттуда лишь для того, чтобы с помощью внезапного налета попытаться освободить моих братьев, заключенных в Тауэре. Томас служил при дворе Генриха, когда тот находился в ссылке, пытаясь укрепить наш с ним союз и одновременно шпиона в нашу пользу. Когда мать окончательно убедилась, что Генрих превратился во врага, которого стоит бояться, она тут же послала за Томасом и потребовала, чтобы он вернулся домой, но отплыть в Англию он не успел: люди Генриха захватили его уже в порту. С тех пор он сидел во Франции в тюрьме.

– Так Томас прощен? Неужели король его простил?

– По-моему, всем известно, что Томас ничего плохого не совершил. Просто он был заложником, обеспечивающим наш союз. Генрих оставил его в залог французскому королю, но теперь, когда он убедился, что мы ему покорились, он вполне может отпустить Томаса и заплатить за него французам.

– А как же ты? – спросила Сесили.

– По всей вероятности, Генрих все же намерен на мне жениться, чувствуя, что из этой истории ему так просто не выбраться. Однако он с этим отнюдь не спешит. Собственно, почти всем уже известно, что он уже предпринимал попытки подыскать себе другую невесту.

Сесили сочувственно на меня посмотрела:

– Но это же оскорбительно!

– Да, – согласилась я. – Но я-то хочу всего лишь стать королевой; в качестве мужа он мне совершенно не нужен, так что мне безразлично, хочет он взять меня в жены или нет.

30 октября 1485 года

Я смотрела из окон своей спальни, как королевский барк плывет вниз по реке к Тауэру, сопровождаемый десятками других судов, и слушала музыку, разносившуюся над водной гладью. К такому важному событию, как коронация, барк успели заново позолотить; во всяком случае, с тех пор, как мы в последний раз плавали на нем, его весьма подновили, и теперь он ярко сверкал, скользя по холодным водам Темзы, а на носу и на корме развевались флаги Тюдоров и Бофоров – красный дракон и решетка ворот. На таком расстоянии Генрих, стоявший на корме, казался крошечной фигуркой, и я сумела различить лишь его длинное одеяние из пурпурного бархата, отделанное горностаем. Он стоял на небольшом возвышении в горделивой позе, подбоченившись и явно красуясь перед собравшимися на берегах реки зрителями. Прикрыв глаза рукой, я неотрывно смотрела на него. Впервые я могла спокойно разглядывать того человека, за которого вскоре должна была выйти замуж; впрочем, на таком расстоянии он казался не больше кончика моего мизинца. Барк плавно нес моего нареченного супруга к месту коронации, на которую меня, его невесту, даже не пригласили, и жених мой не знал, что в данную минуту я за ним наблюдаю. Он и представить себе не мог, что я, приложив мизинец к толстому оконному стеклу, попыталась измерить его рост и презрительно щелкнула пальцами.

Гребцы были наряжены в бело-зеленые ливреи – цвета Тюдоров; даже рукояти весел выкрасили белой краской, а лопасти – ярко-зеленой. Стояла глубокая осень, но Генрих Тюдор приказал все расцветить оттенками весны; казалось, даже природа Англии недостаточно хороша для этого молодого узурпатора, и, хотя с деревьев уже коричневыми слезами опадала листва, он пожелал, чтобы все вокруг зеленело, как молодая трава, и белело, как яблоневый цвет. Похоже, он хотел убедить всех, что с приходом к власти Тюдоров даже времена года встали с ног на голову.

На втором барке плыла миледи королева-мать; наслаждаясь своим триумфом, она восседала на высоком кресле, как на троне, и каждый мог видеть, что леди Маргарет наконец-то направляется в свои законные владения. Ее супруг стоял рядом, жестом собственника положив руку на позолоченную спинку кресла и всем своим видом демонстрируя столь же горячую преданность новому королю, какой была и его преданность королю предыдущему, а также тому, кто правил Англией до Ричарда. Его девиз – смехотворный девиз «Sans changer», что означает «Вечно неизменный», – тоже остался прежним, хотя, на мой взгляд, в верности своей братья Стэнли не изменяли только самим себе.

Третий барк занимал Джаспер Тюдор, любимый дядя короля; именно он должен был нести корону во время торжественной процессии. Моя тетя Кэтрин, которую он получил как приз за победу при Босуорте, стояла с ним рядом, слегка опираясь о его руку. Она не подняла головы и не посмотрела на наши окна, хотя, конечно же, догадывалась, что мы наблюдаем за проплывающими мимо судами. Глядя прямо перед собой, она стояла, не шелохнувшись, точно лучник перед боем; в ближайшее время ей предстояло стать непосредственной свидетельницей и участницей коронации нашего заклятого врага, однако ее прекрасное лицо выглядело абсолютно безмятежным; какие бы чувства ни терзали ее душу, по ее лицу ровным счетом ничего прочесть было нельзя. Ее однажды уже выдали замуж в интересах семьи за юнца, который ее ненавидел; она привыкла к тому, что за границей ей оказывают величайшие почести, а дома унижают. Такую жестокую цену она, одна из прекрасных дочерей Дома Риверсов, заплатила за то, что всегда находилась в непосредственной близости от трона, и эта близость вечно терзала ее, точно незаживающая рана.

Мать, обняв меня за талию, вместе со мной наблюдала за процессией. Она не говорила ни слова, но я знала, что она вспоминает тот день, когда мы, стоя в темной крипте под часовней аббатства, точно так же смотрели на королевские барки, проплывавшие мимо нас по реке на

коронацию моего дяди Ричарда, а истинный наследник престола, мой брат Эдуард, был заперт в Тауэре. Мне тогда часто казалось, что однажды ночью к нам тихо войдет палач, и я, возможно, успею лишь на мгновение проснуться перед тем, как мне на лицо тяжело навалится подушка. В те дни я была почти уверена, что никогда больше не увижу солнечного света. Я была еще слишком молода, и мне казалось, что такая тяжкая печаль, как моя, может привести только к смерти. Кроме того, я оплакивала своего умершего отца, была напугана странным отсутствием братьев, и мне представлялось, что скоро придет и мой черед.

До меня вдруг дошло, что это уже третья победоносная коронационная процессия, которую моей матери приходится наблюдать из окна. В первый раз это случилось, когда я была еще совсем маленькой, а мой брат Эдуард еще и на свет появиться не успел; тогда матери пришлось скрываться в святом убежище, поскольку мой отец, король, был изгнан из Англии, а на троне вновь оказался Генрих Ланкастер. Вот тогда моей матери, королеве, оставалось лишь смотреть, пригнувшись, в низенькое грязное окошко крипты, находящейся под Вестминстерским аббатством, и любоваться тем, как леди Маргарет и ее сын Генрих Тюдор, обласканные старым королем Генрихом VI, плывут вниз по реке на великолепном барке праздновать победу Дома Ланкастеров.

Повторяю, я тогда была еще слишком мала и, разумеется, не запомнила ни тех кораблей, что проплывали мимо нас, ни торжествующего лица леди Маргарет, ни ее сына-подростка на палубе барка, украшенного алыми розами; зато я навсегда запомнила вездесущий запах речной воды и постоянную сырость. Я хорошо помню, как плакала по ночам, пока не засыпала в слезах, потому что никак не могла понять, почему мы вдруг стали жить как бедняки, почему прячемся в крипте под часовней, а не наслаждаемся роскошью прекрасных королевских дворцов.

– Между прочим, ты уже в третий раз смотришь, как леди Маргарет победоносно проплывает мимо, – сказала я, искоса глянув на мать. – Один раз, когда на трон вновь посадили старого короля Генриха, она тогда возглавила «скачки с препятствиями», стремясь занять главенствующее место при дворе и ввести туда своего сына; второй раз, когда ее муж, Томас Стэнли, оказался в большом фаворе у короля Ричарда, и ей доверили нести шлейф королевы Анны во время коронации; и вот теперь она проплывает мимо тебя в третий раз.

– Да, – кивнула мать, и я заметила, что она слегка прищурила свои серые глаза, глядя на великолепный раззолоченный барк и слушая гордый шелест знамен, – но я всегда находила, что она... в высшей степени неубедительна даже в моменты своего наивысшего триумфа.

– Неубедительна? – удивленно повторила я; на мой взгляд, это было несколько странное слово.

– Видишь ли, Маргарет всегда казалась мне женщиной, с которой всю жизнь очень плохо обращались, – сказала мать и громко рассмеялась, словно желая сказать, что это временное поражение воспринимает всего лишь как очередной поворот колеса фортуны, а леди Маргарет отнюдь не на подъеме и отнюдь не является орудием воли Божьей, как считает она сама; просто в данный момент ей улыбнулась удача, но уже следующий поворот колеса фортуны почти наверняка заставит ее рухнуть вниз. – Она всегда казалась мне женщиной, которой есть на что жаловаться, которая о многом сожалеет, – пояснила моя мать. – А с такими женщинами всегда плохо обращаются.

Она повернулась, внимательно на меня посмотрела и рассмеялась, увидев, насколько я озадачена ее словами.

– Впрочем, это все неважно, – сказала она. – Так или иначе, леди Маргарет дала нам слово, что сразу после коронации Генрих на тебе женится, и тогда на трон взойдет одна из дочерей Йорков.

– По-моему, у него крайне мало желания на мне жениться, – сухо заметила я. – Меня не удостоили даже честью присутствовать на коронации! Это ведь не мы находимся сейчас на королевском барке, не так ли?

– Ничего, жениться на тебе ему придется, – уверенно сказала мать. – Нравится ему это или нет. От него этого потребует парламент. Он, конечно, выиграл то сражение, но лорды не примут его как короля, если рядом с ним не будет тебя. Ему пришлось им это пообещать. Они заблаговременно побеседовали об этом с Томасом – я имею в виду лорда Стэнли, – а уж он-то более других понимает, на чем покоится истинная королевская власть. Затем лорд Стэнли поговорил со своей женой, а она – со своим сыном. Всем им абсолютно ясно, что Генрих просто обязан на тебе жениться, хочет он этого или нет.

– А что, если я этого не хочу? – Я повернулась к матери и положила руки ей на плечи, чтобы она не ускользнула от моего гневного вопроса. – Что, если мне не нужен жених, который не желает на мне жениться? Что, если мне не нужен какой-то жалкий претендент, захвативший трон благодаря неверности и предательству? Что, если я признаюсь, что сердце мое покоится в безымянной могиле где-то в Лестершире?

Мать, не моргнув глазом, восприняла эту вспышку гнева и спокойно, почти безмятежно, посмотрела на меня.

– Ах, дочь моя, ты же чуть ли не с рождения знала, что тебя выдадут замуж за того, кто принесет благо твоей стране и укрепит могущество твоей семьи. И ты исполнишь свой долг, как подобает принцессе. И никто не должен знать, похоронено ли твое сердце в чьей-то могиле, хотела ты выходить замуж или не хотела. Я рассчитываю на тебя и надеюсь, что, выходя замуж, выглядеть ты будешь счастливой.

– Значит, ты выдашь меня за человека, которого я больше всего на свете хотела бы видеть мертвым?

Но ее безмятежная улыбка осталась неизменной.

– Элизабет, ты знаешь не хуже меня, что молодой женщине крайне редко удастся выйти замуж по любви.

– Тебе же удалось! – обвиняющим тоном бросила я.

– У меня хватило ума влюбиться в короля Англии.

– Как и у меня! – На этот раз в моем голосе отчетливо прозвучали слезы.

Она кивнула и ласково погладила меня по шее, по затылку, обняла, уложила мою голову к себе на плечо и сказала:

– Я все знаю, дорогая, все понимаю. Ричарду в тот день просто не повезло, а ведь прежде ему всегда везло, вот ты и была уверена, что и на этот раз он непременно победит. Я-то ведь тоже не сомневалась, что победа будет за ним, я тоже все свои надежды возлагала на его победу.

– Неужели мне действительно придется выйти замуж за Генриха?

– Да, дорогая. Ты станешь королевой Англии и вернешь нашей семье прежнее величие. Ты восстановишь в Англии мир, а это поистине великое деяние. Тебе бы следовало радоваться, что все это будет в твоих силах, что именно на тебя возложена столь высокая миссия. Или, по крайней мере, притвориться, что радуешься этому.

Вестминстерский дворец, Лондон. Ноябрь, 1485 год

Первый парламент Генриха был поглощен переделкой законов, принятых Ричардом; его подпись удалили из законодательных актов парламента точно так же, как при Босуорте сорвали с его шлема маленькую золотую корону. Сначала парламент снял все обвинения в государственной измене, выдвинутые против тех, кто поддерживал Тюдора, и теперь все эти люди самым очаровательным образом вновь стали невинными и преданными интересам государства. Мой дядя, герцог Саффолк, и его сыновья Джон и Эдмунд де ла Польш также принесли Тюдору присягу верности и больше уж не считались йоркистами, хотя их мать Елизавета принадлежала к Дому Йорков и была родной сестрой и моего возлюбленного Ричарда, и моего покойного отца. Вскоре должны были выкупить и привезти домой моего сводного брата Томаса Грея, до сих пор остававшегося во Франции в качестве заложника. Похоже, король был намерен отказаться от тех подозрений, которые испытывал относительно Томаса, будучи претендентом. Томас в письмах умолял его о прощении, заверяя, что никогда не имел намерения покинуть тогдашний, «передвижной», двор Генриха, а в Англию хотел вернуться, исключительно уступая просьбе матери. И теперь, после коронации, почувствовав себя куда более уверенным, Генрих, видимо, решил забыть это мимолетное предательство.

Мать Генриха, леди Маргарет, была восстановлена в правах и на фамильное состояние, и на фамильные земельные владения; вряд ли в государстве было дело важнее, чем вернуть богатство могущественной королеве-матери. Моей же матери как вдовствующей королеве была обещана пенсия. Парламент также согласился с отменой принятого Ричардом закона, гласившего, что мои родители никогда в законном браке не состояли, и назвал этот закон клеветническим. Мало того, об этой ошибке следовало забыть и никогда впредь о ней не упоминать. Так, в одно мгновение парламент вернул нам наше имя и титулы; я и все мои сестры вновь стали законными принцессами Йоркскими. Первый брак Сесили был аннулирован и забыт, словно его и вовсе не было, и теперь она вновь именовалась принцессой Сесилией Йоркской и была вольна выйти замуж за родственника леди Маргарет. В Вестминстерском дворце слуги стали преклонять перед нами колена, предлагая то или иное кушанье, а все придворные отныне обращались к нам, представителям королевского семейства Йорков, не иначе как «ваша милость».

Сесили была в восторге от столь внезапного восстановления нашего титула; Впрочем, все мы были рады вновь стать принцессами Йоркскими, то есть самими собой; а вот наша мать особой радости не проявила. Я отыскала ее на берегу холодной реки, где она гуляла в молчании, низко опустив на лицо капюшон плаща, спрятав в муфту холодные руки и не сводя с серой воды помрачневших серых глаз.

– Матушка, в чем дело? – Я подошла к ней, взяла ее руки в свои и заглянула в ее бледное лицо.

– Он считает, что мои мальчики мертвы, – прошептала она.

Я опустила глаза и заметила, что ее сапожки все в грязи, как и подол платья. Она, должно быть, бродила здесь, у самой воды, не менее часа, о чем-то шепотом беседуя с рекой, покрытой холодной рябью.

– Пойдем в дом, ты совсем замерзла, – сказала я, и она позволила мне взять ее за руку и довести по гравиевой дорожке до садовой калитки.

Я помогла ей подняться по каменной лестнице в ее личные покои, и только тогда она снова заговорила.

– У Генриха, должно быть, есть неопровержимые доказательства того, что оба мои мальчика мертвы, – прошептала она.

Я сняла с матери плащ и усадила ее в кресло у огня. Моих сестер дома не было, они отправились к торговцам шелками, имея при себе туго набитые кошельки и слуг, которые потом

должны были отнести их покупки домой; слуги с удовольствием им прислуживали, охотно преклоняли перед ними колени и радовались их реставрации. Дома остались только мы с матерью, и каждая из нас в одиночку сражалась со своим мучительным горем. Я опустилась перед ней на колени и принялась растирать ее ледяные руки; сухой тростник на полу зашуршал, источая прохладный осенний аромат. Наши головы так тесно соприкасались, что никто, даже если б он и подслушивал у дверей, не сумел бы услышать, о чем мы с ней говорим.

– Матушка, – почти прошептала я, – откуда ты узнала?

Она вздрогнула и низко опустила голову, словно я ударила ее в самое сердце.

– Он наверняка это знает. Ему необходимо быть абсолютно уверенным, что они оба мертвы.

– Неужели ты до сих пор надеялась, что Эдуард жив? Неужели даже сейчас?..

Слабый жест – о, как она была похожа на измученное, израненное животное! – сказал мне, что она никогда не переставала на это надеяться. Надеяться на то, что ее старшему сыну, наследнику короля Йорка, все же неким невероятным образом удалось спастись и бежать из Тауэра, и теперь он живет где-то, неузнанный.

– Неужели даже сейчас?

– Я думала, что сразу пойму, если их действительно больше нет, – очень тихо промолвила она. – Пойму сердцем. Я знала: если мой мальчик, мой Эдуард, убит, я сразу это почувствую. Мне казалось, что его душа не сможет покинуть наш мир, не соприкоснувшись на прощанье с моей душой. Ты же знаешь, Элизабет, как сильно я его люблю.

– Но, мама, мы же обе слышали ее пение в ту ночь, а ведь она поет каждый раз, когда умирает кто-нибудь из членов нашего Дома.

Она кивнула.

– Слышали, да, и все же я продолжала надеяться.

Мы немного помолчали, думая о том, что надежда всегда умирает последней.

– Значит, ты считаешь, что Генрих велел произвести некое расследование, во время которого были найдены тела?

Мать покачала головой. Впрочем, у нее явно не имелось сомнений в том, что такое расследование было произведено.

– Нет. Он их не нашел. Если бы он нашел тела, то предъявил бы их миру и устроил бы великолепные похороны, чтобы все знали, что принцев больше нет. Да, он, несомненно, похоронил бы их по-королевски и всех нас заставил бы облачиться в темно-синий траур на долгие месяцы. Если бы у него были хоть какие-то достоверные доказательства, он бы ими непременно воспользовался, чтобы очернить имя Ричарда. Если бы нашелся хоть кто-нибудь, кого он мог бы обвинить в убийстве принцев, он отдал бы его под суд и прилюдно повесил. Сейчас самое лучшее для Генриха – это отыскать тела мальчиков. Он, должно быть, молился, готовясь высадиться в Англии, что найдет принцев мертвыми и похороненными, и тогда его претензиям на трон ничто угрожать не будет, тогда никто не сможет восстать против него, предъявляя свои законные права. Так что единственный человек в Англии, который, пожалуй, даже сильнее меня хотел бы знать, где в данный момент находятся мои сыновья, – это наш новый король Генрих. Однако найти их тела ему не удалось. Но он, скорее всего, уверен, что они мертвы. Кто-то наверняка убедил его в этом. И этот «кто-то» – человек, которому он доверяет. Генрих никогда бы не позволил восстановить королевский титул для членов нашей семьи, если бы ему казалось, что хоть один из наших мальчиков жив. Он бы никогда не вернул вам, моим дочерям, титул принцесс Йоркских, если бы ему донесли, что где-то имеется живой принц Йоркский.

– Значит, его заверили, что Эдуард и Ричард мертвы?

– Да, и он, похоже, абсолютно в этом уверен. Иначе он никогда не отдал бы приказ отменить то постановление, согласно которому мы с твоим отцом являлись всего лишь любовниками. Ибо согласно новому постановлению вы вновь стали принцессами Йоркскими, а ваши

братья – принцами Йоркскими. А значит, даже если наш Эдуард мертв, то твой младший брат – если он жив – является королем Англии Ричардом IV, а Генрих – узурпатором. Пойми, Генрих никогда бы не восстановил нам всем королевский титул, если бы его соперник был жив. Нет, он наверняка уверен, что оба мальчика мертвы. Возможно, кто-то поклялся ему, что это убийство действительно было совершено. Возможно, кто-то рассказал ему, что видел обоих мальчиков мертвыми.

– А что, если это его мать? – в ужасе прошеп-тала я.

– Возможно. Когда мальчики исчезли, у нее одной имелись веские причины убить их; она была здесь в момент их исчезновения, она жива и сейчас, – сказала моя мать. – Генрих тогда был в ссылке, вместе с ним был и его дядя Джаспер. Союзник Генриха, герцог Букингем, вполне мог это сделать, однако он мертв, так что правды о нем мы никогда не узнаем. Если кто-то заверил Генри, причем именно сейчас, что ему больше ничто не грозит, то это, конечно же, могла быть только его мать. Должно быть, они оба попросту убедили себя, что отныне они в безопасности и принцы Йоркские мертвы. Теперь ему остается сделать следующий шаг – предложить тебе выйти за него замуж.

– То есть он выжидал, пока его не убедили в том, что оба мои брата мертвы, прежде чем назвать меня принцессой Йоркской и предложить мне стать его женой? – переспросила я, чувствуя во рту столь же горький вкус, сколь горек был и этот вопрос.

Мать пожала плечами.

– Разумеется. А что еще ему оставалось? Таков наш мир.

* * *

Моя мать была права. Вскоре ветреным вечером небольшой отряд гвардейцев-йоменов, только что назначенных королем стражей Тауэра, в красивых алых ливреях строевым шагом приблизился к дверям Вестминстерского дворца, и герольд вручил нам послание, извещавшее, что через час король Генрих будет иметь удовольствие нас посетить.

– Беги скорее готовься, – тут же сказала моя мать, пробежав глазами письмо. – Бесс! – крикнула она своей новой фрейлине. – Ступайте с ее милостью и приготовьте для нее мой новый головной убор и ее новое зеленое платье, а также пусть мальчик принесет в ее комнату горячей воды и лохань для мытья – немедленно! Сесили! Анна! Вы тоже быстренько одевайтесь и младшим сестрам помогите одеться, а ваших кузенов Уориков отправьте в классную комнату и скажите учителю, чтобы они сидели там под его присмотром, пока я сама за ними не пошлю. Дети Уорика ни в коем случае не должны спускаться вниз, пока король здесь. Позаботьтесь о том, чтобы они это как следует поняли.

– Я надену черный плащ с капюшоном, – упрямо сказала я.

– Нет, только мой новый головной убор, украшенный самоцветами! – возмутилась мать. – Ты вскоре будешь его женой, королевой Англии, зачем же тебе выглядеть как его домоправительница? Или как монашка – вроде его матери?

– По-моему, именно это и должно ему нравиться, – быстро возразила я. – Разве ты этого не понимаешь? Ему и должны нравиться девушки, похожие на монахинь и так же скучно одетые. Ему не доводилось бывать у нас при дворе; он никогда не видел, как изящно одевались наши придворные, не видел, как танцуют красивые дамы в изысканных бальных платьях, не видел наших чудесных балов. Он всю жизнь проторчал в Бретани и жил как какой-то бедняк, а все его общество составляли горничная да экономка. Он перебирался из одной жалкой гостиницы в другую, а если и приезжал в Англию, то все свое время проводил с матерью, которая не только одевается как монахиня, но и страшна, как смертный грех. Нет, мама, я должна выглядеть скромной, а не величественной.

И мать, прищелкнув пальцами и как бы сердясь на себя, воскликнула:

– Да, это я не додумалась! Ты совершенно права! Верно! Ступай скорей! – И она слегка подтолкнула меня в спину. – Да поторопись! – И она сквозь смех прибавила мне в спину: – Но уж тогда и вести себя постарайся как последняя простушка. И если тебе при этом удастся не выглядеть самой красивой девушкой в Англии, я скажу, что ты просто великолепно справились со своей ролью!

Я поспешила к себе. Мальчик-истопник прикатил в мою спальню огромную деревянную бочку, а потом стал сновать туда-сюда с тяжелыми кувшинами, полными горячей воды, которые у дверей передавал моим служанкам, а уж они наполняли бочку. Мыться пришлось второпях; я быстро вытерлась и, высоко закрутив узлом влажные волосы, засунула их под остроконечный капюшон своего черного плаща; капюшон я низко спустила на лоб, и он ниспадал у моего лица двумя широкими складками. Разумеется, прежде я надела чистую нижнюю рубашку и свое зеленое платье; Бесс металась вокруг меня и в итоге так туго зашнуровала мне лиф, что я почувствовала себя связанной курицей, предназначенной на продажу. Наконец я сунула ноги в изящные туфельки и повернулась к ней; она с улыбкой оглядела меня с головы до ног и сказала:

– Прекрасно! Вы чудесно выглядите, ваша милость.

Я взяла ручное зеркальце и увидела в кованом серебре нечеткое отражение собственного овального лица с темно-серыми глазами. От горячей воды я раздурманилась и действительно выглядела очень хорошо. Я изобразила легкую улыбку – уголки губ чуть изогнуты кверху, на лице абсолютно пустое выражение, в глазах ни малейшего проблеска счастья. Ричард много раз повторял, что я самая красивая девушка, какая когда-либо рождалась на свет, что стоит ему взглянуть на меня, и в нем тут же вспыхивает огонь страсти. Он твердил, что у меня идеальная кожа, что мои косы доставляют ему несказанное наслаждение, что лучше всего ему спится, когда он зарывается лицом в мои светлые волосы. Вряд ли мне еще когда-либо в жизни доведется услышать такие слова, думала я. Да я, собственно, и не ждала этого. Я уже не надеялась, что снова почувствую себя красавицей. Они закопали в той безвестной могиле не только мою любовь, но и мою радость, мое девичье тщеславие, и мне казалось, что мне никогда уже не придется испытать подобные чувства.

Двери спальни внезапно распахнулись, и Анна, запыхавшись, возвестила:

– Он здесь! Въезжает во двор в сопровождении четырех десятков человек. Мама говорит, чтобы ты сразу шла вниз.

– А где Маргарет и Эдвард? Их отвели в классную комнату?

Она кивнула.

– Да, и они знают, что вниз им нельзя.

И я стала спускаться по лестнице, ровно и высоко держа голову, словно на ней уже красовалась королевская корона, а не плотный черный капюшон; душистые стебли тростника шуршали под подолом моего зеленого платья. Высокие двойные двери распахнулись, и Генрих Тюдор, завоеватель Англии, только что обретший корону, и убийца моего счастья, вошел в просторный зал, а я остановилась на ступеньке и смотрела на него сверху вниз.

Моей первой мыслью было: слава богу, что он оказался совсем не таким, как я ожидала! Много лет я жила с пониманием того, что где-то существует упорный претендент на королевский трон, который только и ждет возможности вторгнуться в Англию; из-за этого Генрих превратился в моем восприятии в некое ужасное существо, в чудовище, страшнее смерти. Ходили слухи, что во время битвы при Босуорте его охранял некий великан, и мне почему-то казалось, что и сам он тоже должен быть великанского роста. Но молодой мужчина, вошедший в зал, был довольно хрупкого сложения, высокий, худощавый; на вид ему было около тридцати, походка энергичная, но лицо несколько напряженное; волосы у него были каштановые, глаза карие и как бы чуть прищуренные. И я впервые подумала о том, как это, должно быть, тяжело – провести всю жизнь в ссылке и, даже завоевав свое королевство, понимать: твоя победа буквально висела на волоске и ты обрел ее исключительно благодаря предательству тех, кто во время

решающего сражения переметнулся на твою сторону. Как тяжело сознавать, что большинство твоих подданных отнюдь не рады тому, что в том сражении победил именно ты, а женщина, на которой тебе придется жениться, любит не тебя, а твоего убитого врага, который и был законным правителем этой страны. До этого мне казалось, что я увижу перед собой человека, празднующего свою победу, но тот, кто стоял предо мной, был скорее грустен и задумчив; он явно был потрясен странным вывертом судьбы, жарким августовским днем приведшей его к победе благодаря змеиной неверности бывших союзников Ричарда. По-моему, он даже не был до конца уверен, на его ли стороне Господь.

Я помедлила немного, остановившись на лестнице и крепко держась за холодные мраморные перила, и даже чуть наклонилась, чтобы лучше разглядеть стоявшего внизу Генриха. Его рыжевато-каштановые волосы уже начинали редеть – сверху мне это было хорошо видно, особенно когда он снял шляпу и низко склонился над рукой моей матери, а потом выпрямился и улыбнулся ей; вот только в улыбке его не было ни капли тепла. Он выглядел несколько напряженным, но явно держал себя в руках; впрочем, это было вполне понятно: ведь он пришел в дом к самым ненадежным своим союзникам. В былые времена моя мать то поддерживала его в намерении свергнуть Ричарда, то выступала против него. Кстати, она сама послала своего сына Томаса Грея служить у Генриха при дворе, желая оказать ему поддержку, но затем сама же и отозвала Томаса домой, поскольку у нее зародились подозрения, что мой брат, принц Эдуард, был убит по приказанию Генриха. По всей вероятности, сам Генрих так и не понял, враг она ему или союзник, и, разумеется, до конца ей не доверял. Как, впрочем, не доверял он и всем нам, «этим двуличным принцессам Йоркским». И, должно быть, более всего опасался моей бесчестности и неверности.

Он очень легко коснулся в поцелуе кончиков пальцев моей матери, словно показывая этим, что и от нее, и от всех нас не ожидает ничего, кроме притворства. Затем, невольно следя за ней взглядом, посмотрел вверх – и увидел на лестнице меня.

Он сразу понял, кто я такая, и я приветливо ему кивнула, как бы говоря, что и я его узнала и понимаю, что именно за этого человека мне предстоит выйти замуж. Думаю, со стороны мы были больше похожи на двух незнакомых людей, согласившихся вместе совершить не самое приятное длительное путешествие, чем на двоих только что встретившихся после разлуки влюбленных. Всего четыре месяца назад я была любовницей его заклятого врага и по три раза в день молила Бога о поражении Тюдора. Всего лишь вчера он спрашивал у своей матери совета, нельзя ли ему избежать брака со мной. А мне вчера ночью снилось, что этого жениха у меня вообще нет, и я проснулась, мечтая, чтобы сейчас был канун битвы при Босуорте, и ничего еще не было решено, и Генрих вторгся бы в нашу страну только для того, чтобы встретиться здесь свою смерть. Но он выиграл битву при Босуорте, и теперь ему некуда было деться от обещания жениться на мне, да и я никак не могла нарушить обещание, данное моей матерью его матери в том, что я непременно стану его женой.

Я медленно спустилась по лестнице, и все это время мы с Генрихом не сводили друг с друга глаз, и каждый словно пытался проникнуть в душу своего бывшего и отчасти воображенного врага. Мне было чрезвычайно трудно приучить себя к мысли о том, что, хочу я этого или нет, мне все же придется выйти за него замуж, ложиться с ним в постель, вынашивать его детей, жить с ним до конца моих дней. Мне придется называть его мужем, он станет моим господином, а я – его женой и, по сути дела, его вещью. И до самой его смерти не смогу избавиться от его власти надо мной. Да, я с холодным сердцем размышляла о том, не буду ли я всю оставшуюся жизнь, каждый ее день, желать ему смерти.

– Добрый день, ваша милость, – тихо сказала я, спускаясь с последней ступеньки, и склонилась перед Генрихом в реверансе.

Затем я подала ему руку, и он, наклонившись, поцеловал кончики моих пальцев, но потом выпрямился, притянул меня к себе и поочередно расцеловал в обе щеки на прелестный фран-

цузский манер – я знала, что подобное обхождение принято во Франции при дворе, но все эти поцелуи ровным счетом ничего не значат. Пахло от него приятно – чистотой, а от волос исходил свежий аромат зимних сельских полей. Когда он чуть отступил от меня, я заметила настороженность в его карих глазах, и он с неуверенной улыбкой сказал:

– Добрый день, принцесса Элизабет. Рад, что наконец-то могу с вами познакомиться.

– Не хотите ли выпить бокал вина? – предложила моя мать.

– Благодарю вас, – учтиво ответил он, не отрывая взгляда от моего лица; по-моему, он оценивал, насколько я гожусь ему в жены.

– Сюда, пожалуйста, – пригласила его моя мать и неторопливо пошла впереди, ведя гостя в свою гостиную, подальше от этого неуютного огромного зала; на столике уже был приготовлен графин венецианского стекла и такие же бокалы. Король уселся в кресло, но, что было весьма грубо с его стороны, нам сесть не предложил, и мы были вынуждены стоять с ним рядом. Мать разлила вино и первый бокал подала ему. Он чуть качнул бокалом в мою сторону и опустошил его одним глотком, как в пивной, не сказав при этом ни слова. Казалось, ему доставляет удовольствие сидеть вот так, молча, и задумчиво меня разглядывать, пока я стою перед ним, точно провинившийся непослушный ребенок.

– А это мои младшие дочери. – Мать с невозмутимым видом представила королю моих сестер. Казалось, ее почти невозможно вывести из себя – еще бы, ведь эта женщина ухитрилась проспять убийство короля! Сперва она кивком подозвала к себе Сесили и Анну, стоявших в дверях, и те привели Бриджет и Кэтрин. Все четверо склонились перед королем в низком реверансе, и я не могла сдержать улыбку, глядя, с каким достоинством делает это малышка Бриджет, истинная герцогиня, если судить по ее величественным манерам. Заметив, что я улыбаюсь, Бриджет укоризненно на меня посмотрела, и я тут же убрала с лица улыбку; она у нас была чрезвычайно серьезной пятилетней особой.

– Я очень рад познакомиться с вами, – приветствовал их всех сразу король, не потрудившись даже встать на ноги. – Удобно ли вы здесь устроились? Все ли необходимое у вас есть?

– Да, спасибо, – смиренно поблагодарила моя мать, словно ей вовсе и не принадлежала когда-то вся Англия, словно Вестминстер не был когда-то ее любимым дворцом, хотя в нем и до сих пор царили установленные ею порядки.

– Содержание будет выплачиваться вам каждые три месяца, – сообщил ей Генрих. – Моя матушка сейчас как раз отдает соответствующие распоряжения.

– Прошу вас, передайте мои наилучшие пожелания леди Маргарет, – сказала моя мать. – Ее дружба так поддерживала меня в недавнем прошлом, да и в более отдаленные времена я весьма высоко ценила ее преданное служение мне.

– Да, непременно передам, – сказал Генрих таким тоном, словно ему неприятно было напоминание о том, что его мать была фрейлиной моей матери. – Кстати, вскоре вашего сына Томаса Грея выпустят из французской тюрьмы, и он сможет вернуться домой. – Новый король явно продолжал расточать благодеяния.

– Да, я очень вам за это благодарна, – ответила моя мать. – Также прошу вас передать вашей матушке, что моя дочь и ее крестница Сесили пребывает в добром здравии и благодарит вас и леди Маргарет за заботу и предложение о новом замужестве. – Сесили тут же низко поклонилась, чтобы король понял, о ком из моих сестер идет речь. Он с рассеянным видом, если не со скукой, кивнул, хотя Сесили смотрела на него так, словно только и мечтает о том, чтобы день ее свадьбы с родственником леди Маргарет был наконец назначен; только и ждет указаний короля, ибо в настоящий момент не может считать себя ни мужней женой, ни вдовой, ни девушкой. Но Генрих так и не дал Сесили возможности высказать все это.

– Мои советники сообщают мне, что народ жаждет увидеть свадьбу принцессы Элизабет, – сказал он, и моя мать слегка наклонила голову в знак согласия. – Потому мне и захоте-

лось удостовериться, что вы здоровы и счастливы, – прибавил он, обращаясь непосредственно ко мне, – и согласны выйти за меня замуж.

От неожиданности я вскинула на него глаза. Нет, я не чувствовала себя ни здоровой, ни счастливой; я была глубоко несчастна, я горевала о своем погибшем возлюбленном, которого убил мой будущий жених, этот вот человек, наш новый король; убил и велел похоронить в известной могиле без каких бы то ни было почестей. И теперь он сидит передо мной и вежливо спрашивает, согласна ли я стать его женой, хотя именно он велел своим подручным сорвать с моего Ричарда доспехи, одежду и даже нижнее белье, а потом привязать его обнаженным к седлу и погнать коня рысью! Мне рассказывали, что голова мертвого Ричарда, низко свисавшего с седла, билась о деревянные балки моста Боу-бридж, когда войско въезжало в Лестер. С тех пор этот стук – когда голова мертвеца ударялась о деревянные столбики моста – постоянно меня преследовал, он эхом звучал и в моих снах. Затем они выставили обнаженное тело Ричарда на ступенях алтаря в лестерском соборе, чтобы каждый мог убедиться, что он мертв и владычеству Йорков в Англии положен конец – а вместе с ним и всякой надежде на мир и счастье.

– Моя дочь Элизабет вполне здорова и счастлива; она также готова с величайшей покорностью служить вашей милости, – любезно ответила Генриху моя мать, стремясь заполнить возникшую неловкую паузу.

– И какой же девиз вы выберете, став моей женой? – спросил он у меня.

Неужели он пришел только для того, чтобы мучить меня? – подумала я. Какой там еще девиз? С какой стати я должна была думать о каком-то девизе для себя в качестве его супруги?

– Возможно, у вас есть какие-то особые предпочтения? – спросила я у него, и голос мой прозвучал холодно и без малейшей заинтересованности. – Поскольку у меня самой никаких идей нет.

– Моя матушка предложила «смирренная и раскаявшаяся», – сказал он.

Сесили насмешливо фыркнула, не сумев сдержаться, и тут же сделала вид, что закашлялась, но покраснела и отвернулась. Мы с матерью обменялись встревоженными взглядами, но обе понимали: сказать тут нечего.

– Как вам будет угодно. – Я старалась говорить ровным тоном и достаточно равнодушно и была рада, что мне это удалось. Если уж я не могу ничего другого, то хотя бы сделаю вид, что мне все это безразлично.

– Значит, так и будет: «смирренная и раскаявшаяся», – сказал он тихо, как бы про себя, и мне показалось, что он очень этим доволен; теперь-то я была совершенно уверена: он пришел только для того, чтобы над нами посмеяться!

* * *

На следующий день мать вошла ко мне в спальню и, улыбаясь, сообщила:

– Теперь я понимаю, чему мы вчера были обязаны такой честью, как визит короля. Сам спикер парламента вчера, поднявшись со своего кресла, от имени всех буквально молил короля поскорее на тебе жениться. Обе палаты единодушно заявили, что решение этой проблемы не терпит отлагательств, что народ не поддержит его как короля, если рядом с ним не будет тебя. Они подали ему петицию такого содержания, на которую он никогда не смог бы ответить отказом. Они, правда, обещали мне, что такая петиция будет подана, но я все же не была уверена, что они решатся это сделать. Люди боятся нового правителя, но одновременно хотят иметь на троне дочь Йорков; а больше всего на свете они хотят, чтобы «война кузенов» завершилась свадьбой кузенов. Ни у кого пока что нет уверенности в том, что Генрих Тюдор принес с собой мир; эта уверенность может возникнуть, только если рядом с ним на троне будешь ты. Его самого люди воспринимают всего лишь как удачливого претендента. Кто-то очень неплохо

сказал, что народу хотелось бы, чтобы Генрих Тюдор стал королем, привитым к древу Плантагенетов, к их стойкой лозе.

– Ну, Генриху это наверняка не понравилось!

– Да, он был просто в ярости, – радостно подтвердила моя мать, – но поделаться ничем не мог. Теперь он просто вынужден взять тебя в жены.

– «Смиренную и раскаявшуюся», – с кислым видом напомнила я ей.

– Да, «смиренную и раскаявшуюся»! – весело воскликнула она и рассмеялась, увидев мое мрачное лицо. – Это же только слова, – напомнила она мне. – Слова, которые он, правда, может заставить тебя произнести вслух. Но мы ему отомстим: мы заставим его на тебе жениться, сделаем тебя королевой Англии, и тогда посмотрим, будет ли на самом деле иметь значение какой-то дурацкий девиз!

Вестминстерский дворец, Лондон. Декабрь, 1485 год

И снова королевский герольд явился к нашим дверям, извещая нас, что король намерен пожаловать к нам с визитом. Мало того, на этот раз он собирался у нас еще и пообедать, а вместе с ним и человек двадцать его придворных. Мать немедленно приказала позвать к ней старшего повара, старшего подавальщика и старшего сомелье и представить ей меню тех блюд и вин, которые могут быть приготовлены и поданы к столу сегодня же, и отправила их заниматься подготовкой к обеду. Прежде ей не раз доводилось устраивать грандиозные пиры с невероятным разнообразием кушаний и сотнями гостей; все это происходило в этом самом дворце в те времена, когда мой отец был любимым королем Англии, а она – его королевой. И сейчас она с удовольствием готова была продемонстрировать Генриху – ибо он, будучи выслан из Англии и страшась за свою жизнь, пятнадцать лет болтался на задворках Бретани с крошечным «перемещаемым» двором, – как следует управлять настоящим королевским дворцом.

Парнишка-истопник снова с трудом поволок по лестнице наверх бочку для купания; моим кузенам опять велели сидеть в своих комнатах и носа оттуда не показывать, им даже в окна запретили выглядывать.

– Но почему? – спросила у меня Мэгги, проскользнув ко мне в комнату за спиной у горничных, явившихся с целой охапкой подогретых простыней; они принесли также бутылку с розовой водой, чтобы после купания умастить мне волосы. – Неужели твоя матушка считает, что у Тедди не хватит ума вести себя достойно и почтительно в присутствии короля? Почему нам нельзя познакомиться с королем Генрихом? – Она вспыхнула. – Или твоя матушка нас стыдит?

– Просто она не хочет отвлекать короля от основной цели, а появление мальчика, принадлежащего к Дому Йорков, его, безусловно, отвлечет, – кратко пояснила я. – Но в целом это не имеет никакого отношения к тебе или к Эдварду. Генрих, разумеется, знает о вас обоих; да и его мать, которая самым тщательным образом собирает все слухи о том, что творится в Англии, наверняка о вас не забыла. Она, кстати, взяла вас под свою опеку; и все же вам безопасней не попадаться ни ему, ни ей на глаза.

Мэгги побледнела.

– Ты думаешь, что король может отнять у меня Тедди?

– Нет, вряд ли, – сказала я. – Но присутствовать сегодня за обедом Тедди совершенно не нужно. Лучше все-таки не сталкивать его и Генриха лбами. И потом, если Тедди нечаянно обмолвится в присутствии Генриха, что он рассчитывает когда-нибудь стать королем, получится очень неловко.

Мэгги усмехнулась.

– Мне очень жаль, что кто-то когда-то сказал ему, что он первый претендент на английский трон, – сказала она. – Он это принял так близко к сердцу! Лучше бы он об этом вообще не знал и не думал.

– Тем более лучше ему сейчас держаться в тени, пока Генрих ко всему здесь не привыкнет, – сказала я. – Тедди – очень милый мальчик, и все же, по-моему, ему не всегда можно доверять – в том смысле, что он не всегда знает, когда надо держать рот на замке.

Мэгги огляделась, заметила выложенное на постели мое новое платье, только сегодня привезенное от портного из Сити, – естественно, в зеленых тонах Тюдоров и с «узлами любви» на плечах – и тихо спросила:

– Тебе очень не хочется замуж, Лиззи?

Я пожалала плечами, скрывая свою затаенную боль.

– Что же делать, ведь я принцесса Йоркская, – сказала я. – Я должна выйти за него замуж. Мне так или иначе следовало выйти за того, кто соответствовал планам моего отца. Я была

помолвлена чуть ли не с колыбели. И теперь у меня нет выбора; да я никогда и не ожидала, что у меня будет какой-то выбор – вот только однажды случилось чудо, но теперь это кажется мне лишь мимолетным сказочным видением. Когда придет твое время, ты тоже должна будешь выйти замуж за того, за кого тебе прикажут.

– И ты поэтому так печалишься? – спросила Мэгги. Она всегда была удивительно милой, внимательной и серьезной девочкой.

Я покачала головой.

– Да нет, я вовсе не печалюсь. Гораздо хуже: я ничего не чувствую, – честно призналась я. – Мне все равно, а это, пожалуй, и есть самое плохое. Да, мне абсолютно все равно.

* * *

Генрих со своими придворными прибыл вовремя; все они были красиво одеты и любезны, но многие старательно скрывали улыбку. Половина его двора – это наши старые, точнее бывшие, друзья; причем большинство – наша родня по браку, а то и по крови. Так что очень многое осталось невысказанным, когда лорды, входя, приветствовали нас; ведь еще совсем не так давно мы принимали их в этом дворце как члены королевской семьи.

Мой кузен Джон де ла Польш, которого Ричард назвал своим наследником перед битвой при Босуорте, явился вместе с матерью, моей теткой Элизабет. И сама она, и вся ее семья стали теперь верными слугами Тюдоров и приветствовали нас с осторожной улыбкой.

Моя вторая тетка, Кэтрин, теперь носила имя Тюдор и шла рука об руку со своим новым мужем, дядей короля; но она, как всегда, склонилась перед моей матерью в глубоком реверансе, а выпрямившись, нежно с ней расцеловалась.

Мой дядя Эдвард Вудвилл, родной брат моей матери, тоже вошел в число придворных Генриха, считаясь его надежным и уважаемым другом. Он не расставался с Генрихом в течение всех долгих лет его ссылки и сражался в составе его армии при Босуорте. Он низко склонился над рукой моей матери, затем расцеловал ее в обе щеки, как и полагается брату, и я слышала, как он шепнул: «Приятно снова видеть тебя на твоём законном месте, Лиззи-ваша-милость!»

Матери удалось устроить настоящий пир с двадцатью двумя переменами кушаний; а после того, как все насытились, была убрана посуда и раскладные столы, мои сестры Сесили и Анна исполнили для короля и придворных танец.

– Прошу вас, принцесса Элизабет, станцуйте для нас и вы, – обратился ко мне Генрих.

Я глянула на мать: мы с ней договорились, что танцевать я не буду. В последний раз я танцевала в этих залах во время рождественского бала и была одета в роскошное шелковое платье, столь же богатое, как и платье королевы Анны, и, мало того, сшитое по тому же образцу – словно специально для того, чтобы все сравнивали ее и меня; а ведь я была моложе Анны на десять лет, и ее супруг, король Ричард, просто глаз с меня не сводил. Весь двор знал, что он по уши в меня влюблен и готов ради меня даже оставить свою больную жену. В тот раз я танцевала для него вместе с сестрами, но смотрел он только на меня. И я чувствовала, что на меня смотрят сотни людей, но танцевала я только для него одного...

– Не угодно ли вам тоже станцевать для нас? – повторил Генрих, и я, подняв глаза, встретилась с прямым взглядом его светло-карих, ореховых глаз и поняла, что не могу придумать никакого извинения и отказаться.

Я встала и подала руку Сесили – ей предстояло танцевать со мной в паре, нравится это ей или нет; музыканты, ударив по струнам, заиграли сальтарелло. Прежде Сесили много раз танцевала со мной перед королем Ричардом, и я заметила, как презрительно искривились ее губы: она явно подумала о том же. Сейчас, возможно, ее раздражало, что она, словно рабыня, обязана развлекать нашего нового «султана», но на самом деле куда более униженной в данном случае оказалась я, и это, похоже, служило самолюбивой Сесили утешением. Сальтарелло –

быстрый танец с прыжками, поворотами и постоянной сменой движений, а мы обе отличались ловкостью и изяществом в танцах и кружили по залу, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга и воссоединяясь со своими партнерами, то снова сходясь в центре зала. Музыканты завершили танец громкими звуками фанфар, и мы склонились перед королем в реверансе, затем поклонились друг другу и вернулись на прежнее место возле нашей матери, слегка порозовевшие и запыхавшиеся, а в центр зала вышли музыканты и стали играть для короля.

Он слушал внимательно, одной рукой отбивая ритм по подлокотнику кресла. Музыку он явно любил и, когда музыканты умолкли, отметив это финальным громом фанфар, подал им несколько золотых монет; это было достаточное вознаграждение, но далеко не королевское. Наблюдая за ним, я поняла, что он столь же осторожно обращается с деньгами, как и его мать, – этот молодой человек, безусловно, не считал, что весь мир ему чем-то обязан, в частности трон. Он еще не успел привыкнуть к истинно королевскому богатству и не испытывал удовольствия, тратя деньги. Короче, это был совсем не такой человек, как мой Ричард. Ричард прекрасно понимал, что человек благородного происхождения и жить должен как лорд, а свое богатство щедро распределять среди своих подданных. Вскоре музыканты заиграли танец для всех, и король, склонившись к уху моей матери, сказал ей, что хотел бы немного побыть со мной наедине.

– Да, конечно, ваша милость. – Она уже собиралась встать и отойти от нас в другой конец зала, уведя с собой и остальных девочек, чтобы оставить нас наедине, но Генрих остановил ее протестующим жестом и сказал:

– Наедине. И чтобы нам никто не мешал. В каком-нибудь укромном месте.

Мать колебалась; я чувствовала, что она производит в уме некие расчеты. Во-первых, он – король. Во-вторых, мы помолвлены. Наконец она решила, что, так или иначе, отказывать ему нельзя, и предложила:

– За той дверкой, что сразу за пиршественным столом, есть небольшая комнатка; там вы сможете быть совершенно одни. А я прослежу, чтобы вам никто не помешал.

Он поклонился и встал. Музыканты перестали играть, придворные с шорохом склонились в сотне поклонов, а затем поскорее выпрямились, чтобы увидеть, что будет делать король. А Генрих предложил мне опереться о его руку и следом за моей матерью спустился с округлого возвышения, где стоял королевский стол, направляясь к украшенной аркой небольшой двери в дальнем конце зала, ведущей в частные покои. Все были потрясены тем, что мы столь внезапно покинули пиршественный зал в самый разгар веселья и танцев. У двери, ведущей в потайную комнатку, моя мать, слегка пожав плечами, отступила в сторону, давая нам пройти, словно мы были не женихом и невестой, а актерами, сходящими со сцены в некую частную жизнь, не имеющую готового сценария.

Как только мы оказались в заветной комнатке, Генрих плотно закрыл за собой дверь, и я услышала, как в зале снова заиграли музыканты, хотя звуки музыки и были сильно приглушены толстыми деревянными створками. И тут Генрих, не скрываясь, повернул в замке большой ключ.

– Что это вы делаете? – вырвалось у меня. Я была слишком потрясена этим поступком, чтобы помнить о хороших манерах. – Зачем вы заперли дверь?

Он повернулся ко мне, крепко обнял за талию и с такой силой притянул к себе, что вырваться было невозможно.

– Сейчас мы с тобой познакомимся поближе, – сказал он.

Я перестала вырываться, точно испуганная девственница, и попыталась иначе отвоевать свои позиции.

– Я бы предпочла вернуться в зал, – холодно заметила я.

Генрих уселся в огромное кресло, более похожее на трон, и потянул меня к себе на колени, и я присела, как курица на насест; это, по-моему, была отвратительная картина: он был похож на пьяного посетителя таверны, а я – на шлюху, которой он только что заплатил.

– Нет, туда мы не вернемся, – сказал он. – Я же говорю: сейчас мы с тобой познакомимся поближе.

Я снова попыталась вырваться, но он держал крепко. Более яростно сопротивляться я не решалась: это означало бы, что я подняла руку на короля Англии, а значит, совершила акт предательства.

– Ваша милость... – еле вымолвила я.

– По-моему, мы с тобой вскоре должны пожениться, – сказал он, и голос его прозвучал достаточно жестко. – Я имел честь узнать, какой интерес питают уважаемые члены парламента к этому браку. Должен отметить, что у вашего семейства сохранилось немало друзей среди моих лордов. К ним относятся даже те, кто сейчас делает вид, будто перешел на мою сторону. Именно они дали мне понять, что вы настаиваете на свадьбе. Я польщен, благодарю вас за внимание. Мы оба прекрасно знаем, что с момента нашего обручения прошло уже два долгих года, и теперь, по-моему, нам следовало бы закрепить обручение супружеским соитием.

– Что?!

Он вздохнул, словно его начинала утомлять моя непонятливость.

– Мы закрепим соитием заключенный между нами брачный союз, так сказать, доведем дело до конца.

– Ни за что, – ровным тоном сказала я.

– Так или иначе, а это сделать придется – в первую же брачную ночь. Так почему не сейчас? Какая разница?

– А разница в том, что вы намерены меня обесчестить! – воскликнула я. – И хотите совершить это в покоях моей матери, когда и она, и мои сестры находятся в двух шагах отсюда, прямо за этой дверью! Вы хотите обесчестить меня во дворце, принадлежавшем моей матери! Вы нарочно хотите сделать это до нашей свадьбы, чтобы...

Он прервал меня с холодной улыбкой:

– Не думаю, что у вас осталось так уж много чести, чтобы столь яростно ее защищать, принцесса Элизабет. И прошу вас... не бойтесь, я и так прекрасно знаю, что вы, моя дорогая, не девственница. Я давно утратил счет тем, кто в подробностях описывал мне, какой пылкой любовницей вы были для короля Ричарда. Немало было и тех, кто не счел за труд проделать долгий путь из Англии в Бретань исключительно для того, чтобы сообщить мне, что видел, как вы с ним рука об руку гуляете по саду, или как он каждую ночь приходит в вашу комнату, или как вы, будучи фрейлиной его жены, большую часть времени проводите в его постели. Хватало, впрочем, и таких, кто утверждал, что королева Анна умерла от яда, который именно вы опустили в ее стакан. Видимо, ваша мать любезно предоставила вам свои итальянские порошки, чтобы уничтожить очередную жертву. И Риверсы благополучно перетекли через очередное препятствие, возникшее у них на пути.

Я была в таком ужасе, что едва могла говорить.

– Я никогда – клянусь Господом! – никогда не причинила бы зла королеве Анне!

Он пожал плечами, словно для него не имело никакого значения, действительно ли я являюсь убийцей, причем убийцей самой королевы.

– Ах, кому какое теперь до этого дело? Осмелюсь сказать, мы оба совершали такие поступки, о которых предпочли бы не вспоминать. Анна мертва, Ричард мертв, мертвы и ваши братья, а вы помолвлены со мной.

– Мои братья мертвы? – воскликнула я, вся обратившись в слух при этих словах.

– Конечно, они мертвы. Так что, кроме нас, никого больше не осталось.

– Откуда вам это известно?

– Ну, я просто знаю, и все. Ладно, а теперь наклонись-ка поближе.

– Вы говорите о моих умерших братьях и хотите меня опозорить? – Я едва могла говорить, так переполняли меня чувства.

Генрих откинул голову назад и засмеялся, словно мои слова от души его повеселили.

– Действительно! Разве я могу опозорить такую девушку? Да твоя репутация, милая моя, известна на многие мили вокруг, так что ты и так уже опозорена. Весь последний год я думал о тебе лишь чуть лучше, чем об обыкновенной шлюхе и убийце.

Под градом этих оскорблений у меня перехватило дыхание, а Генрих все крепче сжимал мою талию своими жесткими руками, все сильнее вдавливал мой зад в свои костлявые колени, а я по-прежнему изо всех сил вырывалась, словно ребенок, которого насильно хотят приласкать.

– В таком случае вы не можете желать меня! Мало того: вы прекрасно знаете, что я вас не желаю!

– Да, это чистая правда. Желания у меня нет. Я не слишком люблю подпорченное мясо, да и объедки другого мужчины мне не нужны. Особенно объедки того, кто уже мертв. Меня просто тошнит от мысли о том, как этот узурпатор Ричард тебя лапал, а ты льнула к нему, желая подобраться как можно ближе к короне!

– В таком случае немедленно меня отпустите! – выкрикнула я и снова попыталась вырваться, но он держал крепко.

– И не подумай. Ты же понимаешь, что мне все равно придется на тебе жениться; уж твоя-то мать-ведьма позаботилась, чтобы это непременно произошло. Да и обе палаты парламента постарались. Мне, собственно, необходимо заранее знать одно: насколько ты способна к зачатию. Да, я хочу знать, что мне подсовывают. И поскольку меня вынуждают на тебе жениться, мне нужны доказательства того, что моя будущая жена достаточно плодovита. Нам, Тюдорам, необходим наследник, и ты должна родить мне принца. Но если выяснится, что ты бесплодна, все усилия твоей матери окажутся тщетными.

Теперь я уже по-настоящему с ним боролась, стремясь разомкнуть его жесткие руки и отцепить железные пальцы, больно стиснувшие мою талию; но мне некуда было деться, и он по-прежнему сжимал меня с такой силой, словно хотел удушить.

– Ну, давай, – слегка запыхавшись, сказал он. – Сама и прямо сейчас. Или ты хочешь, чтобы я тебя изнасиловал? По-моему, лучше тебе самой приподнять подол своего хорошенького платья и позволить мне быстренько все сделать. А потом мы сможем снова вернуться к пирующим – ведь твоя мать устроила настоящий пир. И может быть, ты снова для нас станцует. Как это сделала бы и любая другая шлюха.

При этих словах я на мгновение просто замерла, скованная ужасом, глядя в его гладкое худощавое лицо. И тут он, к моему удивлению, вдруг схватил меня за запястье, выпустив наконечник мою талию. Я мгновенно спрыгнула с его колен и встала с ним рядом. Последнее, о чем я успела подумать, не вырвать ли мне у него руку, не броситься ли к двери, не выбежать ли в зал, к людям, но он сжимал мое запястье с такой силой, что кожа горела, и так мрачно смотрел на меня, что я поняла: удрать мне не удастся. Чувствуя, что у меня нет ни малейшего шанса на спасение, я вспыхнула ярким румянцем; на глаза невольно навернулись слезы, и я еле слышно взмолилась:

– Прошу вас, умоляю, не заставляйте меня это делать!

Он слегка пожал плечами, словно не в силах был изменить ход событий, снова крепко обхватил меня за талию, словно опасаясь, как бы пленница не вырвалась, и свободной рукой стал потихоньку приподнимать подол моего платья в зеленых тонах Тюдоров.

– Обещаю, я сама приду к вам сегодня ночью... – предложила я. – Я тайно пройду прямо в ваши покои...

Он прервал меня жестким смехом, звучавшим как обвинение.

– Значит, ты хочешь тайком пробраться в королевскую постель, как в былые времена? Что ж, дорогу туда ты знаешь отлично. И это еще раз доказывает, что ты и есть самая настоящая шлюха! Так что я возьму тебя так, как беру любую шлюху. Прямо здесь и прямо сейчас.

– Мой отец... – прошептала я. – Вы сейчас сидите в его кресле, в кресле моего отца...

– Твой отец давно мертв, а твой дядя не очень-то рьяно хранил твою честь, – сказал он и насмешливо фыркнул, словно мои слова развеселили его. – Ладно, давай-ка займись делом. Приподними платье и залезай на меня. Да-да, садись-ка верхом. Ты ведь не девственница. И прекрасно знаешь, как это делается.

Он продолжал крепко держать меня, и я медленно наклонилась и приподняла подол платья, а он свободной рукой развязал завязки на штанах и уселся поудобней, расставив ноги. Повинуясь его повелительному жесту, я, опираясь на руку, чуть приблизилась к нему.

Одной рукой по-прежнему сжимая мою талию, он второй рукой приподнял мою рубашку, украшенную изысканной вышивкой, заставил меня оседлать его, словно я и впрямь была шлюхой, с силой потянул меня вниз и резким толчком вошел в меня. Мне показалось, что меня пронзили насквозь. Я почувствовала на лице его горячее дыхание, смешанное с запахами тех блюд, которые он съел за обедом, закрыла глаза и отвернулась, стараясь не дышать. Я не осмеливалась даже подумать о Ричарде. Если бы в эту минуту я вспомнила, как меня любил Ричард, сколько радости было в его глазах, с каким восторгом он шептал мое имя, меня бы наверняка вырвало. Слава богу, Генрих довольно быстро добился того, чего хотел, сладострастно застыл, и я наконец решила открыть глаза. Оказалось, что он внимательно на меня смотрит, но в его карих глазах нет ни капли восторга, ни даже удовлетворения. Он смотрел на меня, как на пленницу, вздернутую на дыбу его желания, и желание свое он удовлетворил, не испытав при этом никаких чувств.

* * *

– Не плачь, – сказал он, когда я слезла с него и подтерлась краем вышитой сорочки. – Ты что, хочешь показаться на глаза своей матери и всем придворным с заплаканной физиономией?

– Ты сделал мне больно, – возмущенно заявила я и показала ему красную отметину на запястье. Потом наклонилась, пытаюсь привести в порядок измятое новое платье веселого зеленого цвета – цвета Тюдоров.

– Ну, извини, – равнодушно пожал он плечами. – Впредь постараюсь больно тебе не делать. Если, конечно, ты вырываться не будешь. Веди себя тихо – мне и держать тебя не придется.

– Что значит «впредь»?

– Кто-нибудь – твоя фрейлина, или твоя очаровательная сестрица, или, может, сама твоя милая матушка – впустит меня к тебе тайком ото всех. Да-да! Но я приду к тебе сам. Так что больше тебе в постели короля не бывать, и не надейся. Можешь передать своей сестре – или кто там сейчас спит с тобой? – чтобы устраивалась в другом месте. Я стану приходить каждую ночь и время выберу сам, хотя постараюсь до полуночи. Иногда, впрочем, получится несколько позже, и тогда уж придется тебе меня подождать. А матери можешь сказать, что это наше с тобой обоюдное желание.

– Она ни за что мне не поверит! – сердито бросила я, ладонью вытирая мокрое от слез лицо и покусывая губы, чтобы вернуть им прежний яркий цвет. – Моя мать никогда не поверит, что я сама согласилась заняться с тобой до свадьбы любовными утехами.

– Ничего, ей придется понять, что жена мне нужна только плодovitая, – строптивым тоном заявил он. – И пусть смирится с тем, что в день свадьбы ты уже должна быть беременна, иначе никакой свадьбы не будет. Я не дурак, чтобы позволить насильно женить меня на бесплодной женщине! Насчет этого мы, кстати, договорились заранее.

– Мы? – удивилась я. – Мы ни о чем таком не договаривались! И я с таким условием не согласна! Я никогда не говорила, что готова на подобное унижение! И моя мать никогда не поверит, что я сама на это согласилась! Она сразу поймет, что это не мое желание, а твое; она догадается, что ты меня принудил, взял меня силой...

Впервые за все это время Генрих улыбнулся.

– Нет, ты меня не так поняла. Я вовсе не тебя имел в виду. Я сказал «мы» не в смысле «ты и я» – такого я даже представить себе не могу. «Мы» – это я и моя мать.

Я перестала оправлять юбку, выпрямилась и повернулась к нему лицом; от удивления у меня даже рот слегка приоткрылся.

– Твоя мать дала согласие на то, чтобы ты меня изнасиловал? – спросила я.

Он кивнул.

– А почему бы и нет?

Я начала заикаться.

– Да ведь она обещала быть мне другом! Она заявила, что ей известна моя судьба! Что она будет за меня молиться!

Но Генриха все мои восклицания абсолютно не тронули; он не видел ни малейших противоречий в том, что его мать, выразив мне свои «теплые» чувства, приняла решение, что на всякий случай меня следует изнасиловать еще до свадьбы.

– Разумеется, она знает, какова твоя судьба, – пожал плечами Генрих. – И на все это... – он небрежным жестом указал на меня, словно включая в это понятие и мое покрытое синяками запястье, и мои заплаканные глаза, и мое унижение, и жгучую боль между ног, и мои душевные страдания, – воля Божья. Во всяком случае, именно так считает моя матушка.

Меня охватил такой ужас, что я застыла на месте, не сводя с него глаз.

А он рассмеялся, встал, заправил свою льняную рубашку в тесные штаны и аккуратно их зашнуровал.

– Сделать принца для трона Тюдора – это поистине акт Божьей воли, – сказал он. – Моя мать восприняла бы его появление на свет почти как великое таинство. Какие бы неприятности этому ни предшествовали.

Я кое-как утерла катившиеся по лицу слезы.

– В таком случае твой Бог очень жесток, а твоя мать еще хуже! – Я словно выплюнула эти слова ему в лицо, но он неожиданно согласился со мной:

– Да, я знаю. Но именно твердость и решимость моего Бога и моей матери привели меня сюда. Они – моя единственная надежда и опора.

* * *

Генрих умел держать слово: каждую ночь, как и обещал, он приходил ко мне; так больной приходит к аптекарю, зная, что там ему дадут нужное лекарство или поставят пиявок – и пропустить нельзя, и удовольствия не получишь. Моя мать молча выслушала меня, поджала губы и тут же перевела меня в другую спальню, находившуюся рядом с неширокой лестницей, по которой можно было спуститься прямо в сад и пройти к причалу, где Генрих ставил свой барк. Сесили мать ничего объяснять не стала; просто сказала, что отныне та будет спать вместе с младшими сестрами, а я – одна. И Сесили, сгоравшая от любопытства, не решилась задавать ей какие-то вопросы, увидев ее побледневшее от сдерживаемой ярости лицо. Мать сама впускала Генриха в дом, отодвинув засов на внешней двери, и сама провожала его в ледяном молчании до дверей моей комнаты, ни разу не сказав ему ни слова приветствия. Она вела его ко мне, а потом обратно к входным дверям молча, точно врага, исполненная презрения, с высоко поднятой головой. Ночью она не ложилась спать и поджидала его, сидя в маленькой гостиной, освещенной одной-единственной свечой и еле теплящимся огнем в камине. Когда Генрих выходил

из моей комнаты, мать, скрывая под молчанием бессильную ярость, выпускала его и запирала за ним дверь. Ему и впрямь нужно было обладать чрезвычайной решимостью в достижении цели, чтобы вот так каждую ночь являться ко мне под взглядом ненавидящих серых глаз моей матери, которая от гнева и презрения, казалось, утратила дар речи; я думаю, он чувствовал, как ее горящий взгляд, точно раскаленное железо, пронзает его тощую спину.

Когда Генрих оказывался у меня в комнате, я сперва тоже упорно хранила молчание, но после нескольких первых визитов он явно стал чувствовать себя увереннее и даже порой перед уходом выпивал бокал вина, а потом стал понемногу расспрашивать меня о том, чем я занималась в течение дня, и рассказывать о своих делах и заботах. Чуть позднее он приобрел привычку садиться в кресло у камина и, закусывая бисквитами, сыром и фруктами, неторопливо беседовать со мной, и только потом он расшнуровывал свои штаны и «приступал к делу». Пока он сидел, глядя на языки пламени в камине, он вел себя совершенно нормально; мало того, он разговаривал со мной как с равной, доверительно, думая, похоже, что мне не безразлично, как он провел день. Он рассказывал мне всякие новости, касавшиеся двора; говорил, скольких людей был вынужден простить, ибо надеялся этим привязать их к себе; он даже советовался со мной относительно дальнейших планов по управлению страной. И я невольно втягивалась в беседу, хотя каждый вечер упорно начинала разъяренным молчанием. А вскоре я и сама невольно начала кое-что ему рассказывать: например, какие действия предпринимал мой отец в отношении той или другой страны или какие планы были у Ричарда. Генрих слушал меня очень внимательно, порой замечая: «Спасибо, вот хорошо, что ты мне об этом рассказала, я ничего этого не знал».

Он постоянно боялся попасть впросак, потому что плохо знал Англию, хоть и называл эту страну своей; потому что всю жизнь провел в изгнании; потому что даже по-английски говорил с иностранным акцентом – отчасти бретонским, отчасти французским; потому что мог опираться только на опыт и знания своего преданного, но не слишком образованного дядюшки Джаспера и тех наставников, которых Джаспер для него нанял. Впрочем, он с нежностью вспоминал о детстве, проведенном в Уэльсе, и о своем опекуне Уильяме Херберте, одном из самых близких друзей моего отца; вся его остальная жизнь была связана с культурой иной страны; он учился на чужбине, черпая сведения у своих учителей и дяди Джаспера, и пытался понять, какова же она, его родина, рассматривая весьма неточные географические карты, плоховато исполненные такими же, как он сам, изгнанниками.

У него, правда, было одно очень сильное воспоминание юности, которое он воспринимал почти как сказку, о том, как он подростком приезжал в Англию и был допущен ко двору безумного короля Генриха VI; как раз в этот период мой отец, король Эдуард IV, был вынужден бежать из страны, а моя мать, мои сестры и я, точно в ловушке, были заперты в темном холодном убежище. Генрих помнил этот визит к королю как некий кульминационный момент своего детства и отрочества, ибо в те дни его мать была совершенно уверена, что власть Ланкастеров будет реставрирована, что все они станут жить как единая семья и ее сын будет наследником престола. Именно тогда он безоговорочно поверил матери, поверил, что сам Господь направляет ее к победоносному завершению линии Бофоров, поверил в абсолютную правоту ее действий и намерений.

– Да, мы тогда видели, как вы проплыли мимо нас на королевском барке, – припомнила я. – Я и тебя видела на залитой солнцем палубе среди других придворных. Нам-то приходилось сидеть взаперти в подвале под аббатством, и всех нас уже тошнило от вечной сырости и полутьмы.

По словам Генриха, когда он преклонил колено перед королем Генрихом VI и тот, благословляя его, ласково коснулся его волос, ему показалось, что его коснулся истинно святой.

– Ведь он и впрямь был скорее божьим человеком, святым, а не королем, – сказал Генрих с той убежденностью, которая свойственна иным проповедникам, желающим, чтобы им непре-

менно поверили. – В нем это просто чувствовалось. Он действительно был похож на ангела... – И Генрих вдруг умолк, словно вспомнив, что по приказу моего отца этот святой человек был убит во сне, ибо, почти утратив разум, точно малое дитя доверился ненадежному понятию чести Йорков. – Это был святой и мученик! – прибавил он обвинительным тоном. – Он принял смерть лишь после того, как помолился Господу. И умер, испытывая милосердие к тем, кто его убил, хотя эти убийцы были ничуть не лучше подлых еретиков и предателей!

– Да, наверное, – пробормотала я.

Вот так, каждый раз, разговаривая друг с другом, мы невольно напоминали друг другу об очередном конфликте между нашими Домами; казалось, любое наше соприкосновение оставляет на нас обоих кровавые отпечатки.

Генрих понимал, что поступил отвратительно, провозгласив начало своего правления с того дня, который предшествовал битве при Босуорте; то есть еще до того, как погиб король Ричард. Таким образом, любой, кто в день рокового сражения был на стороне законного правителя Англии и помазанника Божьего, мог быть назван предателем и в полном соответствии с законом предан смерти. Собственно, Генрих перевернул все законы с ног на голову и начал свое правление как самый настоящий тиран.

– Никто никогда так не поступал, – заметила я. – Даже короли Йорков и Ланкастеров признавали, что раз между их Домами существует соперничество, то любой человек волен выбирать, кому он будет с честью служить. А то, что сделал ты, означает, что люди, не совершив ничего дурного, оказались предателями и жестоко страдают за это. Однако в предателей их превратил ты и только из-за того, что они преданно служили поверженному королю. Впрочем, ты ведь считаешь, что кто победил, тот и прав.

– Да, хотя это и звучит жестоко, – признал он.

– Это звучит отвратительно! Это же двойная игра! Как можно называть людей предателями, если они защищали своего законного правителя? Это противоречит не только закону, но и здравому смыслу. А также, по-моему, и воле Господа.

Однако улыбка Генриха свидетельствовала о том, что для него ничто на свете не имеет большего смысла, чем прочное, безоговорочное правление Тюдоров.

– О нет, ты не права. Это ничуть не противоречит воле Господа. Моя мать, женщина в высшей степени богобоязненная, почти святая, вовсе так не думает.

– И что с того? Неужели во всем единственным судьей у нас будет твоя мать? – резким тоном спросила я. – Неужели ей дано судить, какова была воля Господа? И справедливы ли английские законы?

– Безусловно. И я полностью доверяю только ее суждениям! – отрезал он и с улыбкой прибавил: – И я, конечно же, в первую очередь стану слушаться ее советов, а не твоих.

Он выпил бокал вина и с обычной веселой грубоватостью поманил меня в постель; мне начинало казаться, что так он скрывает ту неловкость, которую испытывает при общении со мной: ведь он же не мог не понимать, что поступил со мной отвратительно. В последующие несколько минут я обычно лежала на спине, неподвижная, как каменная глыба, и даже платье никогда не снимала. И никогда не помогала ему, когда он, пытаясь, задирает мне подол, который страшно ему мешал. Я позволяла ему делать что угодно, не возражая ни единым словом, но каждый раз отворачивалась к стене, и когда он впервые попытался поцеловать меня в щеку, его поцелуй пришелся мне в ухо, а я сделала вид, что ничего не заметила, словно мимо просто пролетела, слегка коснувшись меня, жужжащая муха.

Вестминстерский дворец, Лондон. Рождество, 1485 год

Все это продолжалось три долгих недели; наконец я пришла к матери и заявила:

– Все. У меня не пришли месячные. Полагаю, это верный признак?

Радость, вспыхнувшая у нее на лице, была мне достаточно красноречивым ответом.

– Ах, моя дорогая!

– Он должен немедленно на мне жениться. Я не желаю, чтобы меня потом прилюдно позорили.

– У него и не будет никаких причин для отсрочки. Ведь они именно этого и добивались. Счастье, что ты так легко беременеешь. Впрочем, я и сама такая же, и моя мать тоже. В нашем роду Господь всех женщин благословил многочисленным потомством.

– Да, я знаю, – сказала я, но в голосе моем не слышалось ни капли радости. – Только я себя благословленной не чувствую. Наверное, все было бы иначе, если б это дитя было зачато в любви. Или хотя бы в браке.

Но мать сделала вид, что не замечает ни моего унылого тона, ни моего напряженного бледного лица. Она привлекла меня к себе и прижала свои теплые ладони к моему животу, который, естественно, был таким же плоским и подтянутым, как всегда.

– Нет, дорогая, это благословение Господне, – заверила она меня. – Каждое зачатое дитя – это благословение. А у тебя, возможно, родится мальчик, принц. И не будет иметь никакого значения, что он был зачат по принуждению; значение будет иметь только то, что этот мальчик вырастет высоким сильным мужчиной, нашим принцем, нашей розой Йорка, и в свое время займет английский трон!

Ощущая ее ласковые прикосновения, я стояла спокойно, точно покорная хозяину кобыла-производительница, и понимала: она права.

– Ты скажешь ему, или мне самой это сделать?

Мать немного подумала:

– Нет, лучше, если ты сама ему скажешь. Ему это будет приятно. Это будет первая хорошая новость, полученная им от тебя. – Она улыбнулась. – Первая, но, надеюсь, далеко не последняя.

Но я так и не смогла улыбнуться ей в ответ и лишь сухо откликнулась:

– Да, полагаю, ты совершенно права.

* * *

В тот вечер Генрих пришел ко мне рано; я подала ему вино, но, когда он собрался тащить меня в постель, подняла руку запрещающим жестом и тихо сказала:

– У меня не пришли месячные. Думаю, что я беременна.

На его лице явственно вспыхнула радость. Он даже покраснел, а потом схватил меня за руки и привлек к себе, словно ему хотелось нежно меня обнять.

– О, как я рад! Я просто счастлив! Спасибо! Это чудесная новость! У меня сразу камень с души упал. Благослови тебя Господь, Элизабет! Благослови Господь тебя и дитя, которое ты носишь! Это поистине великая новость, самая лучшая из всех! – От избытка чувств он даже пробежался по комнате, потом снова повернулся ко мне. – Нет, это просто замечательная новость! И ты так прекрасна! И так плодovита!

Я кивнула, чувствуя, что лицо у меня застыло как каменное, но он ничего не замечал.

– А ты не знаешь, кто это будет? Мальчик?

– Слишком рано что-либо знать, – пожала плечами я. – Вообще-то месячные вполне могли не прийти и по иной причине – от горя, например, или от потрясения.

– Ну, я надеюсь, ты не испытала ни горя, ни потрясения, – весело сказал он, словно не желая и думать о том, что сердце мое разбито, что мой любимый погиб, а я была изнасилована. – И, по-моему, у тебя там все-таки мальчик! Принц Тюдор! – Он жестом собственника погладил меня по животу, словно мы давно уже были женаты. – Это для меня самое главное. Кстати, ты уже сказала своей матери?

Я покачала головой, доставив себе крошечное удовольствие этой ложью.

– Нет, я приберегала эту счастливую новость для тебя. Хотела тебе первому сообщить.

– Ну а я своей матушке скажу об этом сразу же. – Он совершенно не услышал в моем тоне мрачной язвительности. – Думаю, лучшей новости для нее не придумать. Она непременно велит священнику прочесть «Te Deum».

– Ты слишком поздно вернешься, – сказала я, – сейчас уже за полночь.

– Она все равно не спит и ждет меня. Она никогда не ложится, пока я к ней не зайду.

– Это почему же? – удивилась я.

Странно, но он смутился и покраснел.

– Мать любит сама уложить меня в постель и поцеловать на ночь, – признался он.

– Она целует тебя на ночь, как ребенка? – И я подумала о том, сколь жестоким должно было быть сердце этой женщины, если она оказалась способна послать своего сына насилловать меня, а потом спокойно ждала, когда он вернется к себе, чтобы поцеловать его перед сном.

– Столько лет она была разлучена со мной. Она не могла ни поцеловать меня на ночь, ни хотя бы узнать, где я сплю, достаточно ли там безопасно, – тихо сказал Генрих. – И теперь ей доставляет удовольствие возможность перед сном перекрестить меня и поцеловать. А сегодня, когда она зайдет, чтобы благословить меня, я ее обрадую: скажу, что ты беременна, что у меня будет сын!

– Я думаю, что беременна, – осторожно заметила я, – но я пока не уверена. Еще слишком рано, и, по-моему, не стоит ей говорить, будто я знаю наверняка.

– Да-да, я понимаю. И ты, наверное, считаешь меня ужасным эгоистом, который только и думал что о благе Тюдоров. Но ведь если у тебя будет мальчик – а твоя семья и без того принадлежит королевскому Дому Англии, – то твой сын станет править Англией. А сама ты уже заняла то место, для которого и была рождена; и теперь бесконечным войнам между кузенами будет положен конец – а все благодаря нашему браку и рождению нашего сына. И все будет так, как и должно быть. И только такой счастливый конец единственно возможен для этой войны и этой страны. Именно ты приведешь ее к миру. – У него был такой вид, словно ему очень хотелось меня поцеловать.

Я слегка прислонилась к нему плечом.

– Мне виделся несколько иной конец этой истории, – сказала я, думая о том короле, которого когда-то любила, который тоже хотел, чтобы я родила ему сына, который тоже хотел назвать нашего сына Артуром в честь Артура из Камелота, вот только тогда этот принц не был бы зачат в холодной решимости и горечи, он стал бы плодом нашей любви, наших нежных свиданий...

– Даже сейчас еще возможен иной конец этой истории, – осторожно сказал Генрих, с нежностью взяв меня за руку. Он даже голос понизил, словно его слова мог кто-то подслушать, хотя это была самая безопасная комната в наших покоях. – У нас еще много врагов. Они скрываются, но я знаю: они где-то рядом. Так что если у тебя родится девочка, мне она будет совершенно ни к чему, и все наши усилия окажутся напрасными. Но мы будем трудиться и молить Бога, чтобы дитя, которое ты носишь, оказалось мальчиком, принцем Тюдором. А еще я скажу матери, что она может готовить нашу свадьбу. По крайней мере, теперь нам известно, что ты вполне способна к зачатию. И даже если на этот раз нас постигнет неудача и у тебя родится

девочка, мы будем уверены, что ребенка ты выносить можешь и в следующий раз, даст Бог, родится все-таки мальчик.

– А как бы ты поступил, если бы мне не удалось забеременеть? – с любопытством спросила я. – Если бы после того, как ты меня изнасиловал, никакого ребенка не получилось бы? – Я начинала понимать, что этот человек и его мать явно предусмотрели все на свете, ибо всегда пребывают в полной боевой готовности.

– Тогда на твоём месте оказалась бы твоя сестра, – не задумываясь, ответил Генрих. – Я бы женился на Сесили.

У меня даже дыхание перехватило от ужаса.

– Но ты ведь говорил, что она выйдет замуж за сэра Джона Уэллеса?

– Да, говорил. Но если бы ты не смогла забеременеть, мне все равно пришлось бы жениться на женщине из Дома Йорков, которая сумела бы родить мне сына. Это, скорее всего, и была бы Сесили. Я бы отменил ее свадьбу с сэром Джоном и сам взял бы ее в жены.

– А ее ты бы тоже для начала изнасиловал? – возмутилась я и отняла у него свою руку. – Сперва меня, а потом мою сестру?

Он чуть приподнял плечи и беспомощно развел руками – это был совершенно французский жест, совсем несвойственный англичанам.

– Конечно. У меня попросту не было бы выбора. Я должен быть уверен, что моя жена способна родить мне сына. Даже ты наверняка понимаешь, что мне этот трон нужен не для себя, а для того, чтобы создать новую королевскую династию. И жена мне нужна в первую очередь не для себя, а для воплощения в жизнь этой высокой цели.

– В таком случае мы ничуть не лучше самых бедных крестьян! – с горечью воскликнула я. – Они тоже вступают в брак, только когда невеста уже на сносях. Они и сами всегда говорят: телку стоит покупать лишь в том случае, если она ждет приплод.

Он усмехнулся, но отнюдь не смутился.

– Правда? Значит, я и впрямь настоящий англичанин. – Он аккуратно зашнуровал штаны, оправил на себе одежду и снова усмехнулся. – В конце концов, и я оказался обыкновенным английским крестьянином! Сегодня же расскажу все это матушке, и завтра она наверняка захочет повидаться с тобой. Она столько молилась, желая поскорее услышать эту радостную весть, пока я тут исполнял свой долг.

– То есть она молилась, пока ты меня насиловал? – уточнила я.

– Я вовсе не насиловал тебя, – возразил Генрих. – И очень глупо с твоей стороны так это называть. Поскольку мы уже обручены, это никак не может считаться насилием. Будучи моей женой, ты не имеешь права мне отказывать, ведь я – твой нареченный супруг. Отныне и до самой смерти ты не сможешь отказывать мне в исполнении супружеского долга. Так что между нами нет и не было никакого насилия, есть только мое право и твой святой долг.

Он посмотрел на меня и успел заметить, как слова протеста замерли у меня на устах.

– Вы ведь проиграли при Босуорте, – не преминул он напомнить мне. – А значит, ты – мой военный трофей.

Дворец Колдхарбор, Лондон. Празднование Рождества, 1485 год

На рождественские праздники я была приглашена в гости к моему жениху, который со своей свитой направился во дворец Колдхарбор, где держала свой двор его мать. Мне отвели там лучшие покои. Когда я вошла в гостиную в сопровождении матери и двух сестер, по комнате пролетел изумленный шепот, а какая-то фрейлина, читавшая вслух отрывок из Библии, увидев меня, тут же смолкла, вскочила и полетела прочь. В комнате воцарилась полная тишина. И в этой тишине леди Маргарет, восседавшая на кресле под балдахином цвета государственного флага, как настоящая королева, некоторое время внимательно нас рассматривала, спокойно выжидая, когда мы подойдем ближе.

Я склонилась перед ней в реверансе, спиной чувствуя, что мать, оценивая глубину моего поклона, решает, стоит ли и ей делать столь же глубокий реверанс. Дома мы даже потренировались в этих сложных церемониальных движениях, пытаясь определить точную глубину поклона. Дело в том, что моя мать испытывала к леди Маргарет стойкую неприязнь, ну а я, разумеется, не могла простить своей будущей свекрови того, что она сама велела сыну еще до свадьбы изнасиловать меня и обрюхатить. Впрочем, Сесили и Анна поклонились леди Маргарет с непринужденным почтением, как и подобает двум младшим принцессам склоняться перед всемогущей королевой-матерью. Сесили, выпрямившись, посмотрела на нее, свою крестную, с заискивающей улыбкой – видно, рассчитывала на доброжелательное отношение и какие-то особые милости со стороны этой властной особы; более всего, разумеется, моей сестрице хотелось, чтобы продвинулось дело с ее новым браком. Она и не подозревала – а я решила никогда и ни за что ей об этом не рассказывать, – что и ее бы изнасиловали столь же хладнокровно, как и меня, если бы я не сумела столь быстро зачать ребенка; да, ее тогда изнасиловали бы, а меня попросту отшвырнули бы в сторону, и эта женщина с твердым, как камень, лицом снова стала бы молить Господа послать ее сыну наследника.

– Добро пожаловать в Колдхарбор, – сказала леди Маргарет, и я подумала, что это очень подходящее название – эта гавань всегда считалась самой неприветливой и убогой на всем побережье. – Рада видеть вас в нашей столице, – продолжала она, словно мы росли вовсе не в Лондоне, не в королевском дворце, пока она торчала со своим незнатным и незначительным мужем где-то в провинции, ее сынок находился в ссылке, а Дом Ланкастеров потерпел очередное серьезное поражение.

Моя мать, оглядевшись, заметила, разумеется, что подушки на простом оконном сиденье сшиты из какой-то второсортной ткани, а отличные гобелены заменены коврами куда более низкого качества. Леди Маргарет была в высшей степени рачительной хозяйкой, если не сказать прижимистой.

– Благодарю вас, – сказала я, слегка поклонившись, и она, глянув на меня, заметила:

– Кстати, приготовления к свадьбе идут полным ходом. А на будущей неделе вы все сможете посетить королевскую гардеробную и примерить свадебные наряды. И подвенечное платье тоже почти готово. Я приняла решение, что всем вам стоит присутствовать на свадьбе.

– Мне стоит присутствовать на собственной свадьбе? – сухо переспросила я и заметила, как на щеках леди Маргарет вспыхнул румянец раздражения.

– Всей вашей семье, – поправила она меня, и моя мать, одарив ее самой сладкой улыбкой, тут же спросила:

– А как насчет принца Йоркского?

После этого вопроса в комнате на мгновение воцарилось поистине леденящее молчание; казалось, всех вдруг сковал жестокий мороз.

– Принц Йоркский? – медленно переспросила леди Маргарет, и я отчетливо услышала, как дрогнул ее жесткий голос. Она смотрела на мою мать с нескрываемым ужасом, опасаясь услышать нечто смертельно для себя опасное. – Что вы хотите этим сказать? Какой еще принц Йоркский? Что вы такое говорите? Что вы имели в виду?

Моя мать отважно встретила ее взгляд и повторила свой вопрос:

– Надеюсь, вы не забыли пригласить принца Йоркского?

Леди Маргарет побелела как мел. Я видела, как судорожно она вцепилась в подлокотники кресла – даже ногти побелели; ее явно охватила паника. А моя мать тем временем развлекалась – так дрессировщик порой пытается раззадорить своего медведя, дразня его длинным хлыстом.

– Кого вы имеете в виду? – почти взвизгнула леди Маргарет. – Уж не предполагаете ли вы... – Она не договорила; у нее, по-моему, даже дыхание перехватило от ужаса перед тем, что она может сказать. – Вряд ли можно говорить...

Одна из ее фрейлин шагнула к ней:

– Ваша милость, вам нехорошо?

Моя мать с затаенным интересом наблюдала за этой сценой – так алхимик наблюдает за таинственными трансформациями знакомого вещества. Оказывается, эту выскочку, именующую себя «миледи королева-мать», охватывает леденящий ужас при одном лишь упоминании принца Йоркского! Вдоволь налюбовавшись столь впечатляющим зрелищем, моя мать поспешила снять с леди Маргарет сковавшие ее чары.

– Я всего лишь имела в виду Эдварда Уорика, сына герцога Джорджа Кларенса, – почти ласково пояснила она.

Леди Маргарет судорожно вздохнула.

– Ах, этого! – сказала она. – Юного Уорика... Я о нем и позабыла совсем.

– А кого же еще? – сладким тоном спросила моя мать. – Кого еще, по-вашему, я могла иметь в виду?

– Нет, разумеется, внуков графа Уорика я не забуду, – леди Маргарет тут же вновь обрела прежнее достоинство. – Я и для них наряды заказала, и для ваших младших дочерей тоже.

– Как это приятно! – любезно откликнулась моя мать. – А когда, кстати, состоится коронация моей старшей дочери?

– Чуть позже, – сказала леди Маргарет, все еще чуть задыхаясь; она явно еще не отошла от пережитого потрясения и слова выговаривала медленно, хватая воздух ртом, словно выброшенный на берег карп. – Вскоре после свадьбы. Когда я решу.

К ней подошла одна из фрейлин с бокалом мальвазии. Леди Маргарет отпила глоток, затем еще и еще, и вскоре сладкое вино вернуло краску ее побледневшим щекам.

– После свадьбы новобрачные отправятся в путешествие по стране – нужно же им показаться своим подданным. А коронация, я думаю, состоится после рождения наследника.

Моя мать небрежно кивнула, словно это было не так уж и важно, и заметила:

– Ну да, разумеется. Ведь Элизабет и без того принцесса по рождению. – Она прекрасно понимала, что быть по рождению принцессой Йоркской куда лучше, чем каким-то десятым претендентом на трон, и втайне радовалась, что сумела уязвить леди Маргарет.

– Мне бы хотелось, – сменила тему миледи, – чтобы дитя – мальчик это будет или девочка – появилось на свет в Винчестере, в самом сердце нашего старого королевства, королевства Артура. – Она явно пыталась придать прежнюю значительность каждому своему слову, но, увы, тщетно. – Ведь мой сын – потомок самого Артура Пендрагона.

– Правда? – воскликнула моя мать со сладчайшей улыбкой. – А я-то думала, что он – потомок бастарда из рода Тюдоров и рожден овдовевшей Екатериной Валуа от своего второго мужа Оуэна! Ведь так и не было доказано, что тайный брак Екатерины и Оуэна действителен. Каким же образом эта линия восходит к королю Артуру?

Леди Маргарет побледнела от гнева, а мне захотелось дернуть мать за рукав и напомнить ей, что пора бы прекратить мучить эту жестокую особу. Она и так вывела леди Маргарет из себя одним лишь упоминанием о принце Йоркском. К сожалению, при дворе Тюдоров мы пока что являлись всего лишь просителями, и не было ни смысла, ни тем более выгоды в том, чтобы доводить мою будущую свекровь до белого каления.

– Мне нет нужды объяснять вам, кто именно является предками моего сына; вы лишь благодаря нам были восстановлены в правах королевской вдовы и вновь обрели прежний титул, иначе вы бы так и остались тем, кем вас назвал парламент: прелюбодейкой. – Леди Маргарет и не думала отступать. – Что ж, о приготовлениях к свадьбе я вам уже сообщила, так что не стану вас больше задерживать.

Моя мать, продолжая стоять с высоко поднятой головой, улыбнулась в ответ и сказала с поистине королевским достоинством:

– Очень вам благодарна.

– Мой сын хотел бы увидеться с принцессой Элизабет наедине, – поспешно сказала леди Маргарет и кивнула пажу: – Проводи принцессу в личные покои короля.

Выбора у меня не было. Пришлось идти по бесконечной анфиладе залов и коридоров в королевские покои. Рядом с ними находились и покои королевы-матери. У меня сложилось ощущение, что эти двое – сын и мать – всегда располагаются чуть ли не в смежных комнатах, точно супруги. Король сидел за столом, который я сразу узнала: в последнее время этим столом всегда пользовался мой любимый Ричард, но вообще-то стол был сделан для моего отца, короля Эдуарда, как и рабочее кресло. Было как-то странно видеть Генриха сидящим на этом кресле и за этим столом, где до него подписывали документы два брата-короля, Эдуард и Ричард. Однако он держался вполне уверенно, по-королевски, и мне пришлось вспомнить, что он – действительно наш новый король, и вскоре его бледное, вечно встревоженное лицо будет выгравировано на новеньких английских монетах.

Генрих что-то диктовал своему клерку; у того на шее болталась чернильница, и одно заточенное перо он держал в руке, а второе засунул за ухо. Увидев меня, король широко и приветливо улыбнулся и одним взмахом руки отослал клерка прочь. Стражники тут же закрыли за ним дверь, и мы остались одни.

– Ну что? Наверняка наши матери шипят, точно кошки на крыше амбара? – усмехнулся Генрих. – Особой любви они друг к другу никогда не испытывали, верно?

И я, вдруг почувствовав в нем союзника, испытала такое облегчение, что чуть не ответила взаимностью на его теплоту, но потом взяла себя в руки и холодно сказала:

– Твоя мать, как обычно, всем распорядилась сама.

Веселая улыбка моментально исчезла с его лица. Он всегда хмурился при малейшем намеке на критику в ее адрес.

– Ты должна понять: она ждала этого момента всю жизнь.

– Не сомневаюсь. И нам, и всем остальным это прекрасно известно. Она же только об этом и говорит.

– И я ей всем обязан. – Теперь тон у него стал ледяным. – И не желаю слышать о ней ни одного дурного слова.

Я кивнула.

– И это я тоже знаю. Она и об этом всех оповестила.

Генрих встал, обогнул стол и подошел ко мне вплотную.

– Элизабет, вскоре ты станешь ее невесткой. И тебе придется научиться любить, уважать и ценить ее. Ты же знаешь, все годы правления твоего отца моя мать была верна своему предвидению и никогда не изменяла поставленной цели.

Я скрипнула зубами.

– Да, и это мне хорошо известно. Об этом все знают. И она не забывает каждому напоминать об этом.

– Ты должна восхищаться ее стойкостью и упорством.

Но сказать, что я восхищаюсь его матерью, я заставить себя не смогла.

– Моя мать тоже в немалой степени обладает этими качествами, – осторожно сказала я. А про себя подумала: но я же не преклоняюсь перед нею, как малое дитя, да и она не пристаёт ко всем с разговорами обо мне одной, словно у нее в жизни нет больше ничего, кроме одного, достаточно испорченного отпрыска.

– Не сомневаюсь, обе они сейчас так и брызжут желчью, но ведь когда-то они были подругами, даже союзницами, – напомнил мне Генрих. – Мне кажется, после нашей свадьбы они все же сумеют найти общий язык. В конце концов, у них появится общий внук, которого они обе будут любить.

Он помолчал, словно надеясь, что я скажу что-нибудь насчет их «общего» внука, но я молчала, не желая ему помочь.

– Ты хорошо себя чувствуешь, Элизабет?

– Да.

– И месячные у тебя не возобновились?

Я снова скрипнула зубами: мне было на редкость неприятно обсуждать с ним столь интимные вопросы.

– Нет.

– Это хорошо, очень хорошо, – сказал он. – Это и есть самое важное! – Я понимала: он горд и взволнован, и я, наверное, была бы счастлива, если бы... любила его; но эти слова, исходя из его уст, лишь царапали мне душу. И я, глядя на него с неприкрытой враждебностью, продолжала молчать. А он снова заговорил: – Кстати, Элизабет, я хотел сообщить тебе, что наша свадьба состоится в день святой Маргариты Венгерской. Моя мать все уже предусмотрела, и тебе ничего делать не придется.

– Придется лишь подняться на алтарь и сказать, что я согласна, – сказала я. – Полагаю, даже твоя мать не будет возражать, если согласие на брак я дам самостоятельно?

Он с улыбкой кивнул.

– Да, тебе будет нужно только дать свое согласие и постараться выглядеть счастливой. Англия хочет видеть у алтаря веселую невесту, да и мне бы очень этого хотелось. Этим ты доставила бы мне огромную радость, Элизабет.

Святая Маргарита Венгерская была такой же принцессой, как и я, но жила она в монастыре и в такой бедности, что в итоге довела себя до смерти бесконечными постами. То, почему именно ее праздник выбрала для нашей свадьбы моя свекровь, также не ускользнуло от моего внимания.

– Да, я поняла; я должна выглядеть «смиренной и раскаявшейся», – напомнила я ему тот девиз, который выбрала для меня леди Маргарет. – Такой же, как святая Маргарита.

Он даже сумел слегка рассмеяться.

– Ты можешь быть настолько смиренной и раскаявшейся, насколько захочешь сама. – Он с улыбкой склонился над моей рукой, словно собираясь ее поцеловать. – Не стоит ради нас переходить границы и казаться униженной, моя дорогая.

Вестминстерский дворец, Лондон. 18 января 1486 года

Я выходила замуж зимой, и утро в день моей свадьбы было страшно холодным, и в сердце моем тоже царил холод. Проснувшись, я увидела на окнах спальни морозные узоры, и Бесс, войдя ко мне, сразу сказала, чтобы я оставалась в постели, пока она не растопит камин и не согреет перед огнем мое белье и платье.

Когда я вынырнула из-под одеяла, она тут же накинула на меня теплый капот с капюшоном и подала новенькую белую сорочку, вышитую по краям белым шелком, и верхнее платье из красного атласа с прорезями на рукавах и широким разрезом спереди; в этом разрезе должно было виднеться нижнее платье из черного дамасского шелка. Бесс торопливо шнуровала платье у меня под мышками, а две другие горничные стягивали шнуровку сзади. Платье, пожалуй, стало мне чуточку тесновато по сравнению с первой примеркой: груди у меня налились и талия стала немного шире. Правда, кроме меня, никто больше пока что этих перемен не замечал. Я чувствовала, что утрачиваю то тело, которое так любил мой Ричард, утрачиваю девичью гибкость, которой он пользовался, заставляя меня буквально обвиваться вокруг его закаленного в битвах тела. Вскоре стану такой, какой хочет меня видеть леди Маргарет, моя будущая свекровь: кругленькой, плодовитой, с расплывшимся задом, похожей на грушу; таким сосудом для вынашивания семени Тюдоров, горшком для приготовления их любимого блюда.

Горничные одевали меня, а я стояла неподвижно, как кукла, тело которой сделано из чулка и набито комковатой соломой, послушная их умелым рукам, но совершенно безжизненная. Впрочем, это мрачноватое платье обладало и неким колдовским очарованием: на фоне алого атласа мои светлые волосы как-то особенно блестели, отливая золотом, а кожа сияла холодной белизной, которую прекрасно оттенял роскошный глубокий цвет ткани. Отворилась дверь, и вошла моя мать в кремовом платье, отделанном зеленым и серебряным кантом и лентами; ее прекрасные волосы были уложены на затылке в свободный узел, видимо, потом она собиралась закрутить их потуже и спрятать под тяжелый головной убор. Впервые я заметила, что в ее светлых волосах мелькает седина: ее больше уже нельзя было назвать «золотоволосой королевой».

– Ты выглядишь прелестно, – сказала она, целуя меня. – А Генрих знает, что ты будешь одета в красное с черным?

– Его мать сама следила за тем, как портные подгоняют мне платье по фигуре, – сказала я. Мне было совершенно все равно, знает ли Генрих, какого цвета у меня будет платье. – Она и материю выбирала. Конечно, он знает. Ведь она-то знает все. Она ему обо всем и рассказывает.

– Неужели им не хотелось, чтобы ты была в зеленом?

– Цвет Ланкастеров – красный, – с горечью сказала я. – Это цвет мучеников, а также цвет, весьма любимый шлюхами. А еще – цвет крови.

– Успокойся, – велела мне мать. – Все-таки это день твоего триумфа.

Она обняла меня, и я тут же почувствовала в горле колючий комок; и слезы, которые, не проливаясь, все утро застилали мне взор, потекли по щекам. Мать нежно стерла их тыльной стороной ладони – сначала с одной щеки, потом с другой.

– Ну-ну, перестань, – шепнула она. – Ничего ведь теперь сделать нельзя, остается только подчиниться судьбе и улыбаться. Иногда мы побеждаем, иной раз приходится терпеть поражение, но самое главное – всегда, всегда идти вперед.

– Мы? Дом Йорков? – Я скептически посмотрела на нее. – Но ведь благодаря этому браку Йорки буквально растворяются в Тюдорах. И никакая победа нас не ждет – это наше окончательное поражение!

Мать улыбнулась своей загадочной, как бы внутренней, улыбкой.

– Мы прежде всего дочери Мелюзины, – поправила она меня. – Твоя бабушка считала себя дочерью этой водной богини, как и все женщины из королевского рода Бургундии; она никогда не забывала, что ей одновременно дано и королевское могущество, и магическое. В детстве, да и в юности, я никак не могла понять, действительно ли моя мать способна вызвать бурю или же это связано с простым везением и умелым притворством, которые она использует, чтобы добиться своего. Но она заставила меня понять: нет в мире никого более могущественного, чем женщина, которая хочет чего-то добиться и прямой дорогой идет к желанной цели.

И не имеет значения, назовешь ты это магией или решимостью. Не имеет значения, сотворишь ты заклятие или дашь клятву самой себе. Прежде всего ты должна решить для самой себя, чего именно ты хочешь, и иметь мужество всей душой стремиться к поставленной цели. Ты будешь королевой Англии, а твой муж уже стал королем. Благодаря тебе Йорки вновь взойдут на английский трон, принадлежащий им по праву. Пусть все твои печали останутся позади, девочка моя; прошлое почти не имеет значения, если ты действительно решила идти к намеченной цели.

– Но я потеряла любимого человека! – с горечью сказала я. – И сегодня должна выйти замуж за того, кто его убил. Не думаю, что теперь я смогу столь уверенно добиваться поставленной цели. Да и вряд ли в Англии есть такое место, где мне хотелось бы оказаться. Вряд ли оно есть и во всем нашем мире.

Мать слегка усмехнулась: в своей правоте она явно не сомневалась.

– Конечно, моя дорогая, сейчас ты думаешь именно так! Сегодня тебе предстоит выйти замуж за человека, которого ты презираешь и отвергаешь всей душой; но кто знает, что случится завтра? Я не умею предсказывать будущее. Ты родилась в самое беспокойное время и выходишь замуж за короля-победителя, но, вполне возможно, вскоре тебе доведется увидеть, как ему бросят вызов. Возможно, ты увидишь и его падение. Возможно, у тебя на глазах Генрих падет в грязь и погибнет под копытами кавалерии предателей. Откуда мне знать, так ли это будет? Будущего знать не может никто. Но одно я знаю точно: сегодня ты можешь выйти замуж за Генриха Тюдора и стать королевой Англии. Ты можешь установить мир в той стране, где он развязал войну. Ты можешь защитить своих друзей и родных, ты можешь возвести на трон сына Йорков. Так что ступай в церковь с улыбкой.

* * *

Генрих стоял на ступенях часовни, когда я, выйдя из западного входа Вестминстера, направилась к аббатству. Внезапно раздались громкие звуки серебряных фанфар. Я шла одна. Ирония судьбы проявилась еще и в том, что если бы во время моего венчания в нашей семье остался в живых хотя бы один мужчина, который мог бы проводить меня к алтарю, то Генрих не стал бы королем Англии и не ждал бы меня сейчас у входа в часовню, застенчиво улыбаясь. Но мой отец, король Эдуард Йорк, был мертв, мертвы были и оба его младших брата, а мои младшие братья, Эдуард и Ричард, исчезли и, по всей видимости, тоже были мертвы. Единственным прямым наследником Йорков был теперь малолетний Эдвард Уорик, сын герцога Джорджа Кларенса, родного брата моего отца. Эдвард, которого мы звали Тедди, важно, «по-королевски», кивнул, словно давая мне свое разрешение, когда я проходила мимо королевской ложи, где он стоял вместе со всеми под бдительным присмотром Мэгги.

А Генрих прямо-таки сиял золотым блеском. Его мать, видно, решила пожертвовать элегантностью во имя хвастовства и одела его с головы до ног во все золотое, отчего он стал похож на только что отлитую статую, на этакого нового Креза. Леди Маргарет, по всей вероятности, полагала, что в золотых одеждах он будет выглядеть поистине царственно, как позолоченный бог, а я на его фоне, естественно, покажусь всем скромной и невзрачной. Однако кричаще безвкусная яркость его одежды как раз весьма выгодно оттеняла мое темное, красное с черным,

платье, и я в нем прямо-таки светила спокойной уверенностью. Я видела, как сердито его мать на нас посматривает; видимо, она тщетно пыталась понять, почему я снова выгляжу по-королевски, а ее сын – как фигляр.

Платье мое было скроено так, чтобы не стеснять моих движений, и его довольно сильно присборили спереди, чтобы никто не смог заметить, что мой живот уже начинает полнеть. Моей беременностью было уже больше двух месяцев, но о ней знали только король, леди Маргарет и моя мать. И я молила Бога, чтобы они никому больше об этом не рассказывали.

Архиепископ уже ждал нас, держа наготове раскрытый требник; на его старом лице расцвела улыбка, когда мы стали подниматься к нему по ступеням алтаря. Архиепископ Томас Бурше был со мной в родстве, и руки его слегка дрожали от волнения, когда он вкладывал мою руку в теплую ладонь Генриха. Именно он почти двадцать пять лет назад короновал моего отца, именно он короновал и мою мать, и моего любимого Ричарда, и его жену Анну; если то дитя, которое я ношу, окажется мальчиком, то крестить его, несомненно, будет именно он и наречет его Артуром; а затем он же коронует меня.

Округлое морщинистое лицо старого архиепископа светилось искренней доброжелательностью, и я, стоя перед ним, думала о том, как бы он венчал меня с Ричардом, как я стояла бы здесь в белом платье, окаймленном белыми розами, а потом была бы сразу же и коронована. И это превратилось бы в некий единый чудесный праздник – моей свадьбы и коронации – и я стала бы любимой женой Ричарда, его веселой, жизнерадостной королевой...

Под взглядом добрых глаз архиепископа я прямо-таки соскальзывала в паутину своих несбыточных мечтаний, чувствуя, что почти лишаюсь чувств; казалось, я проникла внутрь одного из моих снов и стою сейчас на ступенях алтаря, в день своей свадьбы, в точности как и надеялась раньше, рядом с... Словно в тумане я взяла руку Генриха и стала повторять те слова, которые прежде надеялась сказать совсем другому человеку: «Я, Елизавета, беру тебя...» И тут я запнулась. Казалось, я просто не в силах выговорить это «неправильное» имя, ведь это был совсем не он, но я никак не могла взять себя в руки и вернуться к этой ужасной, нелепой реальности.

Я не только не могла произнести больше ни слова, я даже вздохнуть не могла; ужас, который я испытала, осознав, что приношу клятву в супружеской верности не Ричарду, сковал мне горло. Я начала задыхаться, еще мгновение – и меня бы, наверное, вырвало. Я вся покрылась испариной, я чувствовала, что вот-вот упаду; ноги подгибались подо мной. Но я никак не могла заставить себя произнести имя Генриха; не могла заставить себя дать брачную клятву никому, кроме Ричарда. Я попыталась снова. И снова, добравшись до слов: «Я, Елизавета, беру тебя...», я поперхнулась и умолкла. Это было безнадежно. Я не в состоянии была выговорить нужные слова. Я слегка кашлянула и жалобно посмотрела на Генриха. Я ничего не могла с собой поделать: я испытывала к нему лишь ненависть и понимала, что не в силах перестать видеть в нем врага, а потому и не могу ни произнести перед алтарем его имя, ни выйти за него замуж.

Но Генрих, человек в высшей степени реалистичный и не склонный к сентиментальности, мгновенно догадался, что со мной происходит. Желая привести меня в чувство, он больно ущипнул меня за ладонь, пустив в ход ногти и глубоко вонзив их в мою плоть; я охнула от боли, и туман воспоминаний рассеялся; передо мной возникло сердитое лицо моего жениха; жесткий взгляд его карих глаз был устремлен прямо на меня. Я судорожно вдохнула, а он в ярости прошипел:

– Да скажи же ты наконец то, что требуется!

Я взяла себя в руки и начала снова – на сей раз правильно: «Я, Елизавета, беру тебя, Генрих...»

* * *

Свадебный пир был устроен в Вестминстерском дворце; кушанья мне подавали, преклонив колено, как королеве, хотя миледи королева-мать раза два все-таки упомянула мимоходом, что хоть я и жена короля, но пока что не коронована. Потом были танцы и небольшой спектакль в исполнении умелых актеров. Выступали также акробаты и хор; королевский шут без усталости рассказывал непристойные анекдоты. Наконец мать и сестры повели меня в спальню.

Там было хорошо протоплено, и в камине еще догорали крупные поленья и душистые сосновые шишки; мать подала мне чашу со специально сваренным свадебным элем.

– Волнуешься? – сладким, как мед, голосом спросила Сесили. День ее свадьбы так и не был назначен, и она очень опасалась, как бы о ней не забыли, ведь именно она должна была стать следующей. – Я-то наверняка страшно волновалась бы в первую брачную ночь. Я уже заранее это знаю.

– Нет, меня это ничуть не волнует, – сказала я.

– Ты почему сестре не помогаешь? Помоги-ка ей улечься в постель! – вмешалась моя мать, и Сесили, послушно откинув покрывала, помогла мне взобраться на высокое ложе. Я устало откинулась на подушки, стараясь подавить мрачные предчувствия.

Вскоре в коридоре послышались шаги короля и его друзей, которые толпой приближались к дверям спальни. Архиепископ вошел первым, окропил комнату святой водой и помолился над брачным ложем. Следом за ним вошла леди Маргарет, крепко сжимая в руках большое распятие из слоновой кости. Затем появился и сам жених; он раздумялся и счастливо улыбался окружающим его мужчинам, которые то и дело хлопали его по спине и говорили, что он завоевал самый лучший трофей во всей Англии.

Однако леди Маргарет окинула веселящуюся компанию ледяным взглядом, который без слов сказал всем, что здесь не место фривольным шуткам. Затем мальчишка-паж откинул покрывала с другой стороны постели, и камердинеры принялись раздевать короля, снимая с него тяжелые, расшитые камнями одежды. Наконец Генрих остался в одной белой льняной сорочке, украшенной чудесной вышивкой, и скользнул в постель; мы оба выпили по чаше свадебного эля – так послушные дети пьют молоко перед сном, – и архиепископ, завершив свои молитвы, отступил назад.

Свадебные гости тоже стали неохотно пятиться и по одному вытекать в коридор. Моя мать, улыбнувшись мне на прощанье, быстро, точно умелый пастырь, выгнала из спальни орду моих сестер, а следом – последней! – ушла и леди Маргарет. Когда она уже направлялась к двери, я заметила, с какой тоской она оглянулась на сына; казалось, она с трудом сдерживает желание вернуться и еще разок его обнять.

Я сразу вспомнила его рассказы о тех долгих годах, в течение которых ему приходилось ложиться спать без ее благословения и поцелуя; вспомнила я и о том, что теперь, когда они воссоединились, его мать очень любит сама укладывать его в постель, как маленького мальчика. Я видела, как она колеблется на пороге, словно ей невыносимо трудно оставить его здесь, со мной; улыбнувшись ей, я легко положила руку на плечо Генриха – таким нежным собственническим жестом – и сказала:

– Спокойной ночи, матушка. Мы оба желаем вам спокойной ночи, спите спокойно. – И я постаралась, чтобы она непременно увидела, как я стиснула в пальцах воротник рубашки ее сына; этот воротник из тончайшего белого полотна она сама вышивала белым шелком, и вот теперь я держала его в руках, точно поводок преданной охотничьей собаки!

Некоторое время она молча стояла, глядя на нас и слегка приоткрыв рот, словно ей не хватало воздуха, а я склонила голову Генриху на плечо, как любящая невеста, и он гордо улыбнулся. Ему, по-моему, казалось, что леди Маргарет приятно смотреть на него, ее единствен-

ного обожаемого сына, лежащего в брачной постели рядом с красавицей-невестой, да к тому же настоящей принцессой. Однако мне-то было ясно, что это зрелище – я, прижавшаяся щекой к плечу Генриха, и он, улыбающийся во весь рот, – разрывает ее ревнивое сердце, точно волк, вцепившийся своей жертве в живот.

Я успела еще заметить, как исказилось ее лицо, когда она вышла и закрыла за собой дверь, и как только в двери шелкнул замок и стража, приветствуя королеву-мать, стукнула об пол тяжелыми пиками, мы оба наконец вздохнули с облегчением. Как только мы остались наедине, я тут же подняла голову с плеча Генриха, выпустила воротник его рубашки и попыталась убрать руку, но он перехватил ее и прижал мои пальцы к своей ключице.

– Не надо, не убирай ее, – сказал он. И тут, видно, что-то в моем лице подсказало ему: я и не пыталась его приласкать, это был просто обманный жест.

– О, зачем же ты тогда это сделала? Что за недостойная девчачья выходка!

Я все-таки убрала руку и с упрямым выражением на лице сказала:

– Да просто так.

Генрих наклонился надо мной, и мне на мгновение стало страшно; мне показалось, что я здорово его разозлила, и теперь он намерен подтвердить законность нашего брака соответствующим актом, желая наказать меня болью за причиненную боль. Но тут он, видно, вспомнил о ребенке, которого я ношу, и о том, что соитие с беременной женой – грех, да к тому же это вредно будущему младенцу. Кипя гневом, он встал с постели, набросил на плечи свое роскошное свадебное одеяние, поправил дрова в камине, придвинул к тяжелому креслу письменный столик и зажег свечу. И я поняла: весь этот праздничный день в одно мгновение был для него испорчен, а свойство его натуры таково, что он, запомнив, как минутная неприятность или неудача испортила ему впечатление от целого дня, и впредь будет помнить только свое дурное настроение в этот день. Он всегда напряжен, всегда ждет, что его вот-вот постигнет очередное разочарование, он, пожалуй, даже ищет этих разочарований, ибо они подтверждают обоснованность его вечного пессимизма. И теперь до конца жизни он будет видеть все события сегодняшнего дня – собор, свадебную церемонию, пир и самые разнообразные веселые и приятные мгновения – как бы сквозь густую пелену охватившего его сейчас гнева и возмущения.

– Как только я, дурак, мог подумать, что ты решила быть со мной ласкова! – сердито воскликнул он. – Как я мог подумать, что в твоих прикосновениях есть хоть капля нежности! С чего это мне пришло в голову, что принесенные нами у алтаря клятвы тронули твое сердце? С чего мне показалось, что ты положила мне голову на плечо, выражая этим свою... приязнь ко мне? До чего же я был глуп!

Я промолчала. Разумеется, в моем сердце не было ни капли приязни или нежности. Он был моим врагом, убийцей моего возлюбленного, мало того, моего жениха. Он изнасиловал меня! Да как он мог подумать, что между нами возникло хоть какое-то подобие нежных чувств!

– Ладно, ты можешь спать, – бросил он через плечо, – а я пока просмотрю кое-какие прошения. В этом мире слишком много людей, которым от меня что-нибудь нужно.

К Генриху явно вернулось его обычное дурное настроение, но мне это было совершенно безразлично. Я знала, что никогда не стану о нем тревожиться и раздумывать, сердится он на меня или нет – даже в таких случаях, как сейчас, когда я, безусловно, причинила ему боль. Если хочет, пусть сам себя как-нибудь успокоит или пусть продолжает дуться хоть всю ночь. Я взбила подушку под головой, разгладила ночную сорочку на своем округлившемся животе и повернулась к нему спиной. И тут я услышала, как он сказал: «Да, я еще кое о чем позабыл!» – и снова подошел к постели. Свернувшись клубком, я осторожно глянула через плечо и, к своему ужасу, увидела, что в руке у Генриха обнаженный клинок, и на его лезвии играют отблески огня, горевшего в камине.

Я похолодела от страха. Боже мой, неужели я до такой степени его разозлила, что он хочет меня убить, заодно отомстив и за то, что я сделала его рогоносцем? Какой это будет скандал,

а ведь я даже с матерью не попрощалась!.. И вдруг, совершенно некстати, я вспомнила, что дала Маргарет Уорик свое ожерелье, чтобы она могла покрасоваться в день моей свадьбы, и мне вдруг страшно захотелось дать ей знать, что она может оставить ожерелье себе, раз уж мне сейчас суждено умереть. Потом эта мысль сменилась другой, тоже неожиданной: Господи, подумала я, если он сейчас перережет мне горло, я наконец смогу спать без сновидений, мне больше не будет мерещиться Ричард! Ну и пусть, решила я. Это даже хорошо – хотя сперва, наверное, будет очень больно, зато потом больше никаких снов. А может быть, ударом этого кинжала Генрих отправит меня прямо в объятия Ричарда, и мы навеки будем вместе в сладких объятиях смерти, и я вновь увижу его обожаемое улыбающееся лицо, и он будет обнимать меня, и мы будем смотреть друг другу в глаза. Подумав об этом, я решительно повернулась к Генриху, и он, продолжая сжимать в руке нож, с интересом спросил:

– Ты не боишься? – И внимательно на меня посмотрел, словно видел впервые в жизни. – Я стою над тобой с кинжалом в руке, а ты и глазом не моргнешь. Так, значит, это правда? То, что все говорят? Что твое сердце разбито, что ты мечтаешь о смерти?

– Во всяком случае, я не стану умолять тебя оставить мне жизнь, если ты на это надеешься, – с горечью ответила я. – Я знаю: лучшие мои дни уже в прошлом, и я больше не надеюсь стать когда-либо снова счастливой. Но ты ошибаешься: я хочу жить. Мне, безусловно, больше хочется жить, чем умереть, и мне гораздо больше хочется быть королевой, чем покойницей. Однако я не боюсь ни тебя, ни твоего кинжала. Я давно уже дала себе обещание с полным безразличием относиться ко всему, что ты скажешь или сделаешь. Но даже если бы я и впрямь тебя боялась, то скорее умерла бы, чем позволила бы тебе это заметить.

Генрих в ответ лишь коротко хохотнул и пробормотал себе под нос:

– Упряма, как мул, как я, собственно, свою матушку и предупреждал... – Потом чуть громче он прибавил, уже обращаясь ко мне: – Нет, мне этот кинжал нужен вовсе не для того, чтобы перерезать твое хорошенькое горлышко; я всего лишь хочу сделать тебе крошечный надрез на ступне. Протяни-ка ножку.

Я неохотно выпростала ногу из-под одеяла, и он, отбросив в сторону роскошное покрывало, вновь пробормотал, словно разговаривая с самим собой:

– Вот уж действительно жаль! Такая чудесная кожа, и свод стопы так прекрасен, что его целовать хочется... Странно, что я сейчас об этом думаю, однако любому мужчине захотелось бы поцеловать такую ножку... – И с этими словами он быстро сделал неглубокий надрез у меня на стопе, и я вздрогнула от боли и даже негромко вскрикнула.

– Ты сделал мне больно!

– Лежи спокойно, – сказал он и слегка сжал мою ступню, чтобы несколько капель крови упало на белые простыни, и сунул мне льняную салфетку. – Вот, можешь перевязать. Утром почти ничего заметно не будет, там всего лишь царапина. И потом, ты все равно ведь чулки наденешь.

Я обвязала салфеткой ступню и метнула в его сторону гневный взгляд.

– И совершенно не нужно так сердито на меня смотреть, – сказал он. – Я, кстати, твою репутацию спасаю. Ведь утром простыни выставят на всеобщее обозрение, и на них, слава богу, будут кровавые пятна, свидетельствующие о том, что ты вышла замуж девственницей. Когда станет заметен твой живот, мы скажем, что этот младенец был зачат в первую же брачную ночь, а когда он родится, сделаем вид, что он родился чуть раньше срока, восьмимесячным.

Я погладила себя по животу, но там пока что нельзя было нащупать ничего, кроме небольшого слоя лишнего жира.

– А почему это ты так хорошо осведомлен о восьмимесячных младенцах? – спросила я. – И о том, что наши простыни выставят на всеобщее обозрение?

– Мать мне сказала, – ответил он. – Это она посоветовала тебе ступню надрезать.

– Ах, я еще и за это должна ее благодарить! – с горечью воскликнула я.

– Действительно должна, – серьезно подтвердил Генрих. – Ибо по ее совету наш сын будет для всех благословенным младенцем, зачатым в медовый месяц, а не королевским бастардом, – мрачно усмехнулся он.

Вестминстерский дворец, Лондон. Февраль, 1486 год

Я стала законной супругой английского короля, однако королевских покоев в Вестминстере по-прежнему не занимала.

– Но ведь ты пока что не королева, – равнодушно бросил Генрих, и я посмотрела на него: уголки губ опущены, глаза смотрят враждебно. – Да, пока что не королева! И потом, мы вместе с матерью работаем над государственными документами, так что нам удобнее и проще делить общие покои и занимать соседние комнаты.

– И ты пользуешься тайным проходом, который ведет из твоей спальни в ее спальню?

Он вспыхнул.

– Вряд ли этот проход такой уж тайный.

– Ну, во всяком случае, личный. Мой отец велел сделать его, чтобы иметь возможность приходить к моей матери в спальню без сопровождения, когда ему самому этого захочется. Попросту говоря, чтобы иметь возможность побыть с ней наедине, не оповещая об этом весь двор. Они любили друг друга, и им нравилось встречаться тайком.

Генрих всегда легко краснел, и при моих словах лицо его тут же вспыхнуло.

– Элизабет... что с тобой такое? На что ты намекаешь? Мы с моей матерью часто ужинаем вместе, часто беседуем по вечерам и вместе молимся перед сном. И потом, так нам гораздо удобней: если ей нужно срочно повидаться со мной или же мне – с нею, то мы...

– То вы можете зайти в спальню друг к другу в любое время дня и ночи, – закончила за него я.

Он промолчал, но был явно раздражен моими намеками. Я уже давно научилась замечать – по его поджатым губам и прищуренным глазам, – когда мне удалось вывести его из себя. Мне страшно нравилось доводить его до белого каления, это было одним из немногих удовольствий, принесенных мне замужеством.

– Если я правильно тебя понял, – снова заговорил Генрих, – ты бы хотела перебраться в покои королевы, чтобы я мог входить к тебе в спальню в любое время дня и ночи и никто бы этого не замечал? Неужели тебе стали так приятны знаки моего внимания? Ты вошла во вкус? И теперь хотела бы, чтобы я делил с тобой ложе? Ты действительно хочешь видеть меня в своей постели? Ты действительно хочешь, чтобы я тайно приходил к тебе для любовных утех? Для занятий любовью, которая направлена не на продление нашего рода, а всего лишь на утоление похоти? Наверное, именно этим занимались твои родители во время своих тайных греховных свиданий?

Я опустила глаза и сердито ответила:

– Нет. Просто, на мой взгляд, достаточно странно, что я до сих пор не занимаю покоев королевы.

– Разве тебе неуютно в тех покоях, которые ты занимаешь сейчас? Может, тебе мебель в них не нравится? Или они слишком малы?

– Нет.

– Может, тебе хотелось бы украсить стены гобеленами более высокого качества? Или тебя не устраивают твои музыканты? Или слуги? Возможно, в твоем состоянии тебе хочется каких-либо лакомств, и мне следует приказать, чтобы из кухни в твои покои приносили побольше всяких вкусных закусок и сладостей?

– Дело совсем не в этом...

– Ну так скажи, в чем дело. Не умираешь ли ты от голода? Не чувствуешь ли себя одинокой? Не мерзнешь ли?

– У меня вполне приличные покои, – обронила я сквозь зубы.

– В таком случае, прошу тебя, уж позволь моей матери остаться там, где она сейчас находится; ей королевские покои необходимы для постоянного общения со мной, ибо она является моим главным советчиком. А сама поживи пока в тех комнатах, которые она предоставила тебе. Я же стану навещать тебя каждый вечер, пока не отправлюсь в поездку по стране.

– Ты собираешься в поездку по стране? – Я впервые слышала об этом.

Он кивнул и быстро сказал:

– Но ты со мной не поедешь. Тебе нельзя путешествовать. Моя мать считает, что тебе лучше остаться в Лондоне. А мы с ней отправимся на север. Она говорит, что я должен показаться своим подданным, причем как можно большему их количеству, и посетить как можно больше разных городов, стараясь всеми силами расширять круг преданных мне людей. Я должен поддержать тех, кто давно уже перешел на нашу сторону, и подружиться с нашими бывшими врагами. Тюдоры должны навсегда оставить свой след в истории этой страны.

– Ну, раз так, то я твоей матери определенно ни к чему, – презрительно бросила я. – Во всяком случае, если вы хотите, чтобы эта поездка по стране способствовала укреплению Тюдоров. Зачем у вас под ногами будет путаться какая-то принцесса Йоркская? А что, если люди предпочтут эту принцессу Йоркскую Тюдорам? Что, если они на королеву-мать и смотреть не захотят, а принцессу Йоркскую станут приветствовать радостными криками?

Этого он не выдержал и вскочил.

– Моя мать, не сомневаюсь, думала лишь о твоём здоровье, а также о здоровье нашего будущего ребенка – как, впрочем, и я сам! – резким тоном заявил он. – И, разумеется, подданные моего королевства должны быть верны мне и Дому Тюдоров. Дитя, которое ты носишь, – наследник Тюдоров, и эту поездку мы предпринимаем ради тебя и нашего ребенка. И моя мать трудится ради тебя и своего будущего внука. И мне бы очень хотелось, чтобы ты сумела найти в себе достаточно такта и проявить благодарность! Ты вечно твердишь, что ты – настоящая принцесса. Я только и слышу: я – принцесса по рождению. Так вот я бы хотел, чтобы ты действительно это доказала. Я бы хотел, чтоб ты хотя бы попыталась вести себя как королева!

Я опустила глаза.

– Пожалуйста, передай своей матери, что я очень ей благодарна, – сказала я. – Что я всегда, всегда буду ей благодарна.

* * *

Моя мать вошла ко мне с побледневшим лицом, держа в руке письмо.

– Что случилось? Судя по твоему виду, ничего хорошего.

– Я получила от короля Генриха некое предложение. Он считает, что мне следует снова выйти замуж.

Я взяла у нее из рук письмо.

– Тебе? – переспросила я. – Тебе снова замуж? Что он хочет этим сказать?

Я начала быстро просматривать письмо, потом остановилась и посмотрела на мать. Она стала еще бледней, у нее даже губы побелели. Она только кивала в ответ на мои вопросы, словно утратила всякую способность изъясняться словами.

– Замуж за кого? Прекрати, мама! Ты меня пугаешь. Господи, что еще ему пришло в голову! Кого он имеет в виду?

– Якова Шотландского²⁸. – И мать то ли негромко охнула, то ли усмехнулась. – Ты не заметила? Он там упомянут, в самом начале письма, после приветствий и комплиментов по

²⁸ Имеется в виду Яков III (1452–1488), правивший с 1460 по 1488 г., который был весьма заинтересован в мире с Англией, так что даже преследовал тех представителей знати, которые ему в этом препятствовали.

поводу моей молодости и хорошего здоровья. Генрих считает, что я должна выйти замуж за короля Шотландии, уехать отсюда в далекий Эдинбург и назад больше не возвращаться.

Я снова принялась читать письмо. В самых вежливых, даже изысканных выражениях Генрих объяснял моей матери, что она очень его обяжет, если согласится встретиться с шотландским послом и принять предложение о браке, переданное королем Шотландии; заодно неплохо было бы и согласовать дату свадьбы, которую король Яков предлагает сыграть этим летом.

Я посмотрела на мать.

– Да он с ума сошел! Он не имеет права тебе приказывать! Тем более приказывать тебе выйти замуж! Да сам он никогда бы на такое не осмелился. Это все наверняка происки его матери. Не можешь же ты отсюда уехать, да, мама?

Она прижала пальцы к губам, чтобы скрыть, как сильно они дрожат.

– Не могу, но, мне кажется, меня вынудят это сделать. Попросту заставят.

– Но, мама, ведь жить здесь без тебя я не смогу!

– А если он прикажет?

– Я не смогу жить без тебя!

– И мне невыносимо тяжело было бы тебя покинуть. Но если король прикажет, у нас не будет выбора.

– Ты не можешь снова выйти замуж! – Меня приводила в ужас даже сама мысль об этом. – Тебе нечего и думать о повторном замужестве!

Она прикрыла глаза рукой.

– Честно говоря, я даже вообразить себе такое не могу. Твой отец... – Голос у нее сорвался. – Элизабет, ты – моя самая любимая дочь, но я сама просила тебя улыбаться, когда ты выходила замуж без любви; я сама твердила своей младшей сестре Кэтрин, что уж ей-то, сестре королевы, более других должно быть понятно, что нам, женщинам, приходится выходить замуж за кого прикажут; я сама согласилась на помолвку Сесили с тем, кого ей в мужья выбрали Генрих и его мать. Я не имею права требовать, чтобы меня, единственную из всех, пощадили. Генрих выиграл битву. Теперь он правит Англией. Если он прикажет мне выйти замуж – хотя бы и за короля Шотландии, – мне придется выйти замуж и отправиться в Шотландию.

– Я уверена, что это происки его матери! – повторила я. – Это наверняка она! Это она, а вовсе не он, хочет убрать тебя со своего пути!

– Да, наверное, – медленно промолвила моя мать. – По всей видимости, это так. Только тут Маргарет просчиталась. Она уже не впервые делает ошибку в том, что касается меня.

– И в чем же она просчиталась?

– А в том, что они хотят, чтобы я, находясь в Эдинбурге, обеспечивала верность шотландского короля новому союзу с Англией. Они хотят, чтобы я помогала Якову поддерживать дружбу с Генрихом. Они думают, что если королевой Шотландии стану я, то Яков никогда не посмеет вторгнуться на территорию моего зятя.

– Но они... – прошептала я.

– Да, они ошибаются, – с мстительным видом подтвердила моя мать. – Ох, как ошибаются! С того дня, как я стану королевой Шотландии, я получу право командовать армией и смогу дать моему новому мужу немало ценных советов, я перестану служить Генриху Тюдору. И уж точно не стану убеждать моего нового супруга поддерживать с ним мирный договор. А если я почувствую себя достаточно сильной и сумею должным образом воздействовать на нужных мне союзников, я первой выступлю против Генриха, я сама направлю на юг ту армию, что всюду сеет страх!

– Ты способна вторгнуться в Англию с армией скоттов? – прошептала я. Вторжение скоттов всегда было ужасом для англичан – точно армия варваров, явившаяся из холодных северных земель, грабящая или уничтожающая все на своем пути. – Неужели ты выступишь против

Генриха? Неужели ты хочешь посадить на английский трон нового короля? Неужели у тебя есть... кто-то из Дома Йорков?

Она даже не кивнула – лишь еще шире распахнула свои серые глаза.

– Но как же я? – растерянно пролепетала я. – Как же я и мой ребенок?

* * *

Мы решили, что я попытаюсь поговорить с Генрихом. В последнее время, собираясь в поездку по стране, он каждый вечер приходил ко мне и даже спать стал в моей постели. По всей вероятности, это должно было подчеркнуть наши «чудесные» супружеские отношения и доказать, что наш ребенок был зачат именно в медовый месяц. Ко мне Генрих, естественно, не прикасался, поскольку это могло повредить младенцу, растущему у меня в животе; обычно он съедал легкий ужин, сидя у камина, и ложился рядом со мной в постель. Спал он почти всегда беспокойно, его мучили сны. Часто он вставал среди ночи и часами молился, стоя на коленях, и мне казалось, что его мучает совесть, мучает понимание того, что он вопреки законам Божиим пошел войной на законного короля Англии и разбил мое сердце. В ночной темноте его совесть явно говорила громче, чем честолюбие его матери.

В иные ночи он приходил поздно, засидевшись с матерью над документами, а порой приходил и немного пьяный после веселой попойки с друзьями. Впрочем, друзей у него было немного – только те, что были с ним в ссылке; только на них он действительно мог положиться, ибо они всегда были рядом и поддерживали его, когда он был всего лишь одним из претендентов и отчаянно стремился к трону. По-настоящему кроме матери Генрих любил только троих: своего дядю Джаспера и своих новых родственников, лорда Томаса Стэнли и сэра Уильяма Стэнли. Они, по сути дела, и были его единственными советчиками.

Тем вечером он пришел рано и был задумчив; с собой он принес целую пачку бумаг – все это были просьбы от тех, кто его поддерживал и теперь хочет получить свою долю богатств Англии; мне они напоминали босоногих ссыльных, которые выстроились в очередь за башмаками только что умершего.

– Муж мой, я бы хотела поговорить с тобой. – Я сидела у камина в ночной сорочке и красном капоте; мои волосы были распущены по плечам и тщательно расчесаны. Для Генриха я велела принести немного подогретого эля и маленькие мясные пирожки.

– Разговор будет о твоей матери? – тут же догадался он, моментально оценив мои приготовления, и хмуро посмотрел на меня. – Иначе ты вряд ли стала бы стараться доставить мне удовольствие. И, наверное, не стала бы прилагать столько усилий, чтобы выглядеть неотразимой. А знаешь, ты гораздо красивее всех женщин, каких мне довелось видеть в жизни. Особенно в красном и с распущенными волосами. Впрочем, как только ты надеваешь красное, я сразу понимаю: ты надеешься поймать меня в ловушку.

– Да, разговор действительно пойдет о моей матери, – сказала я, ничуть не смутившись. – Я не хочу, чтобы ты отсылал ее от меня. Я не хочу, чтобы она уезжала в Шотландию. Я не хочу, чтобы она снова выходила замуж. Она очень любила моего отца. Ты никогда их вместе не видел, но, уверяю тебя, это был брак, основанный на истинной любви, на любви глубокой и настоящей. И я не хочу, чтобы она снова выходила замуж и делила постель с другим мужчиной – к тому же на четырнадцать лет ее моложе, к тому же с нашим давним врагом... это... это... – Голос у меня сорвался. – Нет, правда, это просто ужасно! Как ты мог просить ее сделать это!

Генрих опустил в кресло у огня; некоторое время он молча смотрел на горевшие поленья и раскаленные угли, потом тихо сказал:

– Я понимаю, почему ты не хочешь, чтобы она уезжала. И мне очень жаль, что приходится прибегать к таким мерам. Но половина населения страны по-прежнему поддерживает Дом Йорков. Для них ничего не изменилось. Иногда мне кажется, что их отношение ко мне

никогда и не изменится. Поражение в той битве ничуть не сказалось на их настроениях, они лишь стали более ожесточенными и опасными. Эти люди искренне поддерживали Ричарда и не пожелали ради меня менять свои пристрастия. Многие из них по-прежнему спят и видят, что твои братья живы; они шепотом распространяют слухи о некоем принце, живущем за морем. А меня они считают чужаком, оккупантом, явившимся из-за моря. Знаешь, как меня называют на улицах Йорка? Мои шпионы мне сообщили. Меня там называют Генрих Завоеватель, словно я Вильгельм Нормандский, вновь объявившийся иноземный бастард²⁹. Или очередной бастард, прибывший из чужой страны. Очередной претендент на трон. И они по-настоящему меня ненавидят.

Я шевельнулась, собираясь уже произнести некую ободряющую ложь, но Генрих остановил меня и протянул ко мне руку. Я вложила в его ладонь свои холодные пальцы, и он, притянув меня к себе, сказал:

– Если кто-либо, кто угодно, вдруг предъявит свои права на трон, зная, что происхождение его связано с Домом Йорков, то под его знамена соберутся тысячи, десятки тысяч людей. Подумай об этом. Ты могла бы поставить под знамя Белой розы хоть обыкновенного пса, и люди стали бы сражаться за этого пса-йоркиста до последнего. А я при этом не сумел бы выиграть ни пяди этой земли. Пес или принц выступил бы под знаменем Йорков, но мне пришлось бы начинать все снова и снова стремиться завершить победой начатую войну. И меня снова стали бы считать оккупантом и узурпатором. И мне вновь пришлось бы пережить то, что я пережил перед битвой при Босуорте, – бесконечные бессонные ночи, бесконечные думы об одном и том же. Вот только на этот раз у меня бы уже не было ни французской армии, ни поддержки Бретани, ни денег, полученных от разных иностранцев, на которые я смог бы нанять хорошо обученную армию. И еще: на этот раз я был бы лишен того глупого оптимизма, который под стать юнцу, впервые ввязавшемуся в схватку. На этот раз я зависел бы только от себя самого. На этот раз меня поддерживали бы только те, кто готов ко мне присоединиться лишь после того, как я выиграю сражение.

Он прочел по моему лицу, что я разделяю его мнение о подобных «союзниках», и кивнул:

– Да, ты права: это временщики. Люди, которые всегда мгновенно оказываются на стороне победителя. Неужели я, по-твоему, не отдаю себе отчета в том, что те же люди были бы самыми большими друзьями Ричарда, если бы при Босуорте победил не я, а он? Неужели ты думаешь, что я не понимаю, что они, как стадо, пойдут за любым, кто станет победителем? Что все они клялись мне в дружбе и преданности только из-за того, что я в тот раз победил? Ведь ты прекрасно понимаешь, что по-настоящему я могу рассчитывать только на тех, очень и очень немногих, кто был со мной в Бретани, а не на тех, весьма и весьма многочисленных, кто сейчас меня окружает здесь, в Лондоне? Или ты думаешь, будто я не знаю, что любой новый претендент, если ему удастся нанести мне поражение, станет действовать в точности так же, как сейчас действую я – станет изменять законы, перераспределять богатства, попытается сохранить верных друзей и окружить себя новыми сторонниками?

– Какой новый претендент? – прошептала я, вытаскивая из груди его тревог одно-единственное слово, и сразу же замерла от страха: неужели он уже слышал, что где-то в Европе прячется некий мальчик, который, возможно, даже состоит с моей матерью в переписке? – Что ты хочешь этим сказать? Кого ты имеешь в виду?

²⁹ Вильгельм Завоеватель, нормандский герцог, которого считали незаконнорожденным сыном герцога Нормандского Роберта I, который в 1035 г. отправился в паломничество в Иерусалим и не вернулся оттуда; некоторые хронисты так и называли его: Вильгельм Незаконнорожденный. В 1064 г. Вильгельм захватил в плен Гарольда Уэссекского (эта история отражена на знаменитых гобеленах Байё), и тот принес Вильгельму клятву, дававшую право претендовать на английский престол. Когда в 1066 г. Гарольд объявил себя королем Англии, Вильгельм начал вторжение – переплыл со своим флотом через Английский канал и убил Гарольда во время сражения при Гастингсе; в том же году он был торжественно коронован в Вестминстерском аббатстве.

– Да кого угодно! – резко ответил он. – Сам Иисус Христос не знает, кто и где может прятаться! Я постоянно слышу о каком-то мальчике из рода Йорков, мне то и дело о нем нашептывают, но никто не может сказать толком, ни где он находится, ни какие права он предъявляет. Бог знает, что сделал бы любой человек на моем месте, если б услышал хоть половину тех историй, которые мне приходится выслушивать ежедневно. Джон де ла Поль, твой кузен, готов принести мне присягу верности, но его мать – родная сестра твоего покойного отца, а Ричард называл его своим наследником. Разве могу я полностью ему доверять? Франсис Ловелл – ближайший друг Ричарда – прячется где-то в святом убежище, но никто толком не знает, ни чего он хочет, ни кто помогает ему осуществить свои планы. Боже мой, да у меня порой возникают сомнения даже в надежности твоего дяди, Эдварда Вудвилла, а ведь он входил в число моих ближайших друзей со времен нашей жизни в Бретани! Я вот все откладываю освобождение твоего сводного брата Томаса Грея, потому что боюсь: вдруг он явится в Англию не как мой верный подданный, а как член кружка моих ярых противников – кто бы они ни были и кого бы они ни ждали. Затем есть еще малолетний Эдвард, граф Уорик, живущий в семье твоей матери и чем-то там занимающийся с преподавателями. Что именно он изучает? Уж не предательство ли он готовит? Кто его преподаватели? Получается, что я со всех сторон окружен членами твоей семьи, но никому из них не доверяю.

– Эдвард – еще совсем ребенок, – быстро сказала я, слегка задышавшись от радости, что у моего мужа, по крайней мере, нет никаких сведений о принце Йоркском, никаких сведений о его местонахождении, никаких разоблачающих подробностей, касающихся его взглядов, образования и предъявляемых им прав. – И он совершенно тебе предан. Как, впрочем, и моя мать. Мы же принесли тебе клятву верности. Тедди никогда не бросит вызов своему королю. Мы тебе это обещали, мы его тебе доверили. И он горд тем, что сам принес тебе присягу. Уж ему-то – причем даже больше, чем всем нам, вместе взятым! – ты можешь полностью доверять.

– Надеюсь, что так, – сказал Генрих. – Очень надеюсь. – И мне показалось, что он совершенно опустошен борьбой с собственными страхами. – Но даже если это и так... мне все равно приходится делать все, чтобы как-то удержать эту страну в состоянии мира, а я ведь еще должен обеспечивать и сохранность ее границ. Тогда как я пытаюсь совершить великое деяние, Элизабет. Я пытаюсь повторить опыт твоего отца и создать новую королевскую династию! Я хочу, чтобы Тюдоры навсегда оставили свой отпечаток в истории Англии. А еще я хочу наконец вернуть мир в нашу страну. Твой отец не раз пытался установить прочный мир с Шотландией, но ему это не удалось. Сейчас я тоже предпринимаю подобные попытки. Если бы твоя мать согласилась поехать в Шотландию и ради всех нас сумела привести шотландцев к союзу с нами, она бы оказала огромную услугу и тебе, и мне, и своему будущему внуку, который был бы перед нею в вечном долгу за то, что без опаски унаследовал английский трон. Подумай об этом! Представь себе, что можно было бы подарить нашему сыну королевство, в котором повсюду, даже на границах, царит мир! И все это легко могла бы сделать твоя мать.

– Нет, моя мать должна быть рядом со мной! – Я почти выкрикнула эту слезную, какую-то детскую мольбу. – Ведь тебе не пришло бы в голову отослать в чужую страну свою собственную мать? Твоя мать должна быть всегда с тобой! Ты держишь ее при себе как первого своего советника!

– Да, и она верой и правдой служит нашему Дому, – кивнул Генрих. – И я прошу твою мать тоже ему послужить. К тому же твоя мать все еще очень хороша собой и отлично знает, что значит быть настоящей королевой. Если бы она стала королевой Шотландии, мы наконец избавились бы от этой постоянной опасности, грозящей нам с севера.

Он умолк и, обняв меня за несколько пополневшую талию, заглянул мне в лицо.

– Ах, Элизабет, я все для тебя готов сделать! – сказал он с нежностью, заметив, как я расстроена. – Не тревожься, только не тревожься, пока ты носишь нашего сына! Пожалуйста, не плачь. Это плохо для тебя и плохо для ребенка. Пожалуйста... не плачь.

– Откуда нам знать, что это будет сын? – раздраженно воскликнула я. – Ты все время говоришь так, словно это уже решено, хотя никакие слова тут ничего не решают.

Он улыбнулся.

– Разумеется, у нас будет сын! Разве может такая красавица, как ты, родить мне не очаровательного сына-первенца, а девочку?

– Но моя мать непременно должна быть со мной! – Я сказала это так, словно ставила некое условие. И посмотрела ему прямо в глаза. Как ни странно, я уловила в них проблеск такого чувства, которого никак от него не ожидала. Его ореховые глаза тепло светились, с губ, казалось, готовы сорваться самые нежные слова. Он выглядел как влюбленный мужчина.

– Но твоя мать нужна мне в Шотландии, – возразил он, хотя и очень мягко.

– Я не смогу родить, если ее здесь не будет. Она должна все время быть со мной. А что, если во время родов случится что-то непредвиденное?

Это был, так сказать, мой козырной туз.

И я почувствовала, что Генрих колеблется.

– Ну хорошо, а если она останется с тобой до рождения нашего мальчика? – осторожно предложил он.

Я с надутым видом кивнула, но тут же поставила новое условие:

– Она должна быть со мной в родильных покоях до крещения ребенка! Я буду спокойна и счастлива, только если она будет рядом.

Он поцеловал меня в голову и сказал:

– Раз так, я тебе это обещаю. Даю тебе слово. Ты, точно настоящая чаровница, сумела склонить меня на свою сторону. Хорошо, твоя мать сможет отправиться в Шотландию и после рождения нашего ребенка.

Вестминстерский дворец, Лондон. Март, 1486 год

Миледи королева-мать выбивалась из сил, планируя поездку короля по стране. Моя мать, ветеран подобных поездок, пышных процессий и всевозможных визитов, наблюдала за этими приготовлениями, не говоря ни слова; а миледи целыми днями пропадала в королевской гардеробной, окруженная закройщиками, швеями, сапожниками и шляпниками, пытаясь создать новый гардероб для своего сына, дабы потрясти диких северян и заставить их принять Генриха как короля. Не испытывая должной уверенности в себе, чувствуя себя матерью узурпатора, леди Маргарет явно хотела, чтобы ее сын и она сама выглядели во всех отношениях по-королевски. Он должен был отлично сыграть роль правителя страны – просто быть английским королем для него было мало. По иронии судьбы и к вящему удовольствию нас с матерью, леди Маргарет до сих пор имела только один достойный подражания пример – моего отца, и это приводило ее в полное смятение. Мой отец был высок ростом, очень хорош собой и невероятно обаятелен; он прямо-таки притягивал к себе людей; ему достаточно было войти в зал, и он тут же оказывался в центре всеобщего внимания. Он отдавал должное новинкам моды, наслаждался красотой и богатством тканей, их насыщенными оттенками. Женщин он очень любил, и они всегда находили его чрезвычайно привлекательным; не в силах справиться с собой, он жадно ловил знаки их внимания, и, Господь свидетель, сами женщины тоже не всегда были в силах скрыть свое любовное томление. По крайней мере половина наших придворных дам всегда были влюблены в моего отца или уже стали его любовницами, а их мужьям оставалось лишь разрываться между восхищением, которое они испытывали при виде своего великолепного короля, и мучительной ревностью. Но лучше всего отец выглядел рядом с моей красавицей-матерью и целым выводком прелестных дочек. Мы, дочери короля Эдуарда, всегда представляли собой настоящий калейдоскоп прелестных мордашек, а наша мать была признанной иконой стиля, красоты и изящества. Так что леди Маргарет отлично понимала: вряд ли какая-то еще королевская семья сможет стать равной семье моего отца. Мои отец и мать были царственными, плодовитыми, красивыми и богаты. Когда-то леди Маргарет была фрейлиной моей матери и не раз собственными глазами видела, как моих родителей воспринимают простые англичане – точно семейство сказочных монархов. И теперь она просто до помешательства себя доводила в тщетных попытках превратить своего неуклюжего, бледноватого и куда более тихого сына в настоящего короля, равного моему замечательному отцу.

Она решила эту проблему, буквально утопив Генриха в драгоценностях. Он никогда не появлялся на людях без роскошной броши на шляпе или бесценной жемчужины в галстуке. Никогда не выезжал верхом, не надев перчатки, инкрустированные бриллиантами, и без седла с золотыми стремянами. Леди Маргарет украшала сына мехом горностая, словно некую реликвию для пасхального шествия; но он все равно выглядел обыкновенным; казалось, этого молодого человека растянули до предела, заставили жить не по средствам и вбили в голову излишнее честолюбие и одновременно чрезмерную озабоченность будущим; он был вечно бледен от волнения, и особенно бледным его лицо казалось на фоне пурпурного бархата, в который его одевали.

– Я бы очень хотел, чтобы ты тоже поехала со мной, – жалким тоном промямлил он, когда мы с ним на конюшенном дворе Вестминстера выбирали лошадей для его поездки по стране.

Я была так удивлена, что дважды на него посмотрела, желая убедиться, что он не шутит.

– Я не просто так это сказал, мне действительно этого хочется. Ты с детства немало путешествовала по Англии вместе с родителями. Мне прожужжали все уши рассказами о том, что именно ты всегда открывала балы при дворе твоего отца, а зачастую и с послами беседовала. Ты бывала в самых разных уголках Англии и наверняка хорошо знаешь и столицы графств, и разные другие города?

Я кивнула. Оба брата Йорки, и мой отец, и Ричард, были любимы народом, особенно в северных графствах. Мы каждое лето выезжали из Лондона, посещая другие города Англии, где нас всегда приветствовали так, словно мы ангелы, спустившиеся с небес. Почти каждый знатный дом того или иного графства старался устроить в честь нашего прибытия праздничное шествие или пир; во многих городах и селениях нам дарили увесистые кошельки с золотом. Бесчисленное количество мэров, советников и шерифов целовали мне руку, когда я еще совсем малышкой сидела на коленях у матери; я уж не говорю о том периоде, когда я умела вполне самостоятельно произнести ответную благодарственную речь на безупречной латыни.

– Я должен показать себя повсюду, – озабоченно продолжал Генрих. – Я должен внушить людям желание стать моими сторонниками и хранить мне верность. Я должен убедить их, что с моим приходом к власти в стране воцарятся мир и благополучие. И все это мне придется сделать с помощью одной лишь улыбки и приветственного взмаха рукой, когда я буду проезжать через то или иное селение.

Я не смогла удержаться от смеха.

– Ну, все это разом осуществить невозможно! – сказала я. – Но ты не тушуйся. Все не так уж страшно. Ты только помни: все, кто собрались на обочине дороги, хотят всего лишь увидеть нового короля. Они ждут его улыбки, приветственного жеста, ведь простые люди еще не потеряли надежды на доброго и удачливого правителя. Вот и постарайся выглядеть именно так; постарайся сыграть эту роль как можно лучше, и все будут довольны и счастливы. И не забывай: этим людям редко выпадают столь впечатляющие зрелища. Нет, правда, Генрих, когда ты немного лучше узнаешь Англию, то поймешь, что здесь ничего интересного почти никогда не происходит. Урожаи чаще всего бывают неудачными, весной выпадает слишком много дождей, а лето бывает слишком засушливым. Покажи народу хорошо одетого и улыбающегося молодого короля, и это будет самая замечательная вещь, какую им довелось увидеть за много лет. Ведь на тебя придут посмотреть в большинстве своем очень бедные люди, совершенно лишенные каких бы то ни было развлечений. А королевская процессия – это весьма впечатляющее зрелище; тем более что твоя мать вечно выставляет тебя напоказ, точно святую икону, завернутую в бархат, оклад которой утыкан драгоценными камнями.

– На это потребуется слишком много времени, – недовольно проворчал он. – Ведь придется, наверное, останавливаться чуть ли не в каждом богатом доме, чуть ли не в каждом замке, да еще и выслушивать приветственные речи подданных.

– Мой отец говорил, что, пока делятся эти речи, он смотрит поверх голов людей, стоящих в толпе, и прикидывает, какие подарки для него они могут себе позволить, – решила посоветовать я. – Он, по-моему, вообще никогда этих выступлений не слушал и занимался тем, что интересовался, сколько у хозяина замка или мэра города коров в полях и слуг во дворе.

Генрих мгновенно заинтересовался:

– Он брал взаймы?

– Он всегда считал, что лучше напрямую обратиться к людям, чем в парламент за собранными налогами; там с ним еще вполне могли начать спорить, советовать, как лучше управлять страной и на кого пойти войной. Да, отец обычно брал взаймы почти у всех, кого посещал. И чем более страстными были речи в честь его приезда и похвалы в его адрес, тем большую сумму он запрашивал. Чаще всего после обеда.

Генрих рассмеялся и, обняв меня за разбухшую талию, притянул к себе прямо на конюшенном дворе, и все присутствующие это видели. А он, ничуть не смутившись, спросил:

– И что, ему всегда давали в долг?

– Почти всегда, – сказала я. Я не стала вырываться, но и прислоняться к нему тоже не стала. Я позволила ему обнимать меня, поскольку он имел право это делать – любому мужу иной раз хочется приласкать свою жену. Но мне было приятно ощутить прикосновение к моему животу его крупных теплых ладоней.

– Ну что ж, тогда и я попробую так сделать, – сказал он. – Твой отец был в высшей степени прав: очень дорогое дело – пытаться править этой страной с помощью парламента. Все, что я получаю от него в виде налогов, мне приходится раздавать и раздаривать, если я намерен и впредь сохранить верность своих лордов.

– Да неужели? Разве твои лорды не из любви и преданности тебе служат? – из вредности спросила я. Просто не смогла удержать за зубами свой острый язычок.

И он, разумеется, тут же обиделся и выпустил меня из объятий.

– По-моему, мы оба прекрасно знаем, что служат они отнюдь не из любви и преданности ко мне! – Он помолчал и прибавил: – Впрочем, сомневаюсь, что они и твоего отца так уж сильно любили.

Вестминстерский дворец, Лондон. Апрель, 1486 год

После долгих недель подготовки мать и сын наконец были готовы отправиться в путь. Леди Маргарет собиралась ехать верхом и сопровождать Генриха в течение первых двух дней, а затем вернуться в Лондон. Если бы у нее хватило решимости, она бы всю поездку с сыном не расставалась; ей хотелось постоянно быть с ним рядом, она с трудом заставляла себя изредка выпустить его из поля зрения. Но при этом она не могла оставить без внимания меня и моих близких, стараясь постоянно держать нас под присмотром; никому другому она этого доверить не могла. Она непременно сама заказывала мне еду, патрулировала мои прогулки, совершаемые дважды в день, и для поднятия духа снабжала меня книгами различных проповедников. Никто, кроме нее, не мог решить, сколько пищи, вина или эля следует подать к моему столу; только она могла должным образом управлять дворцовым хозяйством, и мысль о том, что в ее отсутствие я начну управлять им по собственному разумению, была для нее невыносима. И уж тем более она не могла допустить, чтобы дворец вновь оказался в руках его бывшей хозяйки, моей матери.

Она, по-моему, совсем повредила умом, заполучив в свои руки бразды правления и всем давая «бесценные» советы, и начала даже записывать свои приказания, которые раздавала направо и налево, чтобы всегда все делалось в точности так, как она придумала, вперед на долгие годы и даже после ее смерти. Я легко могла себе представить, как миледи, находясь по ту сторону могилы, все еще правит здешним миром, а моя дочь и внучки сверяются с составленной ею «великой» книгой по управлению королевским хозяйством и впитывают «бесценные» советы о том, что не следует есть сырых фруктов или сидеть слишком близко к огню и лучше избегать переедания и простуды.

— Совершенно ясно, что до нее никто никогда и детей-то на свет не производил! — сказала моя мать, рожавшая двенадцать раз.

Генрих, неторопливо продвигаясь к северу, писал матери каждый день, подробно отчитываясь о том, как его принимали в том или ином селении, с какими семьями он встречался и какие подарки получил. Мне он писал раз в неделю; кратко сообщал, что чувствует себя хорошо, нынче вечером остановится там-то и там-то и желает мне всего наилучшего. Я отвечала сухо и столь же коротко, передавая эти записки, не запечатав их, леди Маргарет, которая, разумеется, все прочитывала, прежде чем вложить в свое письмо.

Во время Великого поста весь двор мяса не ел, но королева-мать решила, что мне необходима более питательная диета, и даже написала самому папе римскому, испросив у него разрешения кормить меня мясом в течение всего весенне-летнего периода, дабы поддержать растущее у меня в чреве дитя. В данный момент для нее, видимо, не существовало ничего более важного, чем ее будущий внук, наследник Тюдоров; ради этого она готова была поступиться даже своим прославленным благочестием.

После смерти старого кардинала Томаса Буршье леди Маргарет предложила на пост архиепископа Кентерберийского своего любимого дружка и знаменитого конспиратора Джона Мортон, и он очень скоро это место получил. Я была очень огорчена тем, что не добрый Томас Буршье будет крестить моего ребенка и не он увенчает мою голову королевской короной. Впрочем, Джон Мортон вел себя весьма пристойно; словно гончий пес хороших кровей, он всегда находился рядом, но никогда не надоедал нам своим присутствием. Чуть сгорбившись, он устраивался обычно на лучшем месте у камина, одним своим присутствием заставляя меня чувствовать, что именно он и есть мой главный хранитель и мне повезло, что он находится рядом. Куда бы я ни пошла, я всюду натыкалась на него; казалось, он в дружбе со всеми; он умел сгладить любые трудности и без сомнения обо всех происшествиях тут же докладывал королеве-матери. Он интересовался всеми моими делами и всегда мог дать сочувственный и

вполне достойный священника совет, всегда знал, каковы мои нужды и помыслы, и весьма любезно болтал с моими фрейлинами. Я очень быстро поняла: ему известно все, что происходит при дворе, а значит, от него обо всем узнает и леди Маргарет. Джон Мортон был ее духовником и самым близким другом в течение многих лет. Кстати, именно он убедил ее, что мне непременно и в пост следует есть красное мясо, причем хорошо приготовленное, и сам вызвался получить на это разрешение у папы римского. Он ласково трепал меня по руке, уверяя, что в данный момент для него нет ничего важнее моего здоровья, а если я буду полна сил, то и ребенок родится здоровеньким; по его словам, таковы заветы и самого Господа.

Затем однажды, уже после Пасхи, когда моя мать и сестры, сидя у меня, шили детские одежды под неусыпным присмотром миледи королевы-матери, к нам явился гонец, весь покрытый дорожной пылью, и сообщил, что у него срочное послание от его милости короля.

В кои-то веки леди Маргарет не проявила неизменного любопытства; гордо задрав повыше свой длинный нос, дабы подчеркнуть собственное величие, она отослала гонца прочь, приказав ему сперва переодеться. Но затем, взглянув на его изумленное и довольно-таки мрачное лицо, все-таки повела его к себе и плотно закрыла за собой двери, чтобы никто не смог подслушать, какие именно тревожные вести он привез.

Рука моей матери так и застыла с иглой над шитьем. Подняв голову, она настороженно проводила глазами гонца, удалявшегося в сторону королевских покоев, слегка вздохнула и с прежним спокойным видом вернулась к работе, словно женщина, вполне довольная своим собственным крошечным мирком. Мы с Сесили встревоженно переглянулись, и я почти неслышно спросила у матери:

– Как ты думаешь, в чем там дело?

Она даже своих серых глаз не подняла. Лишь пожала плечами, продолжая шить.

– Откуда мне знать?

Двери в покои королевы-матери оставались закрытыми достаточно долго. Затем гонец вышел оттуда, но с таким видом, словно ему было приказано ни в коем случае никому не говорить ни слова. Дверь в покои миледи по-прежнему оставалась закрытой; лишь к обеду она вышла оттуда и, как всегда, заняла свое место на высоком кресле под государственным флагом. Лицо ее было мрачно. Она молча ждала, когда слуги доложат, что обед готов и сейчас будет подан.

Архиепископ Джон Мортон подошел к ней; казалось, он готов в любую минуту ринуться вперед с благословением, но она сидела с застывшим, точно камень, лицом и упорно молчала; она ничего не сказала, даже когда он наклонился к ней совсем близко, словно готовясь уловить даже самый тихий ее шепот. Царившую в обеденном зале тишину нарушила моя мать, самым легким и приятным тоном спросив:

– Все ли благополучно у его милости короля?

Услышав ее голос, миледи слегка вздрогнула; по-моему, ей очень не хотелось отвечать на этот вопрос, однако она все же сказала:

– Король весьма встревожен очередным проявлением неверности. К сожалению, в нашем королевстве все еще слишком много предателей.

Моя мать сочувственно приподняла брови и даже слегка поцокала языком, словно и ей тоже очень жаль, что это так, но ничего более говорить не стала.

– Я надеюсь, король здоров? Он в безопасности? – попыталась я расшевелить леди Маргарет.

– Этот глупец и предатель Франсис Ловелл оскорбил святое убежище, в котором ему было позволено находиться! Он вышел оттуда, собрал армию и имел наглость пойти против моего сына! – вдруг гневно объявила леди Маргарет. Она, видно, оказалась не в силах сдерживать бушевавшие в ее душе чувства и буквально тряслась от гнева; лицо у нее побагровело; теперь она уже кричала вовсю, и брызги слюны так и летели у нее изо рта в разные стороны, а

слова спотыкались и звучали невнятно. Казалось, даже ее головной убор дрожит от ярости. Она так вцепилась пальцами в подлокотники кресла, словно сама себя пыталась заставить сидеть на месте. – Как он мог? Как он осмелился после такого поражения? После того, как столько времени прятался в убежище, желая избежать наказания? Но нет, вновь набрался наглости и вынырнул из своей норы, точно лиса!

– Прости его, Господи! – воскликнул архиепископ.

У меня перехватило дыхание; я даже невольно тихонько охнула. Лорд Франсис Ловелл был другом детства Ричарда, его ближайшим соратником, и при Босуорте он сражался вместе с ним. А когда Ричард пал в бою, лорд Франсис укрылся в святом убежище. Я знала, что выйти оттуда он мог, лишь имея на то вескую причину. Я знала, что он отнюдь не дурак и никогда бы не ринулся в атаку, понимая, что это бессмысленно, не стал бы поднимать свое боевое знамя, не имея мощной поддержки. А значит, такая поддержка наверняка у него была; значит, существовал тайный круг людей, которые были известны только друг другу и ждали подходящего момента – например, когда Генрих покинет относительно безопасный Лондон, – чтобы тут же бросить ему вызов. И они, разумеется, не стали бы поднимать мятеж, если бы у них не было на примете... другого короля! Значит, такой человек у них имелся! Человек, который с полным правом мог заменить на троне Генриха Тюдора...

Королева-мать гневно сверкнула глазами в мою сторону, словно и я уже пылала огнем мятежа, словно и во мне она уже углядела явные признаки предательства – этакую каинову печать у меня на лбу.

– Как лиса, нет, как дворовый пес! – с презрением повторила она. – Разве не так его называли? «Верный пес Ловелл»? Вот он и выскочил из своей будки, точно дворовая шавка, да еще и вызов моему сыну бросить осмелился! Генрих безумно всем этим огорчен. И меня с ним рядом нет! Его это предательство просто потрясло!

– Благослови, Господи, нашего короля, – прошептал архиепископ, касаясь золотого распятия, свисавшего с его пояса на жемчужных четках.

Моя мать изобразила самую искреннюю озабоченность и с некоторым недоверием спросила:

– Неужели Франсису Ловеллу удалось собрать целую армию?

– Он еще об этом пожалеет! – пообещала миледи. – И он, и Томас Стаффорд, который с ним заодно. Они оба очень сильно пожалеют, что осмелились бросить вызов миролюбию и величию моего сына. Сам Господь привел Генриха в Англию. Бунт против моего сына – это восстание против воли Господней. Они оба – еретики и предатели!

– Значит, и Томас Стаффорд тоже? – сочувственно проворковала моя мать. – Стаффорд тоже взялся за оружие?

– Да, а также его братец! Вот уж у кого лживая душонка! Предатели! Все они предатели!

– Неужели и Хэмфри Стаффорд? – негромко воскликнула моя мать. – Боже мой! Значит, они объединились и сумели собрать достаточно большое войско? Надо же, сыновья такой знатной семьи!³⁰ Но я полагаю, его милость король дал им должный отпор и, выступив во главе своего войска, разбил их наголову?

– Нет, нет! – Леди Маргарет с раздражением отмахнулась от последнего вопроса, словно пытаясь прогнать его дрожащей рукой, дабы никто не смог усомниться в храбрости и мужестве ее сына, даже если тот на самом деле прятался в Линкольншире, предоставив другим сражаться с повстанцами. – Зачем же ему самому воевать с мятежниками? Это абсолютно лишено смысла. И я, разумеется, просила его в письме ни во что не вмешиваться. Во главе его войска стоит Джаспер Тюдор. Кстати, им с Генрихом удалось собрать многотысячную армию. И

³⁰ Герцогов Букингемских.

король милостиво обещал прощение всем, кто сдастся добровольно. Из его письма я узнала, что они продолжают преследовать повстанцев и те отступают на север, к Мидлхему.

Это был любимый замок Ричарда; там прошло его детство. Жители всех северных графств хорошо знали Франсиса Ловелла, закадычного друга Ричарда и участника всех его мальчишеских забав, а потому в этих краях наверняка многие поспешили присоединиться к мятежникам. А самому Ловеллу был там знаком каждый куст, так что он прекрасно знал, где лучше устроить засаду или спрятаться от врага.

– Боже мой, – спокойно заметила моя мать, – нам бы всем следовало помолиться за нашего короля.

Королева-мать, разумеется, тут же с облегчением ухватила за это предложение:

– Разумеется! И после обеда мы все отправимся в часовню. Вы совершенно правы, моя дорогая. И я, пожалуй, закажу особую мессу. – Она кивнула архиепископу, который поклонился и вышел с таким видом, словно готов был разбудить для этого самого Господа Бога.

Услышав слова миледи, моя кузина Мэгги нервно поерзала на стуле, отлично зная, что «особая месса», которую королева-мать намеревалась заказать во спасение сына, продлится не менее двух часов. Разумеется, леди Маргарет тут же это заметила и бросила на девочку гневный взгляд.

– Похоже, некоторые грешники и глупцы до сих пор поддерживают Йорков, потерпевших столь сокрушительное поражение, – сказала она. – А ведь с Йорками покончено навсегда, ибо все их наследники мертвы.

Никто не стал в эту минуту напоминать миледи, что наш кузен де ла Поль, прямой наследник Йорков, вполне жив и даже присягнул Генриху на верность; жив был и брат Мэгги, Эдвард Уорик, тоже прямой наследник нашего Дома. Пока что Эдварду ничто не грозило – он находился в детской вместе с моими младшими сестрами; но после слов миледи Мэгги так и застыла, боясь оторвать свой взгляд от досок пола и носков собственных туфель. Однако она, естественно, не проронила ни слова.

Моя мать встала и изящной походкой направилась к двери, на минутку как бы невзначай остановившись и заслонив собой Мэгги от разгневанной королевы-матери.

– Я сейчас схожу за молитвенником и четками, – сказала она. – Не угодно ли вам, ваша милость, чтобы я захватила и ваш требник?

Леди Маргарет тут же опомнилась и милостиво ей улыбнулась.

– Да, да, благодарю вас, – сказала она. – И пригласите в часовню хор. Да скажите всем, чтобы тоже взяли с собой четки. Сразу после обеда мы направимся в часовню.

* * *

Пока мы молились, я пыталась представить себе, что происходит там, на Великой Северной Дороге, в Йоркшире, близ замка Мидлхем. К сожалению, я не обладала таким даром предвидения, как моя мать, и могла лишь гадать. Если Ловеллу удастся проникнуть в замок, то за его мощными стенами он сможет продержаться месяцы, а то и годы. А если весь Север восстанет и присоединится к нему, то армия мятежников превзойдет численностью даже королевское войско, которым командует Джаспер Тюдор. Северяне всегда были надежными сторонниками Дома Йорков³¹. В Мидлхеме Ричарда любили как доброго господина, и алтарь в тамошней часовне всегда украшали белые розы. Я искоса глянула на мать. В данный момент она являла

³¹ В благодарность за постоянную поддержку Эдуард IV жаловал своему брату Ричарду многочисленные земли на севере, прежде всего в окрестностях Йорка, чем и объясняется прозвище Ричарда «повелитель Севера». Произошло своеобразное разделение: Ричард успешно властвовал на севере, а Эдуард – на юге; там, особенно в Лондоне, он всегда пользовался наибольшей поддержкой.

собой символ преданности Богу – коленопреклоненная, глаза закрыты, лицо обернуто к небесам; падавший на нее луч света подчеркивал ее спокойствие, даже безмятежность; она была прекрасна и похожа на бессмертного ангела, задумавшегося над грехами простых смертных.

– Ты знала об этом? – шепотом спросила я у матери, еще ниже склонив голову и быстро перебирая бусины четок.

Она даже глаз не открыла, даже головы не повернула, лишь губы ее шевельнулись, словно она повторяла про себя слова молитвы.

– Кое-что, – услышала я. – Сэр Франсис прислал мне весточку.

– Они за нас сражаются?

– Конечно.

– И как ты думаешь, они победят?

Мимолетная улыбка скользнула по неподвижному лицу.

– Возможно. Впрочем, одно я знаю совершенно точно.

– Что же?

– Они до полусмерти напугали Тюдоров. Ты видела лицо Маргарет? Ты видела лицо ее дружка-архиепископа, когда он выбежал из зала?

Вестминстерский дворец, Лондон. Май, 1486 год

Я поняла, что на улицах Лондона беспорядки, по громкому скрипу внешних ворот Вестминстера – обычно требовалось несколько десятков человек, чтобы их закрыть и запереть, – и громоподобному грохоту, свидетельствовавшему о том, что ворота наконец захлопнули. Затем загремела балка-противовес, когда ее просовывали в петли, чтобы ворота оставались закрытыми. В общем, мы забаррикадировались внутри королевского дворца, настолько опасаясь гнева лондонцев, что спрятались от них за мощными стенами и крепко запертыми воротами!

Прикрывая рукой свой большой живот, я прошла в покои матери и увидела, что она стоит у окна и смотрит вниз, на городские улицы. Рядом с ней стояли моя кузина Мэгги и моя младшая сестра Анна. Мать слегка повернулась в мою сторону, но ничего не сказала. Зато Мэгги, не оборачиваясь, тут же объявила:

– Они удваивают стражу на стенах дворца. Вон, отсюда хорошо видно, сколько людей выбегает из караульного помещения.

– Что происходит? – спросила я. – Что творится на улицах?

– Народ поднимает восстание против Генриха Тюдора, – спокойно сказала моя мать.

– Что?!

– Люди собираются под стенами дворца и строятся по сотням.

Я почувствовала, как ребенок беспокойно заворочался у меня в животе, охнула и поспешно присела.

– И что же нам делать?

– Пока ничего. Нам следует остаться здесь, разобраться в обстановке и понять, как быть дальше, – все так же спокойно ответила мне мать.

– Но куда мы можем отсюда пойти? – продолжала нетерпеливо спрашивать я. – Где сможем чувствовать себя в безопасности?

Она оглянулась, увидела мое побелевшее лицо и улыбнулась.

– Успокойся, моя дорогая. Я хотела сказать, что нам следует оставаться здесь, пока мы не узнаем, кто победил.

– Но разве мы знаем, кто с кем сражается?

Она кивнула:

– Да. Народ Англии, который по-прежнему предан Дому Йорков, восстал против нового короля, – сказала она. – Но нам в любом случае ничто не грозит. Если Ловелл победит в Йоркшире, а братья Стаффорд – в Вустершире, если жители Лондона захватят Тауэр, а потом и этот дворец осадят – тогда мы сможем спокойно выйти отсюда и...

– И что? – в ужасе прошептала я. Душа моя разрывалась от возрастающей тревоги.

– И снова занять свой трон, – спокойно ответила мать. – Генрих Тюдор вновь вынужден отчаянно сражаться за ту корону, которую он отвоевал всего девять месяцев назад.

– Ты считаешь, что мы сможем вновь занять трон?! – От охватившего меня ужаса мой голос стал пронзительным и сорвался на писк.

Мать только плечами пожала.

– Трон и так для нас не потерян, пока Англия пребывает в состоянии внутреннего мира и объединена усилиями, направленными против Генри Тюдора. Хотя, возможно, последует еще одна битва в бесконечной «войне кузенов». И власть Генриха станет всего лишь одним из эпизодов этой войны.

– Все «кузены» давно на том свете! – воскликнула я. – Все братья, принадлежавшие к Домам Ланкастеров и Йорков, мертвы!

Она улыбнулась.

– Генри Тюдор – из Дома Бофоров, – напомнила она мне. – Ты из Дома Йорков. И у тебя есть кузен Джон де ла Польш, сын твоей тети Элизабет, и кузен Эдвард Уорик, сын твоего дяди Джорджа, герцога Кларенса. Таким образом, на сцене следующее «поколение кузенов» – вопрос только в том, захотят ли они воевать против того, кто сейчас находится на троне.

– Но Генрих – полноправный король! И мой муж! – воскликнула я, но мать это не смутило. Она лишь пожала плечами и сказала:

– Значит, ты выиграешь в любом случае.

– Вы только посмотрите, что они несут? – крикнула нам Мэгги срывающимся от возбуждения голосом. – Посмотрите, какой флаг у них в руках?

Я встала и поверх ее головы выглянула в окно.

– Я что-то не пойму... не могу как следует разглядеть...

– Это же наш флаг! Уориков! – Голос Мэгги задрожал от радости. – И они выкрикивают наше имя! Они кричат: «За Уорика!» Они призывают Тедди!

Я посмотрела на мать и тихо сказала:

– Они призывают Эдварда, наследника Йорков. Ты слышишь? Они призывают наследника Йорков.

– Да, – спокойно откликнулась мать. – И это совершенно естественно.

* * *

Мы ждали новостей. Мне тяжело далось это ожидание, ибо мои друзья, мои родные, все те, кто поддерживал Йорков, с оружием в руках восстали против моего собственного мужа. Но куда тяжелее ожидание и неизвестность переживала леди Маргарет, королева-мать, которая, похоже, совсем лишилась сна и проводила каждую ночь на коленях перед маленьким алтарем, установленным в ее личных покоях, а потом весь день молилась в часовне. Она сильно похудела и поседела от постоянной тревоги, а мысль о том, что ее единственный сын где-то далеко, среди ненадежных союзников и неверных подданных, что он не имеет иной защиты кроме армии, возглавляемой Джаспером Тюдором, делала ее прямо-таки больной от страха. Она обвиняла его друзей в предательстве, а тех, кто раньше ему сочувствовал, в том, что теперь они от него отrekliсь. Она перечисляла их имена в своих молитвах, обращенных к Богу, и просила Его наказать тех людей, которые после Босуорта собрались под знамена победителя, но, стоило ему потерпеть неудачу, как они от него отшатнулись. Она почти ничего не ела – держала строжайший пост, желая добиться благословения Господня; но всем было ясно: она просто больна от страха за сына, и этот страх все возрастает, ибо ей кажется, что Господь по неизвестной причине отвернулся от Генриха и не желает более поддерживать Тюдоров. Господь привел ее сына на английский трон, но не дал ему сил, чтобы этот трон удержать.

Было известно, что в небольших пригородных деревеньках, далеко за пределами Вестминстера, возникают отдельные схватки между отрядами лондонцев и войсками Тюдора, и почти на каждом перекрестке звучит призыв «За Уорика!». В Хайбери мятежники, вооруженные камнями, граблями, кочергами, вилами и косами, устроили настоящий бой с хорошо вооруженной королевской гвардией. Ходили слухи, что солдаты Генриха порой бросают на землю боевые штандарты Тюдора и спешат присоединиться к повстанцам. В Лондоне из уст в уста шепотом передавали слухи о том, что крупные лондонские купцы и даже сам городской совет выступают в поддержку мятежников, заполнивших улицы и криками требующих возвращения Йорков на престол.

Леди Маргарет приказала закрыть все ставни на окнах, выходящих на улицы, чтобы мы не могли видеть, что быстротечные стычки толпы и королевской гвардии происходят буквально под стенами дворца. Затем она приказала закрыть и запереть на засов ставни и на всех остальных окнах, чтобы мы не слышали криков толпы, требовавшей возвращения Йорков и призы-

вавшей Эдварда Уорика, моего маленького кузена Тедди, выйти к народу и приветствовать его хотя бы взмахом руки.

Тедди мы старались держать как можно дальше от окон; мы запретили слугам сплетничать, но он все же узнал, что народ Англии призывает его стать королем. Однажды я зашла к нему в классную комнату, чтобы послушать, как он читает вслух какой-то рассказ, и он вдруг заявил мне:

– Но ведь наш король – Генрих!

– Да, конечно, наш король – Генрих, – подтвердила я.

Мэгги быстро глянула на нас, хмурясь от беспокойства.

– Значит, им не следует так громко выкрикивать мое имя, – сказал Тедди. Ему, похоже, и в голову не приходило, что он может сам стать королем.

– Безусловно, не следует, – согласилась я. – Надеюсь, они скоро перестанут его выкрикивать.

– Но они явно не хотят короля Тюдора!

– Ну, вот что, Тедди, – вмешалась Мэгги, – ты прекрасно знаешь, что на эту тему говорить не следует.

Я ласково накрыла своей рукой руку мальчика.

– Мало ли чего они хотят, – сказала я ему. – Тюдор выиграл битву и был коронован как король Англии Генрих VII. И кто бы что ни говорил, а он действительно король Англии. Все мы совершили бы очень и очень большую ошибку, если бы забыли об этом.

Тедди посмотрел на меня; его честное личико прямо-таки светилось искренней преданностью королю.

– Я никогда не совершу такой ошибки! – пообещал он мне. – Я ничего не забыл. И хорошо понимаю, что теперь он – наш король. А тебе, Лиз, хорошо бы объяснить это тем плохим мальчишкам, что кричат на улицах.

* * *

Но я ничего не смогла объяснить «плохим мальчишкам», и те продолжали выкрикивать призыв «За Уорика!». Леди Маргарет никому не разрешала выходить за тяжелые ворота Вестминстера, пока не утихнет возбуждение, царившее в городе. Стены дворца не были повреждены, тяжелые мощные ворота невозможно было взять силой. Разъяренную толпу гвардейцы легко держали на расстоянии, а потом и вовсе отогнали, и мятежники устремились в дальние районы города или же в бессильном гневе попрятались по домам. На улицах Лондона вновь воцарилось относительное спокойствие, и мы распахнули ставни на окнах и открыли тяжелые ворота дворца, показывая всем, что мы вполне уверены в себе, и народу следует приветствовать нас, своих нынешних правителей. Впрочем, я сразу заметила, что настроение у лондонцев весьма мрачное; каждый поход дворцовых слуг на рынок заканчивался потасовкой; на стенах по-прежнему дежурила удвоенная стража; и мы по-прежнему не имели вестей с севера и не знали даже, состоялось ли сражение Генриха с повстанцами и за кем осталась победа.

Наконец в конце мая, когда при дворе следовало бы уже настраиваться на летний отдых за городом – готовиться к различным развлечениям: прогулкам вдоль реки, турнирам и репетициям спектаклей, а также музицировать и ухаживать за дамами, – леди Маргарет получила от Генриха письмо, в которое была вложена и записка для меня. Король также прислал открытое письмо парламенту – его привез мой дядя Эдвард Вудвилл, который прибыл в Лондон в сопровождении небольшого отряда йоменов, специально переодетых в ливреи, чтобы показать, что слуги Тюдоров могут совершенно спокойно, ничего не опасаясь, ездить по Большой Северной Дороге из Йорка в Лондон.

– И что же пишет король? – спросила у меня мать.

– С мятежниками покончено, – сказала я, быстро прочитав полученную от мужа записку. – Генрих пишет, что Джаспер Тюдор преследовал повстанцев далеко на север и только после этого вернулся. Франсис Ловелл сумел бежать, а братья Стаффорд вновь укрылись в святом убежище. Но Генрих приказал вытащить их оттуда... – Я помолчала, глянув поверх письма на мать, и неуверенно продолжила: – Он приказал вломиться в святое убежище... Он грубо нарушил законы церкви... Он пишет, что все они будут казнены...

Я протянула матери письмо, удивляясь тому, что при этом испытываю странное облегчение. Конечно же, я хотела реставрации Дома Йорков. Конечно же, мне хотелось, чтобы враги Ричарда были наказаны. Порой мне страстно хотелось увидеть – и в своих снах и мечтах я действительно видела это! – как Генрих падает с коня на землю и из последних сил пытается спастись, но против яростной кавалерийской атаки ему не выстоять, и он снова падает, и конские копыта топчут землю рядом с его головой... И все же я обрадовалась, получив это письмо; оно принесло мне добрую весть: мой муж остался жив. Ведь я сейчас носила в чреве своем маленького Тюдора, и я никак не могла желать смерти отцу своего ребенка! Я не могла желать, чтобы и его, голого и окровавленного, как Ричарда, перекинули через седло его охромевшего боевого коня. Я вышла за Генриха замуж, я дала ему клятву, но самое главное – я носила под сердцем его ребенка, хоть сердце мое и было похоронено в некой безвестной могиле вместе с телом Ричарда. Да, я была принцессой Йоркской, но я стала женой Генриха Тюдора, я поклялась ему в верности, и будущее мое отныне было связано именно с ним.

– Все кончено, – прошептала я. – Слава богу, теперь все кончено!

– Ничего подобного, – спокойно возразила моя мать. – Все еще только начинается!

Дворец Шин, Ричмонд. Лето, 1486 год

Еще несколько месяцев Генрих, не возвращаясь домой, продолжал поездку по стране и наслаждался плодами победы, одержанной над Ловеллом и Стаффордами, тем более все его ненадежные союзники тут же вновь к нему вернулись – кого-то привлекала власть, кто-то боялся проигрыша, но все они понимали, что выделиться среди прочих придворных им уже не удастся, ибо в минуту опасности они не оказали королю должной поддержки. Хэмфри Стаффорд был подвергнут допросу, обвинен в предательстве и казнен, но его младшего брата Томаса Генрих помиловал. Он вообще щедро раздавал прощения и помилования, словно опасаясь чрезмерной подозрительностью оттолкнуть от себя тех, кто сейчас вновь переметнулся на его сторону. Генрих старательно уверял всех, что будет добрым и милостивым правителем и те, кому приходится просить его о прощении, найдут его весьма великодушным.

Леди Маргарет подготовила особое представление для папы римского и передала его через своего подручного Джона Мортонa; вскоре из Рима был получен положительный ответ, и законы о святом убежище оказались пересмотрены в угоду Тюдорам. Предатели утратили возможность скрываться за стенами святой церкви, и Бог отныне оказался на стороне короля, поддерживая творимое им правосудие. Королеве-матери хотелось, чтобы ее сын правил Англией как бы изнутри неприступного убежища, лучше бы от алтаря, а еще лучше – прямо на пути в рай, и ей, как ни странно, удалось убедить в этом папу. Теперь нигде нельзя было скрыться от жестоких йоменов Генриха, составлявших его личную гвардию. Ни одна дверь, даже на святой церковной земле, не могла быть перед ними закрыта.

Могущество английского закона также должно было быть направлено во благо Тюдоров. Судьи, подчиняясь приказам короля, пытали тех, кто поддержал Стаффордов или Ловелла; затем кого-то миловали, а кого-то наказывали в соответствии с полученными от Генриха указаниями. Если в Англии времен моего отца считалось, что судьи должны сами решать, какой вынести приговор, а суд присяжных вообще должен был быть свободен от всякого влияния, кроме истины, то теперь судьи ждали, пока король выразит свои предпочтения, и лишь после этого объявляли приговор. Заявления обвиняемых и даже их признательные показания имели куда меньшее значение, чем мнение короля о том, сколь серьезно совершенное ими преступление. Членов суда присяжных даже не заставляли приносить клятву, с ними даже не советовались. Генрих, который по-прежнему старался оставаться над схваткой, отлично правил и вершил правосудие с помощью своих бесхребетных судей, распоряжаясь и жизнью, и смертью людей.

* * *

Домой он вернулся только в августе и сразу же переместил свой двор подальше от столицы, осмелившейся ему угрожать, подальше ото всех больших городов – в прекрасный, недавно восстановленный дворец Шин, стоявший на берегу реки. Вместе с ним отправились мой дядя Эдвард и мой кузен де ла Польша. Они ехали в свите короля, легко и непринужденно всем улыбаясь и понимая, что далеко не все доверяют им до конца; они прилюдно приветствовали мою мать как свою близкую родственницу, но никогда – ни разу! – не поговорили с ней наедине; казалось, они вынуждены каждый день с утра до вечера демонстрировать королю, что никто из Йорков не сплетничает, не нашептывает друг другу некие тайны, и все мы совершенно преданы отныне Дому Тюдоров.

Многие очень быстро догадались, что король попросту не осмеливается жить в Лондоне, что он боится извилистых улиц и темных переулков столицы и тех зловещих тайн, которые

скрывает ее река и ее обитатели. Немало людей вслух говорили, что Генрих сомневается в преданности лондонцев и не верит в собственную безопасность, даже если прячется за стенами дворца. Хорошо организованные отряды повстанцев по-прежнему держали оружие наготове, да и ремесленники в любую минуту могли снова поднять мятеж. Если бы нового короля в Лондоне любили по-настоящему, он во дворце чувствовал бы себя как в крепости, да и верная стража всегда надежно охраняла бы каждую дверь. Но Генрих не только не был уверен в добром отношении подданных, но и каждую минуту чувствовал у себя над головой дамоклов меч затаенной угрозы. Любой предлог – слишком жаркая погода, неудачная концовка пьесы, несчастный случай во время турнира, арест какого-нибудь юнца, любимца молодежи, – мог послужить толчком к очередной вспышке возмущения, а следующий мятеж вполне способен был лишить Генриха трона.

А потому он настоял, чтобы все мы непременно переехали в Шин. Он обожал тамошнюю природу, особенно в летнее время, и громко восхищался красотой дворца и богатством парка. Меня он поздравил с тем, как заметно увеличился мой живот, и стал требовать, чтобы я как можно больше отдыхала. Когда мы с ним вместе спускались в зал к обеду, он говорил, чтобы я сильнее опиралась на его руку, словно собственные ноги меня уже не держали. Вообще он был со мной нежен и добр, и я с удивлением обнаружила, что испытываю большое облегчение в связи с его благополучным возвращением домой. Тревожные бодрствования миледи тоже прекратились, как только она увидела сына живым и невредимым. Смягчилась и та атмосфера постоянной неопределенности, что все это время царила при дворе; придворные явно приободрились и повеселели, особенно когда Генрих снова каждое утро стал выезжать на охоту, а вечером хвастаться своей добычей – подстреленным оленем или другой дичью. Он даже выглядеть стал значительно лучше; за время долгого путешествия по Англии его кожа словно согрелась под солнечными лучами, лицо загорело и стало более спокойным; теперь он гораздо чаще улыбался. Да, отправляясь на север, Генрих, безусловно, испытывал страх, но теперь, когда оправдались, а потом и остались позади его худшие опасения, он чувствовал себя победителем и вновь воспрянул духом.

Каждый вечер он приходил ко мне в спальню, иногда захватив с собой прямо из кухни сбитые сливки с вином и сахаром, которые приказывал мне немедленно выпить, пока они еще теплые. Он явно хотел сам услужить мне, словно у нас и не было сотни слуг, готовых выполнить любой приказ, и я каждый раз смеялась над ним, когда он аккуратно, точно вышколенный дворецкий, нес на подносе маленький кувшин и чашку со сливками.

– Ну, ты-то привыкла, чтобы для тебя все слуги делали, – говорил Генрих. – Ты выросла в королевском дворце, и рядом с тобой вечно слонялась дюжина слуг, не знающих, чем им заняться. А мне во время жизни в Бретани приходилось самому себя обслуживать. Иногда у нас с дядей даже кухарки не было. А порой, если честно, и дома-то не было; мы вполне могли считать себя самыми настоящими бродягами.

Если я собиралась сесть в свое любимое кресло у огня, он, считая, что это кресло недостаточно удобно для матери будущего принца, настаивал, чтобы я устроилась на постели.

– Сядь сюда и ноги подними, – говорил он, помогая мне усесться. Потом сам снимал с меня туфли и подавал мне чашку со сливками. Мы с ним ужинали вдвоем, точно небогатое купеческое семейство, и Генрих, нагрев кочергу в камине, погружал ее в кувшин с легким элем – питье только что не закипало при этом – и разливал его, исходявшее паром, по бокалам, а затем один бокал протягивал мне.

– Признаюсь тебе, в Йорке мое сердце прямо-таки окаменело, – рассказывал он. – Там такой пронизывающий ледяной ветер, а дождь прямо-таки сечет лицо, точно ножом! И лица у тамошних женщин как камень. Они так на меня смотрели, словно я у каждой из них единственного сына убил. Да ты и сама знаешь, какие они. Они до сих пор очень любят Ричарда и

говорят о нем так, словно он только вчера оттуда уехал. Но почему? Отчего в них до сих пор столь сильна приверженность покойному Ричарду?

Я опустила лицо в чашку со сливками, чтобы Генрих не заметил предательски мелькнувшей на моем лице тени тщательно скрываемого горя.

– Он, должно быть, обладал знаменитым обаянием Йорков? – продолжал допрашивать меня мой муж. – Тем невероятным даром, который заставлял людей в него влюбляться? Этим даром обладал и твой отец, король Эдуард. Да и ты сама им обладаешь. Это дар Божий. Во всяком случае, разумно это явление объяснить невозможно. А может, это воздействие неких магических чар? Неужели благодаря одному лишь обаянию можно заставить людей следовать за тобой?

Я пожала плечами. Голосу своему я в данную минуту не доверяла; да мне и не хотелось говорить о том, почему все любили Ричарда, почему его друзья готовы были жизнь за него отдать, почему некоторые из его сподвижников и после его смерти продолжают сражаться с его врагами – во имя любви к нему, в память о нем. Да что там, простые солдаты и те готовы полезть в драку, если кто-то назовет Ричарда узурпатором. А рыночные торговки рыбой и теперь порой вытаскивают ножи и готовы прикончить любого, кто скажет, что король Ричард был горбатым и слабосильным³².

– У меня, во всяком случае, этого дара нет, не так ли? – напрямик спросил Генрих. – Что бы это ни было – Божий дар, колдовство или талант – я им не обладаю. Всюду, куда бы мы ни направились, я улыбался людям, приветственно махал рукой и делал все, что нужно и должно. Я старательно играл роль короля, уверенного в своих силах и своих правах на трон, даже если порой и чувствовал себя нищим претендентом, которого не поддерживает никто, кроме слепой в своей любви матери и доброго дядюшки; я чувствовал себя пешкой в той большой игре, которую затеяли другие правители Европы. Я никогда не относил себя к числу тех, кого любят привередливые лондонцы; я никогда не слышал, чтобы мои солдаты с восторгом выкрикивали мое имя. Я не тот человек, за которым идут во имя любви.

– Но ты выиграл решающее сражение, – сухо заметила я. – И в тот день приобрел немало союзников и последователей. И только это имеет реальное значение. Теперь ты король Англии. Ты и сам любишь повторять, что ты – король и завоевал право так называться благодаря одержанной в честном поединке победе.

– Это был не поединок. Я одержал победу благодаря наемному войску, оплаченному королем Франции, и той армии, которую мне одолжили в Бретани, которая наполовину состояла из наемников, а наполовину – из преступников и убийц, выпущенных из тюрем. В моей армии не было людей, которые служили бы мне во имя любви. Я никогда не знал народной любви, – тихо прибавил он. – И вряд ли когда-либо узнаю, что это такое. Этого дара я, безусловно, начисто лишен.

Я опустила чашку, и на мгновение наши глаза встретились. Это вышло случайно, но я успела заметить грусть в его глазах и догадалась: он уверен, что его не любит никто, даже собственная жена. Что таким уж он уродился. Он провел свою юность в ожидании английского трона, он рисковал жизнью, сражаясь за этот трон, и теперь вдруг обнаружил, что власть – это всего лишь пустая корона; что у власти нет ни души, ни сердца.

Я пыталась хоть чем-то заполнить эту неловкую паузу, но ничего придумать не могла. Потом все же отыскала спасительную зацепку:

– Но у тебя же есть сторонники?

Он горько усмехнулся.

³² Весьма распространенная точка зрения, которую разделял и У. Шекспир; именно таким он изобразил Ричарда в своей трагедии «Ричард III».

– О да. Кое-кого я купил: Куртенэ, Хауардов. А еще у меня есть друзья, «созданные» для меня моей матерью. Я, правда, могу рассчитывать на тех немногих, что сохранили дружбу со мной со времен ссылки: на моего дядю Джаспера, на графа Оксфорда, на братьев Стэнли, на некоторых родственников моей матери. – Он помолчал. – Это странный вопрос, особенно если муж задает его собственной жене... но я не могу думать больше ни о чем с тех пор, как мне сказали, что Ловелл выступил против меня. Я знаю, он был другом Ричарда. Я понимаю: он очень любил Ричарда, ибо продолжал сражаться за него, даже когда Ричард погиб. Но все это как раз и заставляет меня задать тебе этот вопрос: а на тебя я могу рассчитывать?

– Как тебе только такой вопрос в голову пришел!

– Но, говорят, ты тоже очень любила Ричарда. А я достаточно хорошо тебя знаю и не сомневаюсь: тобой руководило отнюдь не честолюбие, когда ты хотела стать его женой и королевой, тобой руководила любовь. Вот почему я и задаю тебе этот вопрос. Ты все еще его любишь? Как и лорд Ловелл? Как и те женщины в Йорке? Ты все еще его любишь, хотя он давно уже мертв? Могу ли я в таком случае на тебя рассчитывать?

Я слегка поерзала, словно мне вдруг стало неудобно в моей мягкой постели, и стала маленькими глотками пить принесенные им сливки. Потом указала на свой живот.

– Ты правильно сказал: я – твоя жена. И на это ты, безусловно, можешь рассчитывать. Я скоро рожу тебе ребенка. И на это ты тоже можешь рассчитывать.

Он кивнул. Помолчал, потом сказал:

– Мы оба прекрасно знаем, как все это было. Я это сделал только для того, чтобы зачать дитя; это никоим образом не было актом любви. Да ты бы наверняка мне отказала, если б могла; ведь каждую ночь ты от меня отворачивалась. Но во время этой поездки я все время думал – особенно когда сталкивался с особым проявлением недружелюбия или сражался с мятежниками, – не могло ли между нами зародиться... некое доверие?

Он даже не упомянул о любви.

Я отвела глаза. Я не могла сейчас встретиться с его спокойным взглядом, да и ответить на его вопрос прямо тоже не могла.

– Но ведь все это я тебе и так обещала, – сказала я несколько невпопад. – Когда произносила брачную клятву.

Он услышал в моем голосе отказ. Осторожно наклонился и взял у меня из рук пустую чашку.

– Тогда пусть это так и останется, – сказал он и вышел из моей комнаты.

Монастырь Святого Суизина, Винчестер. Сентябрь, 1486 год

Розовое солнце тонуло в шафрановых облаках, опускаясь все ниже, и в конце концов исчезло за подоконником моего окна. Стоял сентябрь, уже близился вечер, когда я, пробудившись от дневного сна, лежала и наслаждалась теплыми лучами уходящего солнца. Это был мой последний солнечный денек: уже этим вечером мне предстояло красиво одеться к обеду, принять поздравления и подарки от придворных и отправиться в родильные покои, где я должна была ждать появления на свет моего первенца. В родильных покоях всегда царит полумрак, поскольку окна и ставни полагается держать закрытыми, и до рождения ребенка от меня будет затенен даже слабый свет свечей.

Если бы королева-мать могла прилюдно признаться, когда именно был зачат этот ребенок – а это случилось по крайней мере за месяц до нашей свадьбы! – она бы с удовольствием заперла меня в родильных покоях еще недели четыре назад. Она уже занесла в Королевскую Книгу указ о том, что королева должна находиться в родильных покоях полные шесть недель до предполагаемого дня родов. После торжественного прощального обеда придворные должны сопроводить ее к дверям этих покоев, и она не должна больше выходить оттуда (согласно Господней воле, как утверждает моя благочестивая свекровь) в течение полных шести недель до родов и полных шести недель после того, как произведет на свет здорового младенца; затем ребеночка должны вынести оттуда и окрестить, и только тогда королева имеет право, пройдя в церкви очистительный обряд, покинуть родильные покои и вновь занять свое место при дворе. Целых три месяца пребывать в тишине и темноте! Я читала этот указ, написанный элегантным почерком леди Маргарет, ее любимыми черными чернилами, и поражаюсь ее суждениям относительно того, какие именно гобелены должны украшать покои роженицы и какой полог следует повесить у нее над кроватью. Странно, думала я, что ей все-таки удалось родить сына, ибо, на мой взгляд, только бесплодная женщина способна была сочинить столь жестокий указ.

Впрочем, наша королева-мать родила только одного сына, своего драгоценного Генриха, и после этого стала бесплодной. Наверное, если бы ее каждый год заставляли по три месяца торчать в родильных покоях вдаль от родных, вдаль от светской жизни, то ее идеи насчет содержания рожениц не отличались бы подобной жестокостью. Скорее, она придумала эти правила не для того, что обеспечить мне перед родами личную неприкосновенность и отдых, а для того, чтобы убрать меня с дороги и занять мое место при дворе на целых три долгих месяца, а потом делать так каждый раз, как только ее сын меня обрюхатит. Только и всего.

Но на сей раз ее приказ чудесным образом сыграл с нею злую шутку, ибо мы, все трое, уже объявили публично и весьма, надо сказать, громогласно, что этот ребенок зачат в медовый месяц и явился благословенным и быстрым результатом сыгранной в январе свадьбы, а стало быть, он должен родиться в середине октября. И вот, согласно установленным моей свекровью правилам, мне вовсе не требовалось отправляться в родильные покои вплоть до сегодняшнего дня, то есть до первой недели сентября. Если бы она поместила меня в эту темную комнату на восьмом месяце беременности, как и полагается, я бы весь август просидела взаперти, а так я была совершенно свободна – с огромным животом, но восхитительно свободна, – и только посмеивалась про себя, замечая, сколь неприятно леди Маргарет терпеть этот обман.

Теперь, по моим подсчетам, мне до родов оставалась примерно неделя. В моих мрачных покоях я была полностью отгорожена от внешнего мира и не должна была видеть ни одного мужчины, кроме священника, да и того только через затененный экран. Затем еще нужно было выдержать шесть долгих недель такой же изоляции после родов. Я прекрасно понимала, что все время моего отсутствия миледи будет наслаждаться, командуя двором, получая поздрав-

ления по поводу рождения внука, осуществляя обряд крещения и заказывая пир, тогда как мне придется сидеть взаперти, и ни один мужчина – даже мой муж, ее сын, – не будет иметь возможности меня навестить.

Для прощального обеда моя горничная принесла мне из гардеробной зеленое платье, но я только рукой махнула и тут же отослала ее прочь – я страшно устала от зеленых цветов Тюдоров. Вдруг дверь с шумом распахнулась, и в комнату вбежала Мэгги. Она рухнула передо мной на колени, крича: «Элизабет! То есть ваша милость! Элизабет! Ох, Лиз, спаси Тедди!»

Я так резво вскочила с постели, что ребенок у меня в животе тоже встревожился и подпрыгнул, и я едва успела ухватиться за портьеру, чтобы не упасть, потому что комната вдруг поплыла у меня перед глазами.

– Что такое с Тедди?

– Его забирают! Его увозят прочь!

– Осторожней! – предупредила ее моя сестра Сесили и поспешила ко мне, чтобы меня поддержать. Но я, не обращая на нее внимания, смотрела только на Мэгги.

– Куда его увозят?

– В Тауэр! – выкрикнула Мэгги. – Его отправляют в Тауэр! Ох, Лиз, идем скорее! Останови их! Пожалуйста!

– Немедленно ступай к королю, – через плечо бросила я Сесили, а сама направилась к двери. – Передай Генриху мой привет и спроси, не могу ли я незамедлительно с ним повидаться. – Крепко взяв Мэгги за плечо, я велела ей: – Успокойся! Сейчас мы с тобой пойдем туда, все выясним и остановим их.

А потом я прямо босиком бросилась бежать по длинным каменным коридорам, чувствуя, как сухие травы, расстеленные на полу, цепляются за подол моего длинного капота. Моя кузина, обогнав меня, взлетела по каменной винтовой лестнице на верхний, «детский», этаж, где находились спальни Мэгги, Эдварда и моих маленьких сестер Кэтрин и Бриджет, а также комнаты их наставников, воспитателей и прислуги. Но вскоре я увидела, как Мэгги, пятясь, спускается с лестницы, а следом за нею тяжело грохочут сапогами полдюжины гвардейцев.

– Вы не можете его забрать! – кричала Мэгги. – Здесь королева! Она вам не позволит! Вы не можете его забрать!

Затем гвардейцы появились из-за поворота лестницы, и я увидела сперва сапоги идущего впереди, затем его алые узкие рейтузы, а затем и его самого в ярко-алой тунике, отделанной жестким золоченым кружевом, которое как бы делило ее на четыре части; такова была военная форма йоменов из личной гвардии Генриха, иначе говоря, из только что созданной им своей персональной армии. Следом за первым гвардейцем спустился еще один, потом еще, и я поняла, что Мэгги ничуть не преувеличивала: они действительно прислали целый отряд из десяти человек, чтобы забрать одного бледного и трясущегося одиннадцатилетнего мальчика! Эдвард был так напуган, что последний из гвардейцев подхватил его под мышки, чтобы он не свалился с лестницы; ноги у мальчика заплетались, однако он все же пытался сопротивляться и всюду лягался. Гвардейцы наконец подтащили его к тому месту у подножия лестницы, где стояла я, Эдвард больше всего был похож на большую куклу с каштановыми растрепанными кудрями и широко раскрытыми перепуганными глазами.

– Мэгги! – закричал он, увидев сестру. – Мэгги, скажи им, чтобы меня немедленно поставили на пол!

Я шагнула вперед.

– Я – Елизавета Йоркская, – сказала я тому гвардейцу, что стоял впереди. – Я – жена его милости нашего короля. А это мой кузен, граф Уорик. Вам не следует даже просто прикасаться к нему, а вы что себе позволяете? И скажите на милость, что здесь вообще творится?

– Элизабет, скажи, чтобы они поставили меня на пол! – тут же снова закричал Тедди. – Опустите меня! Поставьте меня на пол немедленно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.